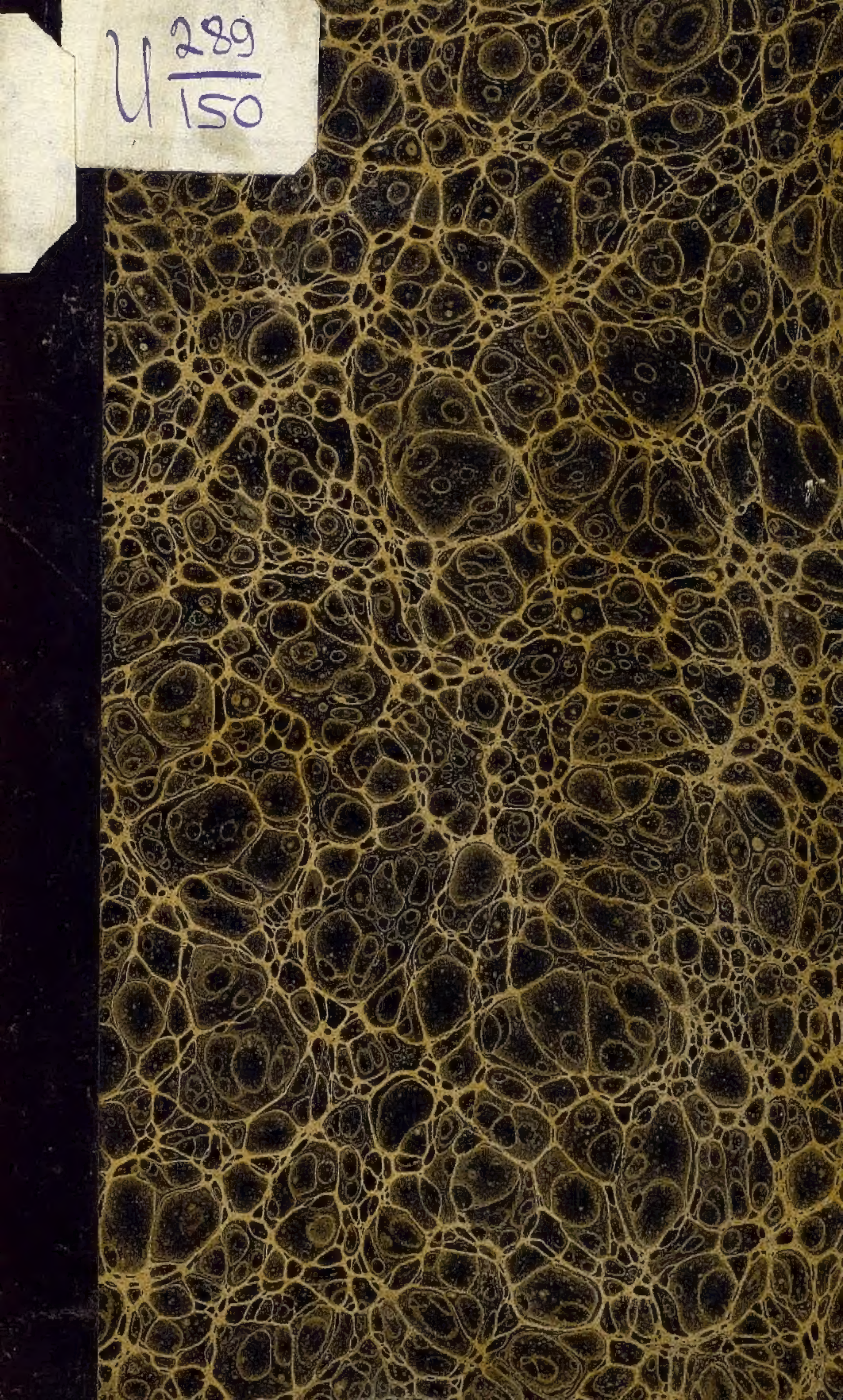

И 289
150

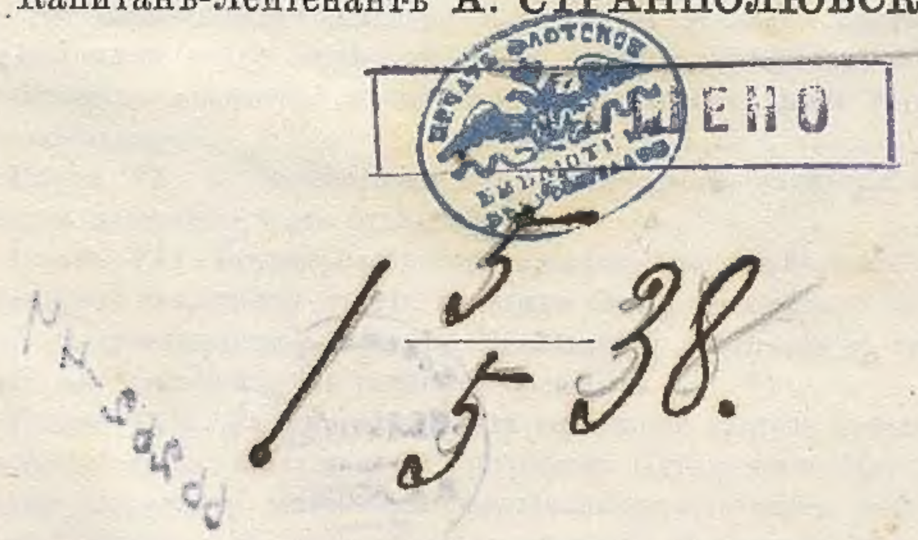
ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ

ВЫСШАГО МОРСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ

ВЪ РОССІИ.

Капитанъ-Лейтенантъ А. СТРАННОЛЮБСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1878.

(Изъ №№ 10 и 11 «Морскаго Сборника» 1878 года).

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ВЫСШАГО МОРСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ (*).

I.

Условія, опредѣляющія успѣхи Морской Академіи. Необходимость спеціализаціи ея курсовъ вообще.

Степень совершенства Морской Академіи, а слѣдовательно и размѣръ пользы, приносимой ею флоту и вообще развитію и преуспѣянію морскаго дѣла въ Россіи, зависятъ отъ весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ условій. Но всѣ они распадаются, однакоже, на три главнѣйшія группы: во-пер-

(*) Эта статья составляетъ одинъ изъ отвѣтовъ на нижеслѣдующій циркуляръ Комитета морскихъ учебныхъ заведеній отъ 31 января 1878 года.

«Настоящее состояніе Морской Академіи, существующей на основаніи положеній, утвержденныхъ для Академическаго курса Морскихъ Наукъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, не удовлетворяетъ вполнѣ современнымъ потребностямъ этого учрежденія. Комитетъ Морскихъ Учебныхъ Заведеній, начавъ пересмотръ этихъ положеній, пришелъ къ убѣжденію, что только при содѣйствіи лицъ, близко знакомыхъ какъ съ дѣйствительною службою на флотѣ, такъ и съ устройствомъ бывшихъ офицерскихъ классовъ и Академическаго курса Морскихъ наукъ, возможно выработать положеніе для Морской Академіи, которое бы стояло на высотѣ нынѣшнихъ потребностей морской службы.

Вслѣдствіе этого, Комитетъ, съ разрѣшенія Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, обращается къ Вамъ, Милостивый Государь, съ покорнѣйшею просьбою, доставить въ оный Ваше мнѣніе о лучшемъ устройствѣ Морской Академіи, для того чтобы она могла приносить возможно большую пользу флоту. Всякое мнѣніе, какъ самое краткое, такъ и самое обширное, будетъ принято съ благодарностью Комитетомъ, но было бы желательно чтобы въ представленномъ мнѣніи было между прочимъ возможно подробно выяснено: 1) Нужно ли подраздѣлять Академію на спеціальныя отдѣленія и какія именно? 2) Какіе предметы слѣдуетъ читать въ каждомъ отдѣленіи? 3) Какія практическія занятія необхо-

выхъ на условія, зависящія отъ состоянія приготовительнаго къ Академіи спеціальнаго и общаго образованія въ училищахъ морскаго вѣдомства и отъ отношеній Академіи къ этимъ училищамъ; во-вторыхъ на условія, зависящія отъ организаціи самой Морской Академіи и отъ внутренняго ея состоянія, и въ третьихъ на условія, зависящія отъ отношеній Академіи къ флоту.

димы для офицеровъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ? 4) Какихъ условій слѣдуетъ требовать отъ поступающихъ въ Академію? 5) Какія права и преимущества слѣдуетъ предоставить окончившимъ курсъ въ Академіи въ каждомъ отдѣленіи? 6) При двухъ-годичномъ курсѣ, принимать ли въ Академію ежегодно, или дѣлать пріемы черезъ годъ, какъ это существуетъ въ настоящее время? 7) Принимать ли офицеровъ въ Академію тотчасъ послѣ выпуска изъ училища или черезъ опредѣленное число лѣтъ.

Такъ какъ желательно, чтобы разсмотрѣніе въ Комитетѣ вопроса объ организаціи Морской Академіи не затянулось на слишкомъ продолжительное время, то Комитетъ проситъ Васъ, Милостивый Государь, если время позволитъ Вамъ заняться этимъ вопросомъ, доставить въ Комитетъ Ваше мнѣніе по немъ не позже 1 апрѣля текущаго года.

Для соображенія при составленіи записокъ по этому предмету, Комитетъ считаетъ нужнымъ указать:

а) Что существующій Академическій курсъ дѣлится на 3 отдѣленія: 1) Гидрографическое, 2) Кораблестроительное и 3) Механическое. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ проходится высшая математика (аналитическая геометрія и высшая алгебра, аналитическая механика, дифференціальное и интегральное исчисленія и физика) и сверхъ того: въ гидрографическомъ—астрономія и геодезія, гидрологія и метеорологія, теорія мореходныхъ качествъ судна, оптика и система маячнаго освѣщенія, и математическая теорія девіаціи компасовъ; въ Кораблестроительномъ—теорія и практика кораблестроенія, начертательная геометрія и прикладная механика; въ Механическомъ—курсъ построенія машинъ, сопротивленіе матеріаловъ, начертательная геометрія и прикладная механика.

б) Что существуютъ въ главныхъ чертахъ слѣдующія предположенія:

1) Учредить Академію, состоящую изъ пяти отдѣленій: Четыре — съ двухъ годичнымъ курсомъ, изъ которыхъ три спеціальныя для гидрографовъ, корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ: четвертое, - морское, въ которое входило бы изученіе математики, физики, морской артиллеріи и главнымъ предметомъ было бы теоретическое и практическое знакомство съ теоріею мореходныхъ качествъ судна, и наконецъ, — пятое, дополнительное, отдѣленіе, съ одногодичнымъ курсомъ, въ которомъ проходили бы морскую тактику, военно-морскую исторію, исторію русскаго флота, военно-морскую статистику и морское международное право.

2) Имѣть въ Академіи четыре отдѣленія съ двухъ-годичнымъ курсомъ, изъ которыхъ три существующія отдѣленія Академическаго Курса — гидрографическое, кораблестроительное и механическое и четвертое военно-морское съ кур-

Для правильнаго и всесторонняго обсужденія какъ общаго вопроса — каково должно быть «наилучшее устройство Морской Академіи для того, чтобы она могла приносить возможно большую пользу флоту», — такъ и для отвѣта на болѣе частные вопросы, относящіеся къ различнымъ подробностямъ учебной и административной организаціи Академіи, слѣдовало бы остановиться на самомъ тщательномъ разсмотрѣніи каждой изъ указанныхъ сейчасъ группъ обстоятельствъ, обусловливающихъ успѣхи Академіи. Конечно, нѣтъ никакой надобности пространно доказывать, что первая группа условій имѣетъ самое рѣшительное и неизбѣжное вліяніе на результаты образовательной дѣятельности Академіи. Очевидно, что каково бы ни было устройство Морской Академіи, какъ бы ни были превосходны ея административная и учебная организаціи, на какой бы научной высотѣ ни стоялъ ученый персоналъ профессоровъ и преподавателей Академіи, всѣ эти достоинства и преимущества оказались бы еще далеко недостаточными для достиженія удовлетворительнаго успѣха въ дѣлѣ высшаго научнаго морскаго образованія, еслибы предварительное общее и спеціальное образованіе въ училищахъ морскаго вѣдомства было обставлено неблагопріятными условіями. Но вопросъ о приготовительномъ мор-

---

сомъ слѣдующихъ предметовъ: морская стратегія, артиллерія, морское минное искусство, военно-морская исторія, исторія русскаго флота, военно-морская статистика и морское международное право.

3) Имѣть въ Академіи два отдѣленія, — одно для морскихъ офицеровъ, въ которомъ бы проходились предметы нынѣшняго Гидрографическаго Отдѣленія съ присоединеніемъ къ нимъ морской тактики, морской артиллеріи, морской исторіи, морской статистики и морскаго международнаго права, и другое, Техническое, для корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ.

4) Оставя безъ измѣненія существующее устройство Академіи, учредить по словеснымъ предметамъ, каковы морская исторія и морская статистика, постоянныя публичныя лекціи въ Кронштадтѣ.

На лѣтнее время флотскіе и штурманскіе офицеры Академіи должны быть непремѣнно посылаемы въ море. Въ этомъ случаѣ какимъ способомъ замѣнить тѣ практическія занятія, которыя въ настоящее время производятся лѣтомъ на берегу?

Желающіе подробнѣе познакомиться съ программами предметовъ, проходимыхъ нынѣ въ Морской Академіи и съ уставомъ Академическаго Курса, могутъ получить ихъ въ Канцеляріи Морскаго Училища».

скомъ образованіи уже и самъ по себѣ чрезвычайно сложенъ и обширенъ. Сверхъ того, имѣя крайне важное и притомъ вполнѣ самостоятельное значеніе, не зависящее даже отъ существованія Морской Академіи, вопросъ этотъ потребовалъ бы для всесторонней его разработки, особаго труда, отъ котораго теперь, по недостатку времени, мы принуждены отказаться. Желая, однако, теперь же принять посильное участіе въ обсужденіи вопроса объ устройствѣ собственно Морской Академіи, мы рѣшились упростить задачу настоящей статьи допущеніемъ предположенія, что предварительное общее и спеціальное морское образованіе отвѣчаетъ своей цѣли. Такимъ образомъ, хотя и не безъ ущерба для полноты и систематичности изложенія, мы получаемъ возможность, опустивъ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ первой изъ вышеуказанныхъ трехъ группъ, прямо перейти ко второй и третьей, т. е. къ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ устройствомъ собственно Морской Академіи, при чемъ только въ случаяхъ явной необходимости будемъ касаться вопросовъ первой группы, на сколько это потребуется для разъясненія нашихъ мыслей. Мы не дозволили бы себѣ такого отступленія отъ требованій полноты и систематичности изложенія, еслибы не были заранѣе увѣрены въ благосклонномъ вниманіи морскихъ офицеровъ ко всякому мнѣнію по такому важному вопросу, какъ устройство Морской Академіи, каковы бы ни были недостатки этого мнѣнія въ цѣломъ, если только оно выражено съ полною искренностью и заслуживаетъ обсужденія хотя бы только въ своихъ частностяхъ.

Обращаюсь прежде всего къ вопросу: *«нужно ли подраздѣлять Академію на спеціальныя отдѣленія»*? На этотъ вопросъ, безъ малѣйшаго колебанія, можно отвѣчать только въ утвердительномъ смыслѣ. Курсы Морской Академіи непремѣнно должны быть спеціализированы; какъ, — это другой вопросъ, но самый принципъ спеціализаціи непремѣнно долженъ быть удержанъ. Иначе утратилось бы даже всякое основаніе къ самому существованію Морской Академіи, какъ самостоятельнаго высшаго учебнаго учрежденія, содержимаго

на счетъ государства. Однимъ изъ лучшихъ и рѣшительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу этой мысли служитъ опытъ. Всѣмъ извѣстная исторія возникновенія офицерскихъ классовъ и ихъ постепеннаго развитія, закончившагося преобразованіемъ *въ Морскую Академію съ специальными отдѣленіями*, существующими уже болѣе пятнадцати лѣтъ, сильнѣе всякихъ пространныхъ теоретическихъ разсужденій доказываетъ, что въ основу учебной организаціи Морской Академіи долженъ быть положенъ принципъ специализаціи курсовъ, если только будемъ желать, чтобы Академія удовлетворяла современнымъ потребностямъ морскаго дѣла.

Для повѣрки и подкрѣпленія этой мысли обратимся къ другому не менѣе обширному и поучительному опыту. Военно-сухопутное вѣдомство, преслѣдуя цѣли, аналогичныя съ цѣлями военно-морскаго управленія, признаетъ необходимымъ имѣть особыя учрежденія для высшаго научнаго образованія специалистовъ, по разнымъ отраслямъ военнаго дѣла. Съ этою цѣлью, оно имѣетъ три академіи: академію генеральнаго штаба, академію инженерную и академію артиллерійскую. Первая изъ нихъ подраздѣляется еще на два отдѣленія, собственно генеральнаго штаба и геодезическое. Такимъ образомъ военное вѣдомство совершенно специализируетъ высшее военное образованіе, по тремъ главнымъ отраслямъ военнаго дѣла, и въ этой специализаціи доходитъ даже до того, что вполнѣ разъединяетъ всѣ три специальности другъ отъ друга, учреждаетъ для каждой изъ нихъ особые институты, съ совершенно самостоятельными, независящими одна отъ другой учебными, хозяйственными и административными организаціями, связанными между собою только общимъ подчиненіемъ всѣхъ трехъ институтовъ одной, стоящей внѣ каждаго изъ нихъ, высшей военно-административной власти. При этомъ, конечно, можетъ возникнуть вопросъ: необходимо ли такое полное разъединеніе трехъ военныхъ академій, существующихъ, въ концѣ концовъ, для достиженія общей всѣмъ имъ окончательной цѣли — приготовленія научно образованныхъ специалистовъ, способныхъ своими познаніями поддерживать военное дѣло въ государствѣ на надлежащей высотѣ. Но если бы даже допустить, что въ

видахъ сообщенія высшему военному образованію въ странѣ большаго единства, а также и для установленія болѣе тѣсной связи и сближенія между различными спеціалистами, наконецъ для осуществленія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ, экономическихъ и административныхъ удобствъ, возникла мысль о соединеніи всѣхъ трехъ спеціальныхъ военныхъ академій въ одинъ общій, высшій военно-учебный институтъ, то такая реформа никогда не коснулась бы самаго принципа спеціализаціи. Получилась бы военная академія хотя и объединенная въ одно хозяйственное и административное цѣлое, но въ учебной своей организаціи она непремѣнно удержала бы раздѣленіе на спеціальности. При этомъ можетъ быть оказалось бы возможнымъ, полезнымъ и даже необходимымъ установить, чтобы часть курсовъ была общею для всѣхъ спеціалистовъ, или только для нѣкоторыхъ изъ нихъ, но, во всякомъ случаѣ, невозможно было бы ожидать никакого успѣха въ дѣлѣ высшаго научно спеціальнаго образованія и никакихъ солидныхъ практическихъ результатовъ, безъ спеціализаціи занятій.

Еслибы допустить на минуту, что въ отношеніи Морской академіи принципъ спеціализаціи устраненъ и что она организовалась на манеръ прежнихъ офицерскихъ классовъ, съ общимъ для всѣхъ слушателей курсомъ, то, принявъ даже трехлѣтнюю продолжительность его, было бы крайне трудно, какъ показалъ и опытъ офицерскихъ классовъ, установить въ такой академіи программу, сколько нибудь отвѣчающую потребностямъ разнородныхъ спеціальностей морскаго дѣла. Такъ какъ при осуществленіи допущеннаго сейчасъ предположенія, не оказалось бы никакого логическаго основанія отдать какой либо изъ спеціальностей преимущества передъ другими, то единственнымъ, вѣроятнымъ послѣдствіемъ допущенной организаціи, было бы принятіе общаго для всѣхъ слушателей курса высшей математики, съ главнѣйшими ея приложеніями и общихъ же курсовъ по всѣмъ различнымъ спеціальнымъ отраслямъ морскаго дѣла. Эти послѣдніе курсы, по ихъ многочисленности, сравнительно съ даннымъ количествомъ учебнаго времени, пришлось бы сдѣлать крайне общими и поверхностными и такимъ образомъ, вмѣсто солиднаго выс-

шаго специальнаго образованія, получилось бы бѣдное, по научной глубинѣ и содержанію, полузнаніе спеціальныхъ предметовъ, почти не пригодное для практики. Слушатели такой академіи, по окончаніи въ ней курса, принуждены были бы, избравъ тотъ или другой родъ дѣятельности, начинать изученіе избранной спеціальности чуть не съ азбуки. Конечно, привычка къ научнымъ занятіямъ, пріобрѣтенная въ академіи и основательное изученіе математики и главнѣйшихъ ея приложеній, поставили бы этихъ офицеровъ въ положеніе болѣе благопріятное сравнительно съ лицами, не имѣвшими такой подготовки. Но одного этого результата слишкомъ мало и ради него только, рѣшительно не стоило бы содержать на счетъ государства особый институтъ — Морскую Академію. Подобный же результатъ могъ быть достигнутъ, и притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже гораздо полнѣе, открытіемъ для морскихъ офицеровъ доступа въ существующія уже высшія учебныя заведенія, каковы университеты и т. п. Какой смыслъ имѣла бы въ настоящее время Морская Академія, не достигающая никакихъ спеціальныхъ цѣлей, а дающая только, и то неполное, высшее математическое образованіе, когда для этого государство имѣетъ уже вполнѣ организованныя учебныя учрежденія — университеты и высшіе спеціальные институты. Это значило бы напрасно обременять бюджетъ государства и усложнять, безъ всякой практической пользы для дѣла, и безъ того сложныя обязанности Морскаго министерства. Если со времени своего основанія и до преобразованія въ академію, бывшіе офицерскіе классы не подраздѣлялись на спеціальные отдѣлы, то это объяснялось тогдашнимъ состояніемъ морскаго дѣла, которое было несравненно проще и такъ сказать цѣльнѣе, а потому и допускало до нѣкоторой степени одинаковость требованій въ дѣлѣ высшаго морскаго образованія. Но это положеніе безвозвратно миновало и если морская академія имѣетъ въ настоящее время право на существованіе, то не иначе, какъ при непремѣнномъ условіи—готовить научно образованныхъ *спеціалистовъ*. Одинъ изъ выдающихся современныхъ представителей науки о государствѣ, Штейнъ, изслѣдуя отношеніе государства къ

образованію, между прочимъ, говоритъ: «всякая задача жизни создаетъ общественную профессію. Приготовленіе къ такой профессіи составляетъ одно изъ великихъ условій развитія всего общества, и государство, какъ представитель интересовъ цѣлаго, обязано устроить профессіональное образованіе. Когда профессія получаетъ общественное значеніе, тогда учрежденія для профессіональнаго образованія не предоставляются на волю случая и частныхъ лицъ и являются съ характеромъ и правомъ общественныхъ учрежденій. Управленіе устраиваетъ ихъ и установляетъ порядокъ въ ихъ образовательной дѣятельности». Отъ профессіональнаго образованія, которое Штейнъ раздѣляетъ на приготовительное (оно соотвѣтствуетъ нашимъ среднеучебнымъ заведеніямъ) и окончательное (высшее), онъ требуетъ, «чтобы приготовительное (общее) образованіе было какъ можно болѣе однородно, а *окончательное (высшее) какъ можно болѣе спеціально* (*).

Итакъ, при обсужденіи организаціи Николаевской морской академіи, необходимо принять за общее руководящее начало принципъ спеціализаціи этого учрежденія. Такимъ образомъ естественно возникаетъ вопросъ: на какія же именно отдѣленія слѣдуетъ подраздѣлить морскую академію.

II.

Общія соображенія о раздѣленіи Морской академіи на спеціальныя отдѣленія и особенная необходимость учрежденія при академіи спеціальнаго военно-морскаго отдѣленія.

Практика морской службы выработала въ нашемъ флотѣ пять самостоятельныхъ корпусовъ офицеровъ: корпусъ собственно флотскихъ офицеровъ и корпуса флотскихъ штурмановъ, морскихъ артиллеристовъ, корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ. При обсужденіи вопроса о подраздѣленіи Морской академіи на отдѣлы прежде всего нужно имѣть въ виду эти издавна уже установившіяся спеціальности, очевидно, выражающія, если не вполнѣ точно, то по

(*) См. Государство и народное образованіе, начальное и профессіональное. Составлено по Штейну профессоромъ Бунге. Кіевъ, 1877 г., стр. 40. 44. 45.

крайней мѣрѣ, довольно приблизительно потребности морской службы, какъ онѣ у насъ сложились подъ вліяніемъ многолѣтняго опыта. Морская академія, при нынѣшней ея организаціи, только отчасти отвѣчаетъ принятому на флотѣ дѣленію специальностей. Въ ней не достаетъ отдѣленій собственно морскаго и артиллерійскаго. Слѣдовательно, прежде всего, необходимо выяснить до какой степени отсутствіе этихъ отдѣловъ можетъ быть совмѣстно съ интересами высшаго морскаго образованія.

Сейчасъ мы приводили мысли Штейна объ отношеніи государства къ профессіональному образованію. Съ точки зрѣнія Штейна, государство, какъ представитель интересовъ цѣлаго общества, обязано устроить профессіональное образованіе. Штейнъ прямо говоритъ, что если профессія получила общественное значеніе, то приготовленіе къ ней не можетъ быть предоставлено на волю случая и частныхъ лицъ, такъ какъ это приготовленіе составляетъ одно изъ великихъ условій развитія и преуспѣянія всего общества. Едвали кто нибудь станетъ оспаривать мысль, что корпусъ собственно флотскихъ офицеровъ существуетъ въ Россіи для удовлетворенія настоятельной государственной потребности и что, слѣдовательно, профессія эта имѣетъ важное общественное значеніе. Хотя въ русскомъ обществѣ и возбуждались неоднократно сомнѣнія въ необходимости военнаго флота для Россіи, вызывавшія и въ литературѣ болѣе или менѣе жаркую полемику, но сама историческая жизнь нашего отечества постоянно приводила и приводитъ насъ, къ сожалѣнію, почти всегда путемъ очень грустнаго опыта, къ признанію необходимости военнаго флота, если и не многочисленнаго по количественному составу, то, по крайней мѣрѣ, отвѣчающаго политической роли Россіи въ ряду другихъ государствъ и стоящаго на высотѣ современнаго состоянія морскаго дѣла въ Европѣ. Еслибы въ 1854—1855 г. нашъ Балтійскій флотъ былъ даже втрое меньше тогдашняго своего численнаго состава, но, взамѣнъ того, по своему матеріальному состоянію и устройству вполнѣ отвѣчалъ всѣмъ усовершенствованіямъ морскаго дѣла, которыми пользовались наши противники, то они не могли бы такъ безнаказанно распоряжаться въ нашихъ предѣлахъ,

какъ это случилось въ Крымскую войну и, во всякомъ случаѣ, военныя операціи союзниковъ подверглись бы значительнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ. Еслибы въ теченіе почти 20 лѣтъ, предшествовавшихъ недавно пережитой нами восточной войнѣ, мы небыли стѣснены Парижскимъ трактатомъ и могли безпрепятственно развивать наши морскія силы на Черномъ морѣ, то даже небольшая, но хорошо организованная боевая эскадра значительно облегчила бы и ускорила многія изъ нашихъ недавнихъ военныхъ операцій; мы не должны были бы отвлекать отъ нашихъ дѣйствующихъ армій большихъ военно-сухопутныхъ силъ для защиты черноморскаго побережья и, вѣроятно, не были бы свидѣтелями всѣмъ памятныхъ прискорбныхъ событій на кавказскихъ берегахъ. Эти и множество другихъ фактовъ и соображеній, о которыхъ нѣтъ надобности распространяться, достаточно убѣждаютъ въ необходимости военнаго флота для Россіи. Событія съ неумолимою и неотразимою логикою доказываютъ, что при современномъ состояніи человѣческихъ обществъ война еще представляетъ для государствъ неизбѣжную форму борьбы за ихъ историческое существованіе, политическое вліяніе и значеніе. Съ другой стороны, несомнѣнные опыты всѣхъ войнъ доказали, что не только для побѣды, но даже для сколько нибудь удовлетворительной борьбы, военное дѣло, во всякой странѣ, нуждается въ самомъ широкомъ примѣненіи къ нему науки. Кромѣ обширныхъ техническихъ знаній, необходимо знакомство съ исторіею и тщательное изученіе политическихъ и военныхъ потребностей государства, а также и средствъ для удовлетворенія ихъ. Безъ этого невозможно придти къ ясному, твердо установленному и правильному плану организаціи военно-морскихъ силъ, невозможно заранѣе предвидѣть какимъ именно оружіемъ та, или другая морская держава можетъ съ успѣхомъ бороться съ своими вѣроятными противниками на морѣ, невозможно устранить опасность быть застигнутымъ врасплохъ войною. Думать иначе значило бы становиться въ явное противорѣчіе съ исторіею. Всякое государство, въ которомъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, наука перестаетъ прогрессивно вліять на усовершенствованіе каждой изъ существенныхъ сторонъ государственной жизни, неизбѣжно подпа-

даетъ опасности вскорѣ утратить всякое самостоятельное значеніе въ ряду другихъ странъ и даже притти въ упадокъ. Нѣтъ никакой надобности распространяться на эту слишкомъ извѣстную тему. Итакъ если примемъ, что для Россіи нуженъ военный флотъ, то, очевидно, необходимы и спеціальныя учрежденія для приготовленія къ профессіи, за которою признается важное государственное значеніе. Но скажутъ, пожалуй, что у насъ есть уже Морское училище, снабжающее флотъ офицерами, и этого достаточно.

Съ такимъ заключеніемъ невозможно согласиться. Морское училище, какъ и всякое учебное заведеніе, имѣющее цѣлью приготовить массу молодыхъ людей для спеціальной практической дѣятельности, не можетъ удовлетворить требованіямъ высшаго морскаго образованія. Его ближайшая и единственно достижимая цѣль—дать своимъ питомцамъ только самыя необходимыя элементарныя знанія въ теоріи и практикѣ морскаго дѣла, сообщить только главнѣйшіе, уже готовые результаты науки и научить пользоваться ими на практикѣ. Задача Морскаго училища чисто практическая и не можетъ быть никакою иною. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно принять въ соображеніе, что Морское училище, при существующей его организаціи, имѣетъ дѣло съ массою молодыхъ людей, юношей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и дѣтей, далеко не закончившихъ общаго образованія и слѣдовательно не вполнѣ развитыхъ умственно. Спеціальный курсъ училища продолжается три года и въ это, сравнительно короткое время, приходится ознакомить воспитанниковъ съ большимъ числомъ предметовъ, для усвоенія которыхъ необходимъ усиленный трудъ даже со стороны учениковъ, одаренныхъ хорошими способностями и одушевленныхъ желаніемъ учиться. Въ массѣ же воспитанниковъ, большинство которыхъ поступаетъ въ Морское училище въ такомъ возрастѣ, когда не возможенъ сколько нибудь сознательный выборъ спеціальности, когда умственныя способности далеко еще не сложились окончательно, когда даже при совершенной строгости и тщательности пріемнаго испытанія невозможно отобрать безошибочно и съ увѣренностью только дѣйствительно способныхъ и хорошо подготовленныхъ,—въ такой массѣ, въ

спеціальныхъ классахъ училища, воспитанниковъ съ недостаточными и средними способностями и знаніями оказывается несравненно больше, нежели юношей способныхъ, трудолюбивыхъ и съ хорошими познаніями. Можно даже сказать, безъ преувеличенія, что послѣдніе совершенно теряются въ остальномъ большинствѣ. И такъ всегда бываетъ въ заведеніяхъ, задающихся цѣлью образовывать массу. Въ многолюдномъ, и всегда болѣе или менѣе случайно образовавшемся собраніи учениковъ, огромное большинство непремѣнно составится изъ молодыхъ людей съ обыкновенными и слабыми способностями. А въ такомъ случаѣ неизбѣжно придется удовлетвориться курсомъ ученія, обнимающимъ только существенно необходимыя для практики стороны той спеціальности, для нуждъ которой существуетъ учебное заведеніе, и если оно удовлетворительно выполняетъ такую програму, то большаго отъ него нельзя и требовать. Но такимъ результатомъ можно удовлетвориться только по отношенію къ ближайшимъ и насущнѣйшимъ требованіямъ службы. Для того же, чтобы корпусъ морскихъ офицеровъ вполнѣ удовлетворялъ нуждамъ государства—необходимо имѣть въ средѣ его лицъ научно образованныхъ, способныхъ не только примѣнять къ практикѣ результаты добытые другими, но могущихъ относиться научно, критически и вполнѣ самостоятельно къ разнообразнымъ и часто очень труднымъ и сложнымъ вопросамъ, возникающимъ въ сферѣ ихъ спеціальности. Для образованія такихъ офицеровъ безусловно необходимо имѣть особое высшее спеціальное учебное заведеніе. Курсъ его, обнимая разнообразныя отрасли морскаго дѣла, долженъ въ то же время, достаточно глубоко и основательно познакомить слушателей съ науками вспомогательными, необходимыми для научной разработки всѣхъ сторонъ военно-морской спеціальности. Такъ какъ для усвоенія такого курса и для примѣненія его къ потребностямъ флота необходимы хорошо подготовленные и способные молодые люди, то доступъ въ такое заведеніе долженъ быть обставленъ весьма строгими требованіями, какъ можно болѣе гарантирующими успѣхи въ академическихъ занятіяхъ и дальнѣйшую самостоятельность академистовъ въ примѣненіи пріобрѣтенныхъ

ими научныхъ знаній къ нуждамъ флота. Нечего опасаться, что не всѣ морскіе офицеры пройдутъ черезъ такую школу, что можетъ быть ихъ будетъ даже очень не много. Это не поведетъ ни къ какимъ практическимъ неудобствамъ. Нельзя же обязать всѣхъ поголовно во всѣхъ подробностяхъ знакомиться съ научно-теоретическими основами спеціальности. Это было бы безполезно, да наконецъ и просто невозможно. Во всякомъ дѣлѣ непремѣнно нужно различать искуство и практику отъ науки и теоріи. При существующей организаціи морскихъ училищъ всегда найдется вполнѣ достаточное число исполнителей обыденныхъ требованій морской службы. Но независимо отъ нихъ непремѣнно нужно же имѣть во флотѣ офицеровъ, которые, кромѣ знакомства съ практикою, владѣютъ еще и достаточно глубокимъ научно-теоретическимъ знаніемъ своей спеціальности. Только при соблюденіи этого условія морское дѣло въ Россіи можетъ поддерживаться на надлежащей высотѣ и тогда, не отставая отъ другихъ націй, мы не только съумѣемъ своевременно вводить всѣ необходимыя улучшенія, вырабатываемыя иностранцами, но и сами, путемъ самостоятельной разработки, будемъ совершенствовать науку и примѣнять ее ко всѣмъ многообразнымъ особенностямъ нашего отечества.

Здѣсь вполнѣ умѣстно будетъ остановиться на довольно распространенномъ у насъ мнѣніи, которое можетъ быть выставлено какъ возраженіе сказанному сейчасъ, что пріобрѣтеніе высшаго образованія должно быть предоставлено самодѣятельности частныхъ лицъ. Еслибы возраженіе это было направлено исключительно противъ излишняго поощренія государствомъ высшаго общаго ученаго образованія въ ущербъ народному образованію вообще, то съ этимъ еще можно было бы до нѣкоторой степени согласиться, потому что достигнувъ уже извѣстной степени образованія и матеріальнаго благосостоянія и досуга, человѣкъ, въ силу присущаго ему стремленія къ самоусовершенствованію, самодѣятельно стремится къ расширенію своихъ знаній, не нуждаясь для этого въ излишнемъ поощреніи и опекѣ. Но, какъ показываетъ исторія цивилизаціи, люди преимущественно изби-

раютъ для свободной умственной дѣятельности или предметы, имѣющіе общій научный интересъ, или же предметы, пользующіеся частымъ и широкимъ практическимъ примѣненіемъ къ потребностямъ жизни. Исключительныя же спеціальности остаются въ сторонѣ отъ этого движенія, а если и привлекаютъ къ себѣ по временамъ малочисленныхъ дѣятелей, то это происходитъ случайно, подъ вліяніемъ рѣдкихъ личныхъ особенностей и вкусовъ, иногда съ очень продолжительными перерывами, что крайне вредитъ правильности и непрерывности развитія спеціальности. Военно-морское дѣло, и притомъ въ особенности у насъ въ Россіи, непремѣнно нужно отнести къ числу подобныхъ исключительныхъ спеціальностей. Наше общество относится съ интересомъ къ флоту только въ эпохи, подобныя переживаемой нами въ настоящее время, когда значеніе военно-морскихъ силъ дѣлается для всѣхъ очевиднымъ. Въ продолжительные же періоды мира оно, естественно, забываетъ о флотѣ, въ которомъ не ощущается тогда осязательной, непосредственной необходимости. Но недостатокъ частной инициативы въ этомъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, долженъ быть восполненъ участіемъ государства, которое, мудро предусматривая не только ближайшія, но и отдаленнѣйшія политическія нужды цѣлаго общества, обязано взять на себя созданіе и поддержку учрежденій, имѣющихъ государственное значеніе, хотя бы учрежденія эти и не привлекали къ себѣ въ ту, или другую данную эпоху, всеобщаго вниманія и живаго интереса. Съ этой общей точки зрѣнія мы рѣшительно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, что высшее и въ особенности болѣе или менѣе исключительное, спеціальное образованіе должно быть вполнѣ предоставлено самодѣятельности частныхъ лицъ. Несостоятельность такого мнѣнія и особенно въ примѣненія къ нашему отечеству сдѣлается еще болѣе очевидною, если обратимся къ опыту другихъ странъ и притомъ далеко опередившихъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мы увидимъ, что, не только спеціальное, но даже и ученое общее образованіе пользуется у огромнаго большинства европейскихъ народовъ значительною поддерж-

кою и поощреніемъ государства. Только одна Англія практикуетъ въ широкомъ размѣрѣ принципъ невмѣшательства государства въ дѣло образованія. Вотъ какими чертами характеризируетъ Штейнъ (*) отношеніе государства къ народному образованію въ Англіи: «образованіе въ Англіи не составляетъ цѣли государства. Здѣсь нѣтъ ни общаго законодательства, нѣтъ организованнаго управленія—министерства народнаго просвѣщенія; нѣтъ системы испытаній, обязательнаго обученія; нѣтъ общаго надзора, правительственнаго содѣйствія; нѣтъ учащаго сословія. Все образованіе составляетъ задачу самоуправленія, личныхъ союзовъ и индивидуумовъ. Въ образованіи, знанія ставятся выше научнаго развитія: онѣ составляютъ средство для заработка, предметъ индивидуальной потребности, при чемъ могучая личность достигаетъ большаго чѣмъ гдѣ либо, а слабая гибнетъ. Въ Англіи образованіе представляетъ только развитіе начала личной свободы. Профессіональное образованіе расчитано не на сообщеніе профессіональныхъ свѣдѣній, а на развитіе характера, въ виду будущаго общественнаго положенія лица. Профессіональное образованіе устраивается не по извѣстному плану, но согласно съ требованіями общественной жизни. Оно не имѣетъ поэтому системы приготовительнаго и окончательнаго образованія, законнаго учебнаго порядка и плана, обязательнаго изученія предметовъ. Оно не имѣетъ однородныхъ учебныхъ заведеній,—каждое есть исторически образовавшаяся корпорація, съ своимъ правомъ, или совершенно свободное предпріятіе. Каждое учебное заведеніе установляетъ само свои испытанія. Англійское образованіе показываетъ что можетъ сдѣлать общество для профессіональнаго образованія, безъ участія государства и въ этомъ отношеніи оно имѣетъ огромное значеніе. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что совершенное равнодушіе государства къ содержанію, формѣ и результатамъ образованія имѣетъ свои большіе недостатки и практическія неудобства. Свобода мо-

(*) См. Государство и народное образованіе и проч. по Штейну. Составилъ Бунге. Стр. 11, 92—97.

жетъ сдѣлать много, но не все. Она могущественна, по именно въ профессіональномъ образованіи она обходится народамъ слишкомъ дорого». Указывая на недостатки подобной системы, Штейнъ, между прочимъ, останавливается на томъ весьма поучительномъ для насъ фактѣ, что въ Англіи «высшихъ окончательныхъ учебныхъ заведеній почти нѣтъ, чѣмъ подтверждается то, что они не могутъ быть созданы свободною дѣятельностью общества» даже въ такой, привыкшей къ самоуправленію странѣ, какъ Англія, прибавимъ отъ себя.

Въ своей критикѣ англійской системы образованія Штейнъ идетъ еще гораздо далѣе. Онъ утверждаетъ, что «безъ англійской конституціи англійскіе сословные университеты и коллегіи были бы духовною пагубою, разсадниками духовной одичалости и духовной ограниченности (*). Но конституція Англіи все исправляетъ: она принуждаетъ человѣка, который хочетъ пользоваться уваженіемъ, пріобрѣсть сильный характеръ, и въ формахъ жизни, и въ публичной сферѣ быть джентльменомъ. Полная свобода профессіональнаго образованія въ Англіи находитъ свой коррективъ въ публичности всей духовной жизни, которая имѣетъ въ печати и въ личныхъ союзахъ средство къ раскрытію и порицанію каждаго недостатка образованія и заставляетъ единичное лицо исполнять то, къ чему принуждаетъ въ Германіи формальная система образованія. Далѣе, въ Англіи полная свобода и дѣятельность народнаго представительства и самоуправленія даютъ возможность образованному человѣку выказать на дѣлѣ публично чему его

(*) Крайняя шаткость и неудовлетворительность офиціальнаго морскаго образованія въ Англіи, какъ элементарнаго, такъ и высшаго, на которое англичане обратили наконецъ серіозное вниманіе только лишь въ самые послѣдніе года, весьма рельефно и осязательно обнаруживается между прочимъ и изъ содержанія нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и заимствованныхъ сплошь изъ англійскихъ источниковъ, а потому и не могущихъ быть заподозрѣнными въ пристрастіи. Обращаемъ вниманіе читателя напр. на статьи въ № 9 «М. Сб.» 1875 г. Морская Хрон. Объ элементарномъ и высшемъ морскомъ образованіи въ Англіи и въ № 11 за 1875 г. статья Лофтона: «Научное образованіе офицеровъ въ англійскомъ флотѣ». Неудовлетворительность же англійскихъ общеобразовательныхъ школъ вообще очень основательно и подробно выяснена въ французскомъ офиціальномъ отчетѣ Монтуччи, изданномъ и на русскомъ языкѣ отдѣльною книгою.

учили и что онъ знаетъ. Неспособность и незнаніе, сами находятъ свою кару и пріобрѣтенное образованіе получаетъ награду и признаніе, безъ испытанія и аттестата. Въ борьбѣ лучшихъ духовныхъ силъ, каждый образованный человѣкъ сталкивается съ другимъ и находитъ мѣру своего образованія не въ предписанномъ минимумѣ, а въ образованіи другихъ и долженъ самъ, а не черезъ посредство испытательной коммисіи, заявить о достоинствѣ и достаточности своихъ познаній. Вслѣдствіе этого, не смотря на недостатки общественнаго образованія въ Англіи, результаты послѣдняго, во всѣхъ отрасляхъ знанія, равны съ достигаемыми въ Германіи». Изъ этого краткаго очерка отношеній государства къ образованію въ Англіи, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, вполнѣ очевидно до какой степени оказалась бы преждевременною и несостоятельною, въ примѣненіи къ русской жизни, система предоставленія высшаго образованія исключительно самодѣятельности частныхъ лицъ.

Высказанныя общія соображенія, если не ошибаюсь, достаточно доказываютъ необходимость учрежденія въ Россіи, на средства государства, такого института, въ которомъ наиболѣе способные и хорошо подготовленные въ научномъ отношеніи морскіе офицеры получали бы высшее образованіе, по спеціальности собственно флотской, т. е. необходимость учрежденія при Николаевской Морской академіи особаго военноморскаго отдѣленія. Не представляется ли въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то крайне не нормальнымъ, что Морская академія даетъ возможность получить высшее образованіе по всѣмъ существующимъ во флотѣ спеціальностямъ, за исключеніемъ одной и притомъ самой главной, такъ какъ собственно управленіе флотомъ и окончательное руководство всѣми военно-морскими операціями всегда лежало и конечно и будетъ лежать на отвѣтственности собственно флотскихъ офицеровъ. Зачѣмъ же и почему именно они-то и лишены средствъ къ пріобрѣтенію высшаго научнаго образованія? Неужели нѣтъ надобности въ постоянномъ и непрерывномъ притокѣ къ нашему флоту достаточнаго числа научно образованныхъ флотскихъ офицеровъ, способныхъ вліять на воз-

никновеніе какъ во флотѣ, такъ и внѣ его солиднаго и устойчиваго общественнаго мнѣнія съ просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на вопросы, относящіеся къ военно-морскому дѣлу? Вѣдь безъ такихъ людей нашъ флотъ навсегда останется тѣломъ безъ души и, по недостатку въ средѣ своей научно просвѣщенныхъ дѣятелей, никогда не завоюетъ себѣ общественнаго сочувствія, безъ котораго немыслимо сколько нибудь нормальное существованіе какого бы то ни было общественнаго учрежденія. Можно было бы указать на множество частныхъ сторонъ нашей военно-морской дѣятельности, современное положеніе которыхъ съ очевидностью доказываетъ до какой степени успѣхи дѣла задерживаются отсутствіемъ у насъ разсадника для образованія подобныхъ офицеровъ. Но такъ какъ послѣ преобразованія бывшихъ офицерскихъ классовъ и особенно въ послѣдніе годы существованія Морской академіи, мысль объ учрежденіи при ней спеціальнаго военно-морскаго отдѣленія пріобрѣтаетъ все большую и большую популярность во флотѣ, то мы и не станемъ входить въ частныя подробности для доказательства пользы подобнаго учрежденія, и безъ того уже сознаваемой большинствомъ просвѣщенныхъ морскихъ офицеровъ. Это было бы и неудобно въ данномъ случаѣ, такъ какъ значительно уклонило бы насъ отъ ближайшей цѣли — очерка программы военно-морскаго отдѣленія. Надѣемся, что даже и краткій очеркъ этой программы сильнѣе всякихъ пространныхъ, но отвлеченныхъ разсужденій, выяснитъ всю важность и значеніе военно-морскаго отдѣленія Академіи, въ ряду другихъ органовъ высшаго военно-морскаго образованія.

III.

О спеціальномъ военно-морскомъ отдѣленіи морской академіи.

Главнымъ и такъ сказать центральнымъ предметомъ изученія на военно-морскомъ отдѣленіи академіи, должна быть *теорія корабля*. Здѣсь неумѣстно было бы входить во всѣ подробности программы, но необходимо указать въ общихъ,

по крайней мѣрѣ, чертахъ, какого рода вопросы долженъ обнимать собою курсъ названнаго сейчасъ предмета. Для выясненія сущности дѣла, позволю себѣ привести слова незабвеннаго наставника нѣсколькихъ поколѣній питомцевъ бывшаго офицерскаго класса, а потомъ и Морской академіи, покойнаго Бурачка. «Каждое качество, каждый порокъ корабля имѣютъ свои стихіи: водоизмѣщеніе—свои, остойчивость, ходкость, плавучесть, поворотливость—свои; боевая сила—свои; движители парусный и паровой—свои; волны, качки, крепъ, дрейфъ, рыскливость, вертлявость и пр. каждое имѣетъ свои стихіи, которыя его измѣряютъ, исчисляютъ, взвѣшиваютъ, дѣлаютъ совершенно извѣстнымъ и, стало быть, уловимымъ, управимымъ, побѣдимымъ, еще впередъ, не только до службы въ морѣ, до постройки на верфи, но даже до осуществленія мысли чертежемъ. Овладѣть стихіями, значитъ, овладѣть всѣмъ кораблемъ: въ морѣ, въ гавани, на верфи, на чертежѣ. Всѣ эти стихіи справедливо можно назвать *примѣтами*, по которымъ знатокъ науки, сравнивая различные чертежи, по ихъ стихіямъ, безошибочно укажетъ между ними: плохой, сносный и превосходный, со стороны доброкачественности и безпорочности. Но всѣ эти стихіи суть величины: мѣры, числа, вѣсы, градусы, времена, протяженія.... Есть стихіи, относящіяся къ корабельной наукѣ, искуству, практикѣ, артиллеріи, экономіи, финансамъ. Между тѣми и другими изъ нихъ существуетъ разнаго рода зависимость, отношенія, связи. Наука должна сыскать для всѣхъ этихъ стихій силу, взаимную зависимость, отношеніе, связь и выразить ихъ математическими формулами, по возможности, простыми, работными, примѣнимыми. Приступая къ соображеніямъ постройки новаго корабля, наука выяснитъ всѣ условія этой постройки, т. е. одни стихіи задаетъ, другія, по заданнымъ, сыщетъ. Она задаетъ тѣ изъ стихій научныхъ, техническихъ, тактическихъ, артиллерійскихъ, хозяйственныхъ, финансовыхъ, которыми всесторонне и вполнѣ опредѣляются: характеръ, условія и всякія обстоятельства будущаго зданія; короче, задаетъ *душу* корабля, и посредствомъ этихъ *данныхъ* получаетъ *искомыя* стихіи, кото-

рыя даютъ этой душѣ *плоть*: размѣръ, видъ, очертанія, всѣ подробности состава и исполненія—все это, повторяю, мѣрою, вѣсомъ и числомъ, такъ что, еще прежде чертежа, въ рукахъ инженера будутъ стихіи, примѣты, обезпечивающія: 1) наибольшую крѣпость, при наименьшемъ количествѣ строительныхъ матеріаловъ, 2) надлежащее водоизмѣщеніе и емкость, въ наименьшихъ размѣреніяхъ, 3) наибольшую остойчивость, 4) наименьшаго движителя, 5) наибольшую ходкость и движимость, 6) наибольшую плавучесть, 7) наибольшую безпорочность, 8) наилучшее внутреннее устройство, 9) наибольшую боевую силу, 10) наилучшія тактическія свойства и управленіе, 11) наилучшее хозяйство на верфи, въ портѣ, въ морѣ и наибольшую прочность, 12) наименьшія фанансовыя затраты на постройку и починку». Приведенный сейчасъ очеркъ обнимаетъ главнымъ образомъ вопросы теоріи кораблестроенія. Но наука о кораблѣ не должна ограничиваться только ими. Необходимо дополнить ее теоріею кораблеправленія, которая въ настоящее время почти совершенно забыта. Обычное преподаваніе науки кораблеправленія далеко не обнимаетъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ этой важной отрасли морскаго дѣла. Еще знаменитый учитель русскихъ моряковъ Гамалѣя, въ своемъ «Опытѣ морской практики», намѣтилъ широкія рамки для этого предмета и представилъ образцовое по системѣ изложенія ученіе о кораблеправленіи, вполнѣ отвѣчавшее тогдашнему состоянію морскаго дѣла. Но замѣчательно, что хотя со времени появленія знаменитаго сочиненія Гамалѣя прошло уже болѣе полустолѣтія и морское дѣло за этотъ долгій періодъ времени очень подвинулось впередъ, современное преподаваніе морской практики далеко не обнимаетъ собою, даже и всего того, что было намѣчено еще Гамалѣемъ, а ограничивается почти исключительно чисто фактическимъ и, если можно такъ выразиться, рецептурнымъ изложеніемъ голыхъ правилъ, относящихся собственно къ оснасткѣ и вооруженію кораблей и описаніемъ опять таки исключительно практическимъ, главнѣйшихъ дѣйствій при маневрированіи парусиаго судна. Этого очевидно далеко не достаточно. Конечно, главнымъ средствомъ для

усвоенія морской практики навсегда останется сама практика, опытъ, но и теоретическое изученіе ея во всей подробности, положительно необходимо. Вотъ какъ самъ Гамалѣя высказывается по этому поводу: Теперь (при отсутствіи систематическаго изложенія искуства кораблеправленія) опытность предшествовавшихъ намъ плавателей для насъ почти пропадаетъ; едва нѣкоторые отрывки изустнымъ преданіемъ къ намъ доходятъ; каждый самъ собою долженъ пролагать себѣ путь къ достиженію того, что прежде того задолго уже знали и когда онъ по многимъ трудамъ и искусясь многими погрѣшностями, которыя обыкновенно съ большимъ или меньшимъ вредомъ для службы сопряжены бываютъ, напослѣдокъ въ томъ и успѣетъ, силы его начинаютъ ослабѣвать и онъ дѣлается неспособнымъ иттп далѣе. Но еслибы онъ при началѣ своего поприща могъ однимъ взглядомъ обозрѣть предѣлы своего искуства, безъ сомнѣнія старался бы о распространеніи опыхъ и тогда совокупнымъ усиліемъ и соревнованіемъ многихъ сотрудниковъ, искуство скорыми шагами къ совершенству своему приближалось бы. Впрочемъ, заключаетъ Гамалѣя, истина сія столь ощутительна, что излишне было бы усиливаться ее доказывать (*) Достаточно прослѣдить за подробнымъ изложеніемъ содержанія «Опыта морской практики», чтобы убѣдиться какая масса вопросовъ первенствующей важности совершенно обходится современнымъ преподаваніемъ этого предмета, хотя матеріаловъ для удовлетворительной разработки этихъ вопросовъ накопилась масса и они только ждутъ трудолюбивыхъ, внимательныхъ и научно-образованныхъ собирателей для систематической группировки ихъ въ стройное ученіе. Не вдаваясь въ перечисленія отдѣльныхъ мелкихъ подробностей, встрѣчающихся во всѣхъ частяхъ «Опыта морской практики» подробностей, подтверждающихъ высказанную сейчасъ мысль, укажу на цѣлыя главы, сплошь игнорируемыя въ настоящее время, не взирая на то, что вопросы разбираемые въ нихъ со временъ Гамалѣя, успѣли пріобрѣсти и большее значеніе и большую разработку. Ука-

(*) См. предисловіе къ опыту морской практики Гамалѣя.

жемъ напр. на гл. XI курса Гамалѣя, въ которой трактуется о разныхъ несчастныхъ случаяхъ на морѣ; на главу XII, гдѣ говорится о содержаніи команды въ благоустройствѣ, о распредѣленіи работъ на кораблѣ, о разнаго рода росписаніяхъ и т. п.; на главу XIII, въ которой даются наставленія относительно сбереженія здоровья команды и т. п. Слѣдуетъ очень сожалѣть, что знакомство съ морскою гигіеною совершенно исключается изъ круга знаній офицеровъ флота. Новѣйшая медицина все болѣе и болѣе приходитъ къ заключенію, что слѣдуетъ не столько лечить болѣзни, сколько заботиться о предупрежденіи ихъ. Исключительность корабельной службы дѣлаетъ гигіеническіе вопросы особенно важными для благосостоянія морскихъ командъ, этой живой силы флота. Одни усилія даже высоко образованныхъ и вполнѣ искусныхъ въ своемъ дѣлѣ врачей окажутся далеко недостаточными для того, чтобы важные гигіеническіе вопросы получили наилучшее практическое рѣшеніе, если сами командиры судовъ и лица непосредственно сталкивающіяся съ командою и установляющія всю обстановку и образъ жизни служащихъ на кораблѣ, по совершенному незнакомству съ гигіеною, не будутъ понимать врачей и оказывать имъ дружнаго и просвѣщеннаго содѣйствія, невозможнаго безъ нѣкотораго знакомства съ предметомъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь (*). Можно было бы указать и на другія болѣе или менѣе важныя подробности, опускаемыя обычными курсами морской практики, но мы не станемъ останавливаться на нихъ, чтобы не утомить читателя, однакоже нельзя не обратить особеннаго вниманія на самый характеръ и духъ преподаванія разсматриваемаго предмета, свидѣтельствующій, что искуство кораблеправленія еще всецѣло находится подъ исключительнымъ вліяніемъ самаго грубаго и такъ сказать первобытнаго эмпиризма. Этотъ важный предметъ, большею

(*) Французская и даже англійская системы морскаго образованія признаютъ морскую и климатическую гигіену существенною частью программы, обнимающей предметы, знакомство съ которыми необходимо для морскаго офицера. См. «Морск. Сб.» 1875 г. № 9. Морская Хрон. стр. 42 и 51.

частью, излагается въ формѣ голыхъ правилъ и предписаній, не освѣщаемыхъ не только научными, но даже и какими бы то ни было объясненіями. При этомъ какъ будто совершенно забывается, что всякій, даже самый частный вопросъ, напримѣръ вооруженія, или оснастки корабля, въ сущности есть математическая задача, всѣ подробности которой, начиная съ выбора троса, продолжая проводкою снасти и оканчивая ея дѣйствіемъ, получаютъ свое рѣшеніе въ теоріи сопротивленія матеріаловъ и въ механикѣ вообще. Даже въ вопросахъ несравненно болѣе общихъ и существенныхъ, каковы: размѣщеніе мачтъ, опредѣленіе ихъ уклона, высоты, выборъ для нихъ наивыгоднѣйшихъ размѣреній, способы укрѣпленія мачтъ стоячимъ такелажемъ и проч. и проч. и проч. обыкновенно ограничиваются простымъ исчисленіемъ правилъ, передаваемыхъ такъ сказать по преданію отъ одного поколѣнія моряковъ другому, безъ всякой повѣрки этихъ правилъ наукою. Безъ сомнѣнія, въ вопросахъ вооруженія и оснастки корабля опытъ и практика великое дѣло и мы не имѣемъ даже и тѣни помышленія умалять ихъ значенія, но нельзя же не пожелать, чтобы данныя опыта подвергались наконецъ теоретической разработкѣ, которая непремѣнно приведетъ въ концѣ концовъ къ улучшенію самой практики и, конечно, откроетъ въ ней много такого, что держится только благодаря укоренившейся привычкѣ и рутинѣ, и должно быть отброшено, какъ ненужное, а иногда и прямо вредное. Нѣтъ никакого основанія, наперекоръ здравой логикѣ, думать, что морское искуство составляетъ особенное исключеніе изъ всѣхъ остальныхъ отраслей человѣческой дѣятельности въ томъ отношеніи, что примѣненіе къ нему науки не повлечетъ за собою усовершенствованіе искуства. Мы далеки отъ мысли настаивать на коренныхъ измѣненіяхъ существующаго преподаванія морской практики теперь же, такъ какъ для этого не подготовлено еще никакой почвы и разсматриваемый предметъ еще ждетъ научной разработки. Но нельзя и примириться съ существующимъ положеніемъ. Необходимо, по крайней мѣрѣ, въ Морской академіи, съ офицерами, успѣвшими уже ознакомиться съ практикою, въ смыслѣ рутины,

перейти къ научному освѣщенію этой рутины. Пользуясь знакомствомъ слушателей академіи съ теоретическою и прикладною механикою, безъ сомнѣнія, можно будетъ возбудить въ молодыхъ академистахъ интересъ къ вопросамъ кораблеправленія и такимъ образомъ постепенно этотъ предметъ организовать въ стройное ученіе, которое современемъ непремѣнно повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ какъ на служебную практику, такъ и на элементарное преподаваніе кораблеправленія воспитанникамъ Морскаго училища. Въ заключеніе считаемъ еще необходимымъ указать на то, что въ академическомъ курсѣ теоріи кораблеправленія должно обратить самое серзіоное вниманіе на выработку строго научной системы наблюденій надъ качествами и пороками кораблей во время ихъ службы. Образованный морской офицеръ, знакомый съ теоріею корабля, обязанъ пользоваться всякимъ случаемъ для собиранія путемъ точныхъ измѣреній, наблюденій, опытовъ и вычисленій, всевозможныхъ данныхъ, могущихъ служить для разъясненія и усовершенствованія теоріи. Гамалѣя, въ своемъ «Опытѣ морской практики», говоритъ: «надлежитъ во время похода тщательно замѣчать всѣ качества корабля при разныхъ обстоятельствахъ: каково онъ восходитъ на валы, сколь много кренится, какъ высоконоситъ батарею, какъ поворачиваетъ, какимъ курсомъ и при какой силѣ вѣтра скорѣе ходитъ и проч. Сими наблюденіями, если они учинены со всякою точностью и искуствомъ, не токмо что кораблеправитель при вторичномъ вооруженіи воспользоваться можетъ, но они и для кораблестроителя наставленіемъ служить могутъ» (*).

Отсутствіе строго систематическихъ изслѣдованій и опытовъ надъ качествами и пороками судовъ, изслѣдованій, не ограничивающихся однимъ поверхностнымъ и пассивнымъ наблюденіемъ случайно представляющихся различныхъ явленій, сопровождающихъ плаваніе, но производимыхъ по заранѣе составленному и всесторонне обдуманному плану и подвергаемыхъ тщательной научной разработкѣ, составляетъ

(*) См. Гамалѣя. Опытъ и т. д. Стр. 127. Ч. 2.

одно изъ очень существенныхъ обстоятельствъ, неблагопріятно вліяющихъ на усовершенствованіе теоріи корабля. И такъ главнымъ предметомъ занятій на спеціально морскомъ отдѣленіи академіи должно быть тщательное изученіе теоріи корабля, подъ которою, согласно вышесказанному, мы разумѣемъ вопервыхъ—теорію кореблестроенія и вовторыхъ теорію кораблеправленія въ обширномъ смыслѣ слова.

Но теорія корабля, какъ военно-морскаго орудія, необходимо предполагаетъ знакомство съ морскою артиллеріею и морскою тактикою. Слѣдовательно и эти два предмета непремѣнно должны быть введены въ курсъ военно-морскаго отдѣленія академіи. По поводу курсовъ морской артиллеріи и тактики слѣдуетъ замѣтить, что они должны ознакомить слушателей со всѣми существенными вопросами, относящимися къ боевой дѣятельности флотовъ, поэтому въ связи съ ними долженъ быть введенъ и курсъ морскаго миннаго искуства, составляющаго впрочемъ только одинъ изъ частныхъ отдѣловъ гораздо болѣе обширнаго по цѣли и средствамъ предмета—морской атаки и обороны вообще, какъ на морѣ, такъ и въ прибрежной и береговой войнѣ. Каково бы ни было значеніе минъ въ морской войнѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онѣ дѣйствительно только *одно изъ средствъ* войны, а потому и минное искуство несомнѣнно представляетъ только одинъ изъ частныхъ же отдѣловъ военнаго искуства вообще. Одностороннее изученіе только одного этого средства, въ ущербъ знакомству съ другими подробностями и въ особенности съ общими началами военной науки, было бы вредно для цѣлей Морской академіи, какъ учрежденія имѣющаго въ виду высшее общее военно-морское образованіе.

Здѣсь мы признаемъ вполнѣ необходимымъ остановиться нѣсколько на отношеніи Морской академіи къ существующему уже въ нашемъ флотѣ минному офицерскому классу. Взаимныя отношенія этихъ двухъ учрежденій должны, если не ошибаюсь, подчиняться тому непремѣнному условію, чтобы высшее спеціальное морское образованіе, къ какимъ бы отраслямъ морскаго дѣла оно ни относилось, сосредоточивалось въ одномъ учрежденіи, въ данномъ случаѣ въ Морской

академіи. Только при соблюденіи этого условія можно будетъ избѣжать вреднаго и въ экономическомъ, и въ административномъ, и въ образовательномъ отношеніяхъ дробленія силъ и крайне нежелательнаго, но возможнаго, при нарушеніи принципа единства, увлеченія одною стороною дѣла, какъ бы ни была она важна сама по себѣ, въ ущербъ удовлетворительному достиженію другихъ, не менѣе важныхъ, а можетъ быть, и еще болѣе настоятельныхъ цѣлей. Нарушеніе принципа единства вредно въ экономическомъ отношеніи, потому что заставляетъ нести расходы по содержанію двухъ самостоятельныхъ учрежденій, которыя съ гораздо большимъ удобствомъ могли бы слиться въ одно. Оно вредно въ административномъ отношеніи, потому что создаетъ два особыя, независимыя другъ отъ друга управленія, которыя, невзирая на совершенную однородность своихъ окончательныхъ цѣлей, могутъ, однакоже, именно вслѣдствіе разъединенности своей, такъ или иначе уклоняться отъ надлежащей общей нормы дѣятельности и даже впасть въ антагонизмъ, что едвали будетъ полезно для дѣла и удобно для органовъ высшей административной власти, которой, въ такомъ случаѣ, придется принять на себя трудное дѣло соглашенія обоихъ учрежденій для направленія ихъ къ одной общей цѣли. Но наибольшая опасность предстоитъ для образовательной стороны дѣла, самой важной въ разсматриваемыхъ нами учрежденіяхъ, такъ какъ весь смыслъ ихъ существованія заключается единственно въ преслѣдованіи именно образовательныхъ цѣлей. Какъ ни важна спеціализація знаній, но она имѣетъ свои предѣлы и должна умѣряться и регулироваться знакомствомъ съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ предметовъ, обнимающихъ не только родственныя спеціальности, но и возстановляющими связь разныхъ отраслей знаній съ общимъ ихъ источникомъ—наукою вообще. Нельзя не согласиться съ общеизвѣстною истиною, что исключительно спеціальное образованіе, безъ общаго, создаетъ ограниченныхъ людей. Штейнъ весьма справедливо говоритъ: «высшее спеціальное образованіе направляетъ все знаніе, все мышленіе къ извѣстному средоточію, дѣлаетъ человѣка односто-

роннимъ, вызываетъ неуваженіе къ другимъ спеціальностямъ въ ущербъ болѣе широкому воззрѣнію на жизнь и въ этомъ заключается опасность, отъ которой спасаетъ наука. Наука уясняетъ, что достиженіе цѣли каждою единичною дѣятельностью обусловливается общимъ развитіемъ». Съ этой точки зрѣнія было бы крайне опасно увлеченіе какою нибудь частною стороною морскаго дѣла, доходящее до полнаго подчиненія ей одной всѣхъ другихъ предметовъ. Представимъ себѣ на минуту, что создалось бы высшее и притомъ самостоятельное учебное учрежденіе, имѣющее въ виду какую нибудь совершенно исключительную частную цѣль, хотя бы напримѣръ минное искуство. Такое учрежденіе естественно должно было бы стремиться къ подчиненію всѣхъ своихъ программъ той узко-спеціальной, исключительно утилитарной цѣли, для которой оно существуетъ. (Еслибы дѣятельность его не отличалась именно такимъ характеромъ, то учрежденіе это не было бы тѣмъ, что мы предположили). Математика, механика, физика, химія, эти необходимыя основы всякаго точнаго прикладнаго знанія, еслибы и преподавались въ такомъ заведеніи, то не иначе, какъ предметы чисто служебные; все неимѣющее прямаго и непосредственнаго приложенія къ данной спеціальности было бы изъ нихъ, по всей вѣроятности, исключено совершенно, или, по крайней мѣрѣ, проходилось бы слегка и поверхностно, какъ нѣчто, имѣющее лишь второстепенное значеніе для главной цѣли учрежденія. Такая кастрація науки совершенно уронила бы внутреннее достоинство преподаванія, парализовала бы его образовательное вліяніе и, въ концѣ концовъ, непремѣнно уничтожила бы и самую возможность удовлетворительнаго достиженія той спеціальной цѣли, для которой было бы учреждено подобное заведеніе, такъ какъ исторія наукъ и и искуствъ несомнѣнно доказываетъ, что ни одна отрасль человѣческихъ знаній не можетъ развиваться и совершенствоваться независимо отъ другихъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ, если не ошибаюсь, желать, чтобы минный офицерскій классъ по прежнему ограничивался преслѣдованіемъ только той, чисто практической цѣли, которою онъ

задавался до настоящаго времени, т. е. приготовленіемъ для флота массы офицеровъ, могущихъ служить умѣлыми, въ смыслѣ практическомъ, *исполнителями* въ дѣлѣ минной войны и совершенно отказался бы отъ несвойственной ему академической роли, которая отнюдь не совмѣстима съ преслѣдованіемъ хотя и важной, но слишкомъ узкой и исключительно специальной цѣли. Задача Морской академіи несравненно шире. Морскую академію слѣдуетъ разсматривать какъ одинъ изъ органовъ окончательнаго высшаго реальнаго образованія въ государствѣ. Штейнъ (*), обозрѣвая историческій ходъ реальнаго образованія въ Германіи, которая, по его словамъ, не только успѣла выработать самостоятельный взглядъ на этотъ вопросъ, но и развила реальное профессіональное образованіе какъ самостоятельную систему, наравнѣ съ ученымъ (университетскимъ) образованіемъ и тѣмъ пріобрѣла право служить для другихъ народовъ образцомъ, различаетъ три главнѣйшія эпохи въ историческомъ процессѣ постепеннаго развитія реальнаго образованія: эпоху сословную, отличающуюся преобладаніемъ цеховаго порядка; эпоху борьбы свободнаго гражданскаго порядка съ сословнымъ, характеризирующуюся возникновеніемъ болѣе широкаго реальнаго образованія, чуждаго цеховыхъ ограниченій и стремленія къ рутинному изученію ремесла, и, наконецъ третію, современную намъ эпоху, представляющую реальное образованіе, какъ образованіе общественное, стоящее подлѣ образованія ученаго съ однородною организаціею. По словамъ Штейна, по мѣрѣ того, какъ сословный порядокъ уступаетъ мѣсто гражданскому, возникаетъ стремленіе вопервыхъ *возвысить реальное образованіе на степень научнаго* и, вовторыхъ, установить связь реальнаго образованія съ ученымъ и съ народнымъ образованіемъ вообще. Такимъ образомъ постепенно исчезаетъ различіе между ученымъ и реальнымъ образованіемъ. Наука видитъ въ нихъ двѣ стороны общей жизни, два равноправные, равно необходимые образовательные процесса въ жизни народовъ. *Принципъ высшаго окончательнаго*

(*) См. Государство и народное образованіе.

образованія выражается съ одной стороны въ спеціализаціи предметовъ изученія, подъ руководствомъ спеціалистовъ профессоровъ, а съ другой стороны въ сознаніи внутренняго единства и связи отдѣльныхъ предметовъ, что и выражается во внѣшнемъ единствѣ факультетовъ».

Съ этой наиболѣе общей и объективной точки зрѣнія было бы крайне желательно, чтобы высшее научно-морское образованіе, къ какимъ бы отраслямъ морскаго дѣла оно не относилось, сосредоточивалось въ одномъ ученомъ учрежденіи въ данномъ случаѣ, въ морской академіи, какъ учрежденіи, имѣющемъ въ виду, помимо своихъ чисто спеціальныхъ цѣлей, также и связь и внутреннее духовное единеніе своей спеціальности съ другими профессіями, безъ чего невозможенъ прочный успѣхъ ни какого образовательнаго института.

Разсматривая Морскую академію какъ одинъ изъ органовъ цѣлой системы высшаго реальнаго образованія въ государствѣ, необходимо перенестись съ исключительно спеціальной точки зрѣнія на другую высшую, болѣе общую. Опираясь на авторитетъ Штейна, мы сейчасъ высказали, что ученое и реальное образованіе должно разсматривать какъ двѣ стороны общей жизни, два равноправные, равно необходимые образовательные процесса въ жизни народовъ. Развивая далѣе эту мысль, Штейнъ говоритъ (*): «съ развитіемъ духовной жизни яснѣе становится значеніе одной области для другой и невозможнѣе мысль о принципіальномъ внѣшнемъ ихъ разграниченіи. Эта внутренняя связь требуетъ внѣшней формы и признанія и осуществляется самостоятельно во-первыхъ въ реальной гимназіи, которая есть въ то же время и ученая и реальная приготовительная школа, и потому въ обѣихъ областяхъ находитъ для себя мѣсто. Затѣмъ дѣло идетъ объ установленіи такой же связи для окончательнаго образованія; здѣсь внѣшняя связь невозможна и должна быть замѣнена *внутреннею, которая состоитъ во включеніи однихъ и тѣхъ же предметовъ въ спеціальные курсы тѣхъ и другихъ учебныхъ заведеній. Науки, дѣлающія высшее реаль-*

(*) Idem. стр. 70.

ное образованіе частію ученаго окончательнаго образованія, обнимаютъ собою государствовѣдѣніе. Ихъ характеристическую стихію составляетъ не философія государства, принадлежащая къ общему, и не государственное право, относящееся къ юридическому образованію, но политическая экономія, наука о финансахъ и административное право. Это государственныя науки въ собственномъ смыслѣ; въ нихъ высказывается начало, по которому высшее ученое образованіе не должно быть безъ высшаго реальнаго и наоборотъ. Такъ опредѣляется положеніе государственныхъ наукъ въ университетахъ и объясняется преподаваніе въ спеціальныхъ хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ политической экономіи и даже административнаго права и статистики.

Чтобы хотя нѣсколько приблизиться къ требованіямъ, заключающимся въ приведенныхъ сейчасъ мысляхъ Штейна, необходимо ввести въ программу Морской академіи курсъ статистики, основанія политической экономіи и административное право, хотя бы въ примѣненіи его къ военно-морскому хозяйству. Эти предметы, независимо отъ ихъ чрезвычайно важнаго образовательнаго значенія, въ смыслѣ знаній связывающихъ академію съ другими органами высшаго реальнаго образованія, имѣютъ первостепенное значеніе и для самой спеціальной задачи Морской академіи, какъ учрежденія, питомцы котораго впослѣдствіи могутъ быть призваны къ занятію высшихъ административныхъ должностей. Изученіе статистики и вообще знакомство съ состояніемъ производительныхъ силъ не только своего отечества, но и иностранныхъ государствъ, безусловно необходимы въ Морской академіи еще и потому, что только при обладаніи этими знаніями возможно разумное и правильное рѣшеніе очень важнаго вопроса о наилучшей организаціи какъ самаго флота, такъ и административной, хозяйственной и промышленной дѣятельности, связанныхъ съ его устройствомъ и содержаніемъ.

Спеціальныя же цѣли академіи требуютъ введенія въ программу ея курса международнаго права, съ чѣмъ согласно, кажется большинство морскихъ офицеровъ, стоящихъ за

учрежденіе въ академіи особаго военно-морскаго факультета. Не распространяясь поэтому о значеніи и пользѣ упомянутаго сейчасъ курса, ограничимся по поводу его заявленіемъ только одной мысли, кажущейся намъ заслуживающею самаго серіознаго вниманія. Профессоры административнаго и международнаго права въ академіи будутъ въ ней единственными представителями науки права. По нашему мнѣнію очень важно, чтобы эти лица отнюдь не упустили изъ вида, что слушатели ихъ, питомцы Морскаго училища, вслѣдствіе существующихъ условій образованія въ этомъ учебномъ заведеніи, принесутъ съ собою весьма слабое общее развитіе и это обстоятельство непремѣнно должно быть принято во вниманіе при установленіи программъ того и другаго изъ разсматриваемыхъ предметовъ. Обращаясь въ особенности къ сферѣ понятій изъ области права необходимо принять въ расчетъ, что въ Морскомъ училищѣ преподаются только военно-морскіе законы и притомъ вполнѣ независимо отъ права вообще. Поэтому понятія воспитанниковъ о правѣ не только не развиты, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ быть, даже съужены чисто внѣшнимъ знакомствомъ только съ одною и притомъ крайне специальною и исключительною отраслью законовѣдѣнія. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности о томъ, какъ можно было бы исправить этотъ важный въ образовательномъ отношеніи недостатокъ преподаванія законовѣдѣнія въ Морскомъ училищѣ, вызываемый главнымъ образомъ, вѣроятно, неимѣніемъ свободнаго учебнаго времени. Но если съ недостаткомъ этимъ, въ виду исключительно практическихъ цѣлей Морскаго училища, и можно, съ извѣстной точки зрѣнія, до нѣкоторой степени примириться до времени, онъ не долженъ однакоже быть допущенъ въ академическомъ преподаваніи. Съ этою цѣлью въ Морской академіи, или въ курсѣ международнаго права, или въ курсѣ административнаго права, непремѣнно должно быть отведено достаточно мѣста для предварительнаго развитія въ слушателяхъ правильнаго отношенія къ общимъ вопросамъ науки права. Гдѣ, какъ именно и въ какомъ объемѣ, должна быть рѣшена эта задача, объ этомъ

здѣсь нѣтъ надобности распространяться, но было бы очень жаль, еслибы эта сторона дѣла была упущена при установленіи академическихъ программъ.

Исчисленными выше предметами не можетъ ограничиваться высшее военно-морское образованіе: они должны еще быть дополнены курсомъ всеобщей и русской военно-морской исторіи въ связи съ военною исторіею вообще. Ограничиться изученіемъ одной только русской военно-морской исторіи было бы ошибочно и невыгодно для удовлетворительнаго достиженія образовательныхъ цѣлей академіи. Не прошло еще и двухъ столѣтій съ той эпохи, когда отечество наше обзавелось флотомъ и вступило въ семью европейскихъ государствъ. Лѣтописи собственно русскаго военнаго флота за этотъ, сравнительно короткій, историческій періодъ, не представляютъ достаточнаго матеріала для всесторонняго выясненія, путемъ изученія исторіи, роли и значенія флотовъ вообще въ процессѣ историческаго развитія государствъ и народовъ. Съ другой стороны не выгодно было бы также умалять образовательное значеніе курса исторіи въ академіи, совершеннымъ отдѣленіемъ этого курса отъ общей военной исторіи и это потому, что многократные опыты достаточно убѣдительно доказали существованіе самой тѣсной зависимости между дѣйствіями флота и сухопутной арміи, въ тѣхъ весьма часто встрѣчающихся случаяхъ, когда государству приходится одновременно вести войну и на сушѣ и на морѣ. По этому поводу не можемъ не указать, между прочимъ, на прекрасную статью одного изъ уважаемыхъ профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генерала Леера: «Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ» (*), тѣмъ болѣе интересную, что она касается живо интересующихъ русское общество обстоятельствъ недавно пережитой нами турецкой войны.

Итакъ изученіе теоріи корабля, знакомство съ морскою артиллеріею и тактикою, со включеніемъ въ нихъ и миннаго искуства, военно-морскою исторіею, международнымъ правомъ

(*) См. Сборникъ Государственныхъ Знаній, Безобразова. Томъ IV.

статистикою, военно морскою администраціею и военно-морскимъ хозяйствомъ, составляютъ тотъ безусловно необходимый кругъ знаній, при которомъ можно надѣяться достигнуть удовлетворительнаго рѣшенія важной задачи о наивыгоднѣйшей организаціи учебнаго плана морской академіи, отвѣчающей какъ спеціальнымъ нуждамъ русскаго флота, такъ и общимъ государственнымъ интересамъ, связаннымъ съ флотомъ. Наконецъ, если ко всѣмъ исчисленнымъ сейчасъ предметамъ присоединимъ еще общій курсъ высшей математики и механики, предшествующій изученію наукъ, составляющихъ спеціальность военно-морскаго отдѣленія академіи, то придемъ окончательно къ слѣдующей программѣ:

1. Аналитическая геометрія.

2. Алгебра.

3. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.

4. Основанія математической теоріи вѣроятностей.

5. Аналитическая механика.

6. Прикладная механика (съ курсомъ теоріи сопротивленія матеріаловъ).

7. Теорія корабля, содержащая теорію кораблестроенія и теорію кораблеправленія,

8. Морская артиллерія.

9. Морская тактика.

10. Атака и оборона береговъ. Прибрежная война и минное искуство.

11. Всеобщая военно-морская исторія.

12. Исторія русскаго флота.

13. Военно-морская статистика.

14. Военно-морская администрація и военно - морское хозяйство.

15. Международное право.

Для удовлетворительнаго выполненія этого учебнаго плана необходимо увеличить продолжительность курса и взамѣнъ существующаго двухлѣтняго назначить трехлѣтній срокъ.

Можетъ быть по поводу этой программы возникнутъ разныя сомнѣнія, вопросы и возраженія, касающіеся, какъ цѣлесообразности ея, такъ и ея удобопримѣнимости. Ниже

мы перейдемъ къ разбору всѣхъ вѣроятныхъ замѣчаній на изложенную програму, теперь же, отчасти даже въ видахъ удовлетворительности отвѣта на возможныя возраженія, выяснимъ до конца положительную сторону нашего мнѣнія, т. е. отвѣтимъ вполнѣ на вопросъ изъ какихъ еще отдѣленій, или факультетовъ должна состоять морская академія. Тогда легче и удобнѣе будетъ провѣрить наши предложенія путемъ отрицательнымъ—критикою мнѣній, болѣе или менѣе несогласныхъ съ тѣмъ, котораго мы придерживаемся.

IV.

О специальномъ кораблестроительномъ отдѣлении морской академии.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія и колебанія относительно необходимости учрежденія при морской академіи кораблестроительнаго факультета. Забота объ образованіи въ отечествѣ нашемъ сословія ученыхъ кораблестроителей безусловно лежитъ на морскомъ вѣдомствѣ, которое болѣе, нежели какое бы то ни было другое, нуждается въ свѣдущихъ корабельныхъ инженерахъ для удовлетворенія нуждъ флота, и на морское вѣдомство всего естественнѣе возложить заботу объ удовлетвореніи этой настоятельной государственной потребности, вызываемой не только военными нуждами государства, но и требованіями чисто культурными. Это кажется такъ ясно, что не распространяясь болѣе на эту тему, можно прямо перейти къ указанію, въ общихъ чертахъ, тѣхъ предметовъ, которые должны войти въ програму кораблестроительнаго отдѣленія. Эти предметы по нашему мнѣнію слѣдующіе:

1. Аналитическая и высшая геометрія.

2. Начертательная геометрія съ ея приложеніями къ перспективѣ, теоріи тѣней, строительному искуству и въ особенности къ корабельной архитектурѣ.

3. Алгебра.

4. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.

5. Аналитическая механика.

6. Прикладная механика съ подробнымъ курсомъ теоріи сопротивленія матеріаловъ и курсомъ построенія машинъ.

7. Физика.

8. Химія.

9. Технологія.

10. Исторія науки и искуства кораблестроенія.

11. Теорія корабля.

12. Общія основанія строительнаго искуства и корабельная архитектура.

13. Основанія морской артиллеріи и тактики.

14. Военно-морская статистика.

15 Военно морская администрація и военно-морское и въ особенности портовое хозяйство.

Эта программа нѣсколько отличается отъ существующей въ настоящее время, а потому необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, для выясненія причинъ, вызывающихъ предлагаемыя перемѣны и дополненія. Что касается математической части програмы, то она по содержанію своему не отличается существеннымъ образомъ отъ принятой въ настоящее время; предлагается только усилить курсъ геометріи. Усиленіе занятій геометріею крайне важно для кораблестроителей. Корабельный инженеръ, желающій стать полнымъ хозяиномъ своего дѣла, непремѣнно долженъ глубоко изучить геометрію, ибо она составляетъ главную и существенную научную основу всѣхъ соображеній относительно формъ корабля, какъ геометрическаго тѣла. Въ послѣдніе годы въ западной Европѣ возникли весьма настоятельныя требованія расширить преподаваніе геометріи не только въ высшихъ, но даже и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, введеніемъ въ курсъ такъ называемой новой геометріи и эти требованія признаны на столько законными и основательными, что сдѣланы уже и попытки къ осуществленію ихъ на дѣлѣ. Серіозные педагоги все болѣе и болѣе приходятъ къ соглашенію, что общепринятая система преподаванія геометріи, занимающаяся почти исключительно элементами Эвклида, страдаетъ неполнотою и представляетъ существенный пробѣлъ именно

въ томъ отношеніи, что совершенно устраняетъ изъ обычнаго курса знакомство съ «новою геометріею», которую, можетъ быть, правильнѣе было бы назвать «геометрическимъ анализомъ» и которую нельзя не признавать существенною принадлежностью науки геометріи въ современномъ ея состояніи. Въ виду этого факта, если вопросъ о введеніи новой геометріи въ курсѣ даже общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній получилъ уже утвердительное рѣшеніе какъ въ воззрѣніяхъ авторитетныхъ педагоговъ, такъ и въ самой практикѣ нѣкоторыхъ средне-учебныхъ заведеній, не можетъ, мнѣ кажется, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію умѣстность и полезность подобнаго курса въ такомъ высшемъ спеціальномъ заведеніи, какова морская академія и въ частности кораблестроительное ея отдѣленіе, для слушателей котораго, по самому роду ихъ спеціальности, безусловно необходимы какъ можно болѣе обширныя познанія въ геометріи.

Далѣе въ вышеприведенной программѣ предлагается въ курсѣ прикладной механики отвести надлежащее мѣсто и теоріи сопротивленія матеріаловъ, которая, по имѣющейся въ нашихъ рукахъ «программѣ академическаго курса морскихъ наукъ» изд. 1874 г., не проходится на кораблестроительномъ отдѣленіи, а излагается только для слушателей отдѣленія механическаго (*). Я лично не знакомъ со всѣми подробностями преподаванія въ нынѣшнихъ академическихъ курсахъ, а потому и не могу объяснить себѣ истинныхъ причинъ отсутствія курса теоріи сопротивленія матеріаловъ въ программѣ кораблестроительнаго отдѣленія. Остается думать, что здѣсь кроется какое нибудь недоразумѣніе и такъ какъ знакомство съ теоріею сопротивленія матеріаловъ очевидно вполнѣ необходимо для всякаго сколько нибудь просвѣщеннаго кораблестроителя, то по этому вопросу, если не ошибаюсь, не можетъ быть никакого спора. Если теорія сопротивленія матеріаловъ не вошла, въ видѣ самостоятельной части курса въ существующую програму кораблестрои-

---

(*) См. стр. 42 программъ академіи. 1874 г.

тельнаго отдѣленія по тому соображенію, что въ программѣ теоріи и практики кораблестроенія (*) встрѣчается статья «О крѣпости судовъ», то для основательнаго знакомства именно съ этимъ-то вопросомъ и нужна общая теорія сопротивленія матеріаловъ, безъ знанія которой въ образованіи корабельнаго инженера останется явный и весьма прискорбный пробѣлъ.

Въ существующей программѣ кораблестроительнаго отдѣленія курса построенія машинъ нѣтъ; онъ отнесенъ къ механическому отдѣленію; но при современномъ состояніи морскаго дѣла, при огромномъ, иногда исключительномъ, участіи желѣза въ кораблестроеніи, при чрезвычайномъ распространеніи механическихъ приспособленій во всѣхъ даже мелкихъ подробностяхъ кораблеустройства, корабельный инженеръ въ практической и теоретической своей дѣятельности безпрестанно встрѣчаетъ нужду въ основательномъ знаніи разсматриваемаго теперь предмета. Можно, если не ошибаюсь, сказать, что отличительный характеръ переживаемой нами эпохи кораблестроенія состоитъ именно въ томъ, что кораблестроительное дѣло вступаетъ все въ большую и большую связь съ практическою механикою. Сейчасъ мы перейдемъ къ обсужденію вопроса о механическомъ отдѣленіи морской академіи и тогда сдѣлается еще болѣе ясною необходимость введенія курса построенія машинъ въ програму кораблестроительнаго факультета, но и сказаннаго пока кажется достаточно для оправданія нашего предложенія.

Механическая технологія признается необходимою для кораблестроительнаго отдѣленія и по существующей программѣ, равно какъ и физика. Что же касается химіи, изученіе по крайней мѣрѣ, хотя бы общихъ основаній этого предмета, имѣющаго весьма обширное примѣненіе въ техникѣ вообще, составило бы весьма полезное дополненіе къ курсу кораблестроительнаго отдѣленія. Лекціями химіи, въ видѣ вспомогательнаго предмета, могли бы воспользоваться и слушатели военно-морскаго отдѣленія, для которыхъ нѣкоторое зна-

---

(*) См. тамъ же стр. 38.

комство съ химіею облегчило бы занятія артиллерію и минным искуствомъ. По первоначальному учебному плану академическаго курса морскихъ наукъ, предполагалось ввести курсъ неорганической химіи (*). Если бы по поводу курса химіи возникло возраженіе, что на это недостаточно времени, то не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ въ виду не двухлѣтній какъ теперь, а трехлѣтній курсъ и потому это возраженіе теряетъ свою силу.

Мы предлагаемъ ввести въ курсъ кораблестроительнаго отдѣленія исторію науки и искуства кораблестроенія. Это нововведеніе представляется намъ очень желательнымъ и даже вполнѣ необходимымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Трудами ученыхъ и философовъ установлено какъ несомнѣнное научное положеніе, что истинная философія каждой науки не можетъ быть отдѣлена отъ ея дѣйствительной исторіи, т. е. отъ точнаго изученія процесса дѣйствительнаго происхожденія всей совокупности главнѣйшихъ успѣховъ науки. Существенное подобіе, неизбѣжно господствующее между ходомъ умственнаго развитія отдѣльнаго индивидуума и цѣлаго человѣческаго рода, необходимо указываетъ на то, что невозможно было бы надлежащимъ образомъ постигнуть вполнѣ раціональную соподчиненность различныхъ научныхъ ученій, если бы при этомъ не руководиться истинною теоріею ихъ исторической преемственности. Отсюда объясняется чрезвычайная важность историческаго метода при изложеніи наукъ вообще и можно даже сказать, что большая часть всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій въ методахъ преподаванія, какъ элементарнаго, такъ и высшаго, обязаны своимъ происхожденіемъ философской разработкѣ исторіи наукъ. Если историческій элементъ имѣетъ несомнѣнную важность даже при изученіи такихъ установившихся и законченныхъ предметовъ, каковы физика, астрономія и даже математика, то онъ является рѣшительно неустранимымъ въ наукахъ позднѣйшаго происхожденія и въ

(*) См. Приказъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ отъ 7-го августа 1872 г. за № 116 § 11.

особенности тѣхъ, которыя возникли не столько для удовлетворенія потребностей чистаго знанія, сколько для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ, утилитарныхъ и вообще культурныхъ цѣлей, къ какимъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести и задачи кораблестроенія. Въ этихъ случаяхъ діалектическій процессъ развитія науки, по необходимости, идетъ совершенно рядомъ и такъ сказать параллельно съ историческимъ процессомъ развитія культуры; онъ не можетъ быть отдѣленъ отъ этого послѣдняго, такъ какъ вся задача науки почти исключительно сводится на удовлетвореніе разнообразныхъ практическихъ требованій, непрерывно вызываемыхъ самымъ ходомъ исторической жизни общества. Общія научныя основы кораблестроенія главнымъ образомъ сосредоточиваются, какъ извѣстно, въ геометріи и механикѣ, которыя впервые были систематически примѣнены къ теоріи корабля Бернулліемъ, Бугеромъ и въ особенности Чапманомъ и Эйлеромъ только въ прошломъ столѣтіи. Слѣдовательно со времени возникновенія теоріи корабля какъ науки прошло только около ста лѣтъ. Между тѣмъ кораблестроеніе и кораблеправленіе какъ искуства, существуютъ уже со временъ глубокой древности и непрерывно разработывались и продолжаютъ разработываться практикою и до настоящей эпохи. Достойно большаго вниманія то обстоятельство, что наибольшій вкладъ собственно въ науку о кораблѣ сдѣланъ былъ учеными и математиками прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Съ того времени первоклассныя ученыя силы уклонились отъ научной разработки теоріи корабля, которая хотя и развивалась далѣе, но въ нынѣшнемъ столѣтіи гораздо болѣе какъ искуство, нежели какъ наука, и этотъ характеръ преобладаетъ въ ней и въ современную намъ эпоху. Вслѣдствіе такой, очень замѣчательной особенности процесса развитія теоріи корабля, она даже и не можетъ быть изучаема въ настоящее время иначе, какъ исторически. Хотя послѣ сейчасъ сказаннаго это послѣднее заключеніе едвали можетъ подлежать спору, но, чтобы поставить его внѣ всякаго сомнѣнія, остановимся еще на нѣкоторыхъ важныхъ для нашей цѣли общихъ соображеніяхъ, объ отно-

шеніи искуства къ соотвѣтствующей наукѣ. Для этого воспользуемся мыслями нѣкоторыхъ уважаемыхъ въ наукѣ авторитетовъ. Вотъ какимъ образомъ одинъ изъ нихъ характеризируетъ отношенія искуства къ соотвѣтствующей наукѣ. «Хотя человѣческій умъ самъ собою, независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ побужденій, самопроизвольно стремится довести каждую отрасль знаній до состоянія положительной науки, но наши умственныя способности, въ силу естественнаго порядка вещей, даже въ умахъ самыхъ возвышенныхъ, обладаютъ столь малою самодѣятельностью, что такое прогрессивное движеніе, по необходимости, совершалось бы съ крайнею медленностью, еслибы, къ счастію для прогресса наукъ, оно не ускорялось внѣшнимъ, постояннымъ и притомъ неизбѣжнымъ стимуломъ. Вся исторія интеллектуальнаго развитія человѣчества, не представляетъ, до сихъ поръ, ни одного сколько нибудь важнаго примѣра перехода науки въ положительное состояніе, совершившагося въ дѣйствительности исключительно только раціональнымъ путемъ простаго діалектическаго взаимодѣйствія нашихъ абстрактныхъ воззрѣній. Между такими вспомогательными вліяніями, столь необходимыми для ускоренія естественнаго прогресса человѣческихъ знаній, нужно тщательно отмѣтить, какъ самое общее, самое прямое и наиболѣе дѣйствительное, энергическій импульсъ, возникающій изъ нуждъ практики. Именно это обстоятельство и привело большинство философовъ къ мнѣнію, что всякая наука родилась изъ соотвѣтствующаго искуства, къ мнѣнію хотя и преувеличенному, но, однакоже, въ значительной долѣ истинному, если его примѣнять къ эпохамъ ближайшимъ къ возникновенію науки. Въ этомъ смыслѣ очень справедливо, что во всѣхъ родахъ знаній истинно научныя изслѣдованія, если и не опредѣлялись исключительно вліяніемъ искуствъ, то, по крайней мѣрѣ, успѣхи наукъ чрезвычайно ускорялись двойнымъ воздѣйствіемъ на нихъ искуствъ, выражавшимся съ одной стороны въ невольномъ доставленіи искуствами массы положительныхъ данныхъ для научныхъ изслѣдованій, а съ другой стороны, и это особенно важно, въ неизбѣжной и весьма

счастливой наклонности искуствъ увлекать умозрительныя изслѣдованія въ сферу вопросовъ реальныхъ, доступныхъ уму. Только немногія и притомъ самыя совершенныя и наиболѣе абстрактныя науки, возникшія раньше другихъ, каковы математика и астрономія, успѣли почти совершенно освободиться отъ вліянія искуства. Науки же позднѣйшаго происхожденія болѣе конкретныя и сложныя, а потому и менѣе совершенныя, еще не вполнѣ освободились отъ вліянія искуства и притомъ зависимость ихъ отъ этого послѣдняго вообще тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ намъ эпоха возникновенія наукъ». Джонъ Стюартъ Милль (*) слѣдующимъ весьма точнымъ образомъ формулируетъ сущность отношенія искуства къ соотвѣтствующей наукѣ: «отношеніе, въ которомъ правила искуства стоятъ къ ученіямъ науки, можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Искуство предлагаетъ себѣ цѣль, опредѣляетъ ее и передаетъ наукѣ. Наука принимаетъ ее, разсматриваетъ какъ явленіе или дѣйствіе, которое нужно изучить, и, изслѣдовавши ея причины и условія, возвращаетъ ее назадъ искуству, вмѣстѣ съ теоремою того сочетанія обстоятельствъ, которымъ она можетъ быть произведена. Тогда искуство разсматриваетъ это сочетаніе обстоятельствъ и, смотря по тому, находятся ли они или нѣтъ въ человѣческой власти, рѣшаетъ—достижима ли цѣль или нѣтъ. И такъ, единственная посылка, которую даетъ искуство, есть первоначальная большая посылка, утверждающая, что достиженіе данной цѣли желательно. Тогда наука предлагаетъ искуству положеніе (полученное рядомъ индукцій или дедукцій), что исполненіемъ извѣстныхъ дѣйствій цѣль будетъ достигнута. Изъ этихъ посылокъ искуство заключаетъ, что исполненіе этихъ дѣйствій желательно, и, находя ихъ выполнимыми, обращаетъ теорему въ правило или предписаніе. Особенно нужно имѣть въ виду, что теорема или умозрительная истина не прежде будетъ готова для обращенія ее въ предписаніе, какъ если уже выполнена вся операція, принадлежащая на-

(*) См. его «Систему индуктивной логики. Русскій переводъ. Томъ II стр. 529.

укѣ, а не одна лишь ея часть. Предположимъ, что мы совершили научный пріемъ лишь до извѣстной степени, именно открыли, что нѣкоторая особенная причина произведетъ желанное дѣйствіе, но не удостовѣрились во всѣхъ отрицательныхъ условіяхъ, которыя необходимы, т. е. во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя, если будутъ присутствовать, помѣшаютъ его совершенію. Если, при такомъ несовершенномъ состояніи научной теоріи, мы вздумаемъ составить правило искуства, то совершимъ этотъ процессъ преждевременно. Если встрѣтится какая нибудь изъ противодѣйствующихъ причинъ, недосмотрѣнныхъ теоремою, то правило окажется негоднымъ: мы употребимъ средства, а результатъ не воспослѣдуетъ. Тогда никакіе выводы изъ правила или относительно правила не выведутъ насъ изъ затрудненія: остается лишь вернуться назадъ и докончить научный пріемъ, который долженъ былъ предшествовать составленію правила. Мы должны вновь начать изслѣдованіе, разсмотрѣть остальныя условія, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе; и только удостовѣрившись во всей ихъ совокупности, мы будемъ готовы превратить полный законъ дѣйствія въ правило, въ которомъ предписываются, какъ средства, тѣ обстоятельства или сочетанія обстоятельствъ, которыя наука указываетъ какъ условія». Въ этихъ словахъ Милля съ удивительною ясностью обрисованы какъ взаимныя отношенія искуства и науки, такъ и вліяніе ихъ на усовершенствованіе другъ друга. Изъ всего сказаннаго становится вполнѣ очевидною и огромная важность историческаго метода особенно при изученіи тѣхъ отраслей наукъ, которыя тѣсно связаны съ искуствомъ. Такъ какъ кораблестроеніе, при настоящемъ его состояніи, имѣетъ характеръ искуства, то къ нему историческій методъ примѣнимъ можетъ быть, даже болѣе, нежели къ чему бы то ни было другому. Только тщательное знакомство съ исторіею искуства кораблестроенія, послѣдовательно ставившаго наукѣ разнообразныя практическія задачи, теоретическое рѣшеніе которыхъ отдавалось затѣмъ суду и повѣркѣ опыта, можетъ подготовить вполнѣ развитаго и искуснаго въ своемъ дѣлѣ инженера, способ-

наго вполнѣ сознательно и правильно относиться къ требованіямъ практики морскаго дѣла. Для большаго еще подкрѣпленія этой мысли въ примѣненіи къ занимающему насъ частному и спеціальному вопросу сошлемся въ заключеніе на слова глубоко уважаемаго въ нашемъ флотѣ спеціалиста по наукѣ кораблестроенія покойнаго Бурачка. Вотъ что онъ говоритъ: «кто желаетъ проникнуть далѣе по пути этихъ изысканій (рѣчь идетъ о сопротивленіи воды на корабль), тому необходимо имѣть въ виду все вѣрное и не вѣрное, сдѣланное предмѣстниками, хотя бы для того, чтобы не повторять всѣхъ бывшихъ заблужденій и ошибокъ науки корабля и не терять времени на поиски въ ложныхъ путяхъ, того, чего тамъ нѣтъ. Поэтому поставили мы себѣ первѣйшею обязанностью собрать всѣ существующія теоріи сопротивленія воды и критически разобрать вѣрное и ошибочное въ каждой. Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ богатый и драгоцѣнный матеріалъ для справки, совѣта, повѣрки, предостереженій въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о сопротивленіи воды» (*). Послѣ всего сказаннаго позволяемъ себѣ надѣяться, что вопросъ о введеніи въ академію курса исторіи науки и искуства кораблестроенія достаточно разъясненъ и потому переходимъ къ оправданію, въ короткихъ словахъ, дальнѣйшихъ нашихъ предложеній, относящихся къ программѣ кораблестроительнаго отдѣленія.

Мы предлагаемъ дополнить курсъ корабельной архитектуры (практики кораблестроенія) знакомствомъ съ общими основаніями строительнаго искуства. Это предложеніе вполнѣ объясняется тѣмъ, что корабельная архитектура есть только частный случай строительнаго искуства.

Морская артиллерія и тактика непремѣнно должны быть излагаемы слушателямъ кораблестроительнаго отдѣленія, по крайней мѣрѣ въ главныхъ и существенныхъ чертахъ, потому что нельзя представить себѣ просвѣщеннаго строителя кораблей, предназначаемыхъ для военныхъ цѣлей, безъ зна-

---

(*) См. № 7 «Морск. Сб.» 1872 г. Наука и искуство корабельнаго зодчества, Бурачка, проф. отд. стр. 113.

комства съ тѣми условіями и обстоятельствами, посреди которыхъ будутъ дѣйствовать проектирусмыя и созидаемыя инженеромъ суда. Читается же курсъ тактики и артиллеріи въ Николаевской инженерной академіи офицерамъ, прямая спеціальность которыхъ инженерное дѣло—фортификація, равно какъ и наоборотъ фортификація и артиллерія излагаются въ академіи генеральнаго штаба офицерамъ, главная спеціальность которыхъ тактика и стратегія.

Наконецъ въ нашей программѣ кораблестроительнаго отдѣленія встрѣчаются еще военно-морская статистика, военно-морская администрація и военно-морское и въ особенности портовое хозяйство. Для оправданія этихъ предложеній намъ пришлось бы повторить отъ слова до слова все сказанное по поводу тѣхъ же предметовъ въ главѣ о военно-морскомъ отдѣленіи академія, а потому и отсылаемъ къ пей читателя. Добавимъ однакоже, что инженеры даже непосредственнѣе и ближе стоятъ къ хозяйственнымъ и экономическимъ операціямъ морскаго вѣдомства, а потому для нихъ указанные сейчасъ курсы представляютъ не только не меньшее, но можетъ быть даже и еще большее значеніе, нежели для офицеровъ собственно флотскихъ. Что касается сдѣланнаго въ нашей программѣ особеннаго указанія на портовое хозяйство, какъ на предметъ достойный изученія для корабельнаго инженера, то практическая полезность этого предмета въ будущей дѣятельности кораблестроителя до такой степени очевидна, что не представляется, если не ошибаюсь, ни малѣйшей надобности въ подробныхъ доказательствахъ цѣлесообразности и умѣстности предлагаемаго курса. Переходимъ затѣмъ къ вопросу:

V.

О механическомъ отдѣленіи морской академіи.

Необходимость соединенія его съ отдѣленіемъ кораблестроительнымъ.

Сравнивая общую программу существующаго механическаго отдѣленія съ программою отдѣленія кораблестроительнаго, видимъ слѣдующее:

На кораблестроительномъ отдѣленіи проходятся:	На механическомъ отдѣленіи проходятся:
1. Аналитическая геометрія.	1. Аналитическая геометрія.
2. Алгебра.	2. Алгебра.
3. Аналитическая механика.	3. Аналитическая механика.
4. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.	4. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.
5. Физика.	5. Физика.
6. Теорія кораблестроенія.	Не проходится.
7. Практическая механика.	6. Практическая механика.
8. Курсъ построенія машинъ.	7. Курсъ построенія машинъ.
9. Механическая технологія.	8. Механическая технологія.
10. Начертательная геометрія.	9. Начертательная геометрія.

Мы перечислили эти предметы совершенно согласно съ тѣмъ, какъ они значатся на первой страницѣ имѣющейся въ нашихъ рукахъ программы существующаго Академическаго курса (*). Еслибы ограничиться только этимъ перечисленіемъ предметовъ преподаванія, опредѣляющимъ программы академіи въ самыхъ общихъ, основныхъ чертахъ, то слѣдовало бы притти къ заключенію, что въ академіи неизвѣстно зачѣмъ и почему существуютъ два самостоятельные факультета, программы которыхъ по содержанію своему тожественны, за исключеніемъ только одного предмета—теоріи кораблестроенія, входящей въ курсъ одного факультета и не

(*) См. Программа академическаго курса морскихъ наукъ. Изд. 1874 г. стр. 1.

входящей въ курсъ другого. Но если одно только это обстоятельство и составляетъ всю разницу между обоими факультетами, то дѣлается совершенно непонятнымъ почему оно обусловливаетъ собою возникновеніе въ академіи самостоятельнаго механическаго отдѣленія. Было бы, кажется, гораздо проще и естественнѣе признать самостоятельность за тѣмъ факультетомъ, программа котораго, будучи совершенно однородна съ программою другаго, въ то же время, полнѣе, и если нѣкоторые слушатели, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, признаются свободными отъ обязанности заниматься однимъ изъ предметовъ этого факультета, то ихъ и освободить de facto отъ этой обязанности, а не создавать особый механическій факультетъ, подъ тѣмъ единственнымъ предлогомъ, что слушатели этого факультета не обязаны заниматься однимъ изъ предметовъ факультета кораблестроительнаго, всѣ же прочіе предметы обязаны изучить наравнѣ съ кораблестроителями. Еслибы допустить въ принципѣ раціональность такого раздѣленія, то слѣдовало бы давно признать, что въ академіи уже и теперь существуетъ собственно не три отдѣленія—гидрографическое, кораблестроительное и механическое,—а гораздо большее число ихъ, такъ какъ въ академію давно уже допускаются такъ называемые вольнослушатели, обязанные слушать только нѣкоторые предметы того или другого факультета. Очевидно, что, въ сущности, этотъ случай вполнѣ аналогиченъ съ случаемъ теперешняго механическаго отдѣленія академіи и если это послѣднее признается за самостоятельный факультетъ, то гдѣ же логическое основаніе для непризнаванія таковыми каждой изъ особенныхъ группъ предметовъ, по которымъ допускаются вольнослушатели? Но такой способъ дробленія на факультеты очевидно былъ бы фактомъ неслыханнымъ въ лѣтописяхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Точно также неумѣстно и даже странно было бы объединять всѣхъ вольнослушателей въ одно учебное цѣлое съ наименованіемъ его факультетомъ вольнослушателей. Мы лично ничего не имѣемъ противъ допущенія вольнослушателей въ академію, напротивъ, даже очень сочувствуемъ этой полезной мѣрѣ и заговорили здѣсь

о вольнослушателяхъ только для разъясненія нашей мысли о необходимости слiянія факультетовъ кораблестроительнаго и механическаго въ одно цѣлое и для указанія на то весьма существенное обстоятельство, что академія, въ одномъ случаѣ своей практики, поступаетъ совсѣмъ не такъ, какъ она весьма основательно поступаетъ въ нѣкоторыхъ другихъ. Чтобы найти объясненіе такого, повидимому, совершенно ненормальнаго порядка въ организаціи академическихъ отдѣленій, обращаемся къ сравненію болѣе подробныхъ программъ кораблестроительнаго и механическаго отдѣленій. Это сравненіе, сдѣланное на основаніи подлинныхъ программъ, напечатанныхъ тамъ же, откуда мы извлекли и первое перечисленіе, приводитъ къ слѣдующему результату:

На кораблестроительномъ отдѣленіи читается:	На механическомъ отдѣленіи читается:
1 Аналитическая геометрія.	1. Тоже самое.
2. Алгебра.	2. Тоже самое.
3. Аналитическая механика.	3. Тоже самое.
4. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.	4. Тоже самое.
5. Физика.	5. Тоже самое.
6. Теорія мореходныхъ качествъ судна.	6. Не читается.
7. Теорія и практика кораблестроенія.	7. Не читается.
8. Общій курсъ прикладной механики.	8. Тоже самое.
9. Не проходится.	9. Курсъ сопротивленія матерьяловъ и курсъ построенія деталей машинъ.
10. Механическая технологія.	10. Тоже самое.
11. Начертательная геометрія.	11. Тоже самое.

Это сравненіе еще болѣе укрѣпляетъ выводъ сдѣланный изъ предыдущаго. Дѣйствительно, первая разница, которую мы встрѣчаемъ, между программами обоихъ отдѣленій состоитъ въ томъ, что теорія мореходныхъ качествъ судна не проходится на механическомъ отдѣленіи. Если даже признать этотъ порядокъ вполнѣ правильнымъ, то вытекающее изъ него различіе между обоими факультетами, очевидно, таково, что къ нему вполнѣ относятся высказанныя выше замѣчанія о большей полнотѣ курса кораблестроительнаго отдѣленія сравнительно съ курсомъ для механиковъ. Но нельзя не обратить вниманія на то, что необязательность для слушателей механическаго отдѣленія теоріи мореходныхъ качествъ судна, по крайней мѣрѣ отчасти, не можетъ быть вполнѣ оправдана. Въ программѣ теоріи мореходныхъ качествъ судна встрѣчаемъ слѣдующую статью: *О движеніи судовъ подъ парами.* Различные способы приложенія силы пара къ движенію судовъ. Нарицательная и дѣйствительная сила машины. Опредѣленіе силы машины по данной скорости и обратно—скорости по данной силѣ машины. Коефиціенты отъ мидель-шпангоута и водоизмѣщенія. Изслѣдованіе дѣйствій гребныхъ колесъ, винта и водопротоковъ, или гидравлическаго движителя. Коеффиціенты полезнаго дѣйствія машины и двигателя. Неужели знакомство со всѣми этими вопросами можетъ быть не обязательно для морскаго инженеръ-механика? Въ программѣ прикладной механики для кораблестроительнаго и механическаго отдѣленій мы нашли только статью о гребныхъ колесахъ и гребныхъ винтахъ (*), отчасти восполняющую приведенныя сейчасъ требованія программы кораблестроительнаго отдѣленія. Нельзя также не указать и на то, что корабельному инженеръ-механику едвали могутъ быть вполнѣ чужды разнообразные вопросы, относящіеся къ сопротивленію воды на корабль, къ его поворотливости и т. п., входящіе въ ту же не обязательную для механиковъ программу теоріи мореходныхъ качествъ судна. Еслибы признано было, что нѣкоторые вопросы программы теоріи мореходныхъ качествъ судна

(*) См. Программу Прикладной механики стр. 45, § XI.

обязательны и для механиковъ, то это подтвердило бы мысль о полезности сліянія въ одно цѣлое обоихъ отдѣленій академіи. Дальнѣйшее различіе между программами обоихъ отдѣленій состоитъ въ разсмотрѣнномъ уже упущеніи теоріи и практики кораблестроенія. Наконецъ мы видимъ, что курсы сопротивленія матеріаловъ и построенія деталей машинъ, входящіе въ программу механическаго отдѣленія, не входятъ въ программу отдѣленія кораблестроительнаго. Это составляетъ особенность противоположную той, на которую сейчасъ было указано. Здѣсь оба факультета, такъ сказать, обмѣниваются ролями. Но это обстоятельство ни малѣйшимъ образомъ не измѣняетъ существенный смыслъ сдѣланнаго выше вывода о необходимости сліянія обоихъ факультетовъ. Дѣйствительно, мы уже указали выше, при обсужденіи программы кораблестроительнаго отдѣленія, на безусловную необходимость курса теоріи сопротивленія матеріаловъ для слушатей кораблестроительнаго отдѣленія. Придерживаясь такого взгляда, мы продолжаемъ настаивать, что отсутствіе курса теоріи сопротивленія матеріаловъ на кораблестроительномъ отдѣленіи есть явленіе не нормальное и потому крайне не желательное. Что же касается курса построенія деталей машинъ, то съ нашей точки зрѣнія и этотъ курсъ вполнѣ необходимъ для слушателей кораблестроительнаго отдѣленія. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ внимательно прочитать принятую теперь въ Морской академіи программу курса построенія деталей машинъ и сопоставить ея содержаніе съ требованіями, предъявляемыми современною практикою кораблестроенія, убѣдится въ совершенной необходимости этого курса для всякаго, сколько нибудь образованнаго кораблестроителя. Существующее во флотѣ дѣленіе инженеровъ, на инженеръ-механиковъ и корабельныхъ инженеровъ, способно вводить въ большое заблужденіе относительно истиннаго круга дѣятельности тѣхъ и другихъ, такъ какъ оно, при поверхностномъ взглядѣ, наводитъ на мысль, будто бы механика есть нѣчто чуждое кораблестроителю, исключительно свойственное только инженеръ-механику. Ошибочность такого воззрѣнія сдѣлается ясною даже для неспеціалиста морскаго

дѣла, тотчасъ, какъ вступивъ на современное военное судно, онъ увидитъ, что такъ называемая машина — предметъ вѣдѣнія инженеръ-механика, по общепринятой на флотѣ рутинѣ дѣленія морскаго служебнаго труда вовсе не есть единственная машина на кораблѣ; что весь этотъ корабль, начиная съ безчисленныхъ винтовъ, блоковъ, рычаговъ, зубчатыхъ колесъ и проч. и проч., и проч., входящихъ въ составъ его корпуса, вооруженія и снабженія и кончая многочисленными и въ высшей степени многообразными и сложными механическими приспособленіями для удовлетворенія всевозможныхъ потребностей корабельной службы, есть не что иное, какъ непрерывное собраніе множества самыхъ разнообразныхъ механизмовъ и машинъ. Собственно машинное отдѣленіе представляется только одною изъ многихъ частностей общей системы механизмовъ, составляющихъ современный военный корабль. Всѣ эти частности обдумываются, проектируются и создаются не такъ называемыми механиками. Онѣ возникаютъ по иниціативѣ корабельнаго инженера. Да, наконецъ, и всѣ существенные элементы машины, въ тѣсномъ смыслѣ слова, опять-таки зависятъ отъ рода, величины и образованія судна и слѣдовательно опредѣляются если не исключительно строителемъ, то при непремѣнномъ дѣятельномъ его участіи. Какимъ же образомъ этотъ инженеръ не механикъ?! Онъ очевидно механикъ болѣе, чѣмъ ктобы то ни было другой, и если это еще не всѣми признается, то только потому, что общепринятая рутина часто смѣшиваетъ механика съ машинистомъ, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ лицо, управляющее уже готовымъ механизмомъ. Но если такое смѣшеніе понятій не влечетъ за собою рѣзкихъ неудобствъ въ служебной практикѣ, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допускаемо въ дѣлѣ установленія правильной организаціи учебныхъ плановъ для высшаго научнаго образованія спеціалистовъ, потому что непремѣнно повлечетъ за собою ощутительный вредъ въ образовательномъ отношеніи, что несомнѣнно уже и случилось съ существующимъ кораблестроительнымъ отдѣленіемъ. Если высказанныя сейчасъ соображенія въ пользу включенія курса

построенія деталей машинъ въ програму кораблестроительнаго отдѣленія будутъ признаны основательными, то спрашивается—въ чемъ программа механическаго отдѣленія будетъ отличаться отъ программы отдѣленія кораблестроительнаго? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. А въ такомъ случаѣ зачѣмъ же будетъ существовать въ Морской академіи въ видѣ самостоятельнаго учебнаго учрежденія особый механическій факультетъ?

Но механическое отдѣленіе существовало при Морской академіи въ теченіи болѣе, нежели пятнадцати лѣтъ и до сихъ поръ многими еще признается за существенную принадлежность этого учрежденія, такъ какъ между различными предположеніями, относительно будущаго устройства академіи, встрѣчаются такія, которыя требуютъ оставленія при ней механическаго отдѣленія въ томъ видѣ, въ какомъ оно и теперь существуетъ. Поэтому необходимо, въ видахъ всесторонняго обсужденія вопроса о соединеніи механическаго отдѣленія съ кораблестроительнымъ, указать еще на одно весьма важное соображеніе въ пользу такого соединенія. Выше, при обсужденіи общихъ началъ и условій, которымъ должна подчиняться Морская академія, какъ одинъ изъ органовъ общей системы высшаго реальнаго образованія въ государствѣ, мы указывали, что академія, а слѣдовательно и каждый изъ составляющихъ ея факультетовъ, въ такомъ только случаѣ получаютъ основательное и разумное право на самостоятельное существованіе, когда будутъ преслѣдовать такія спеціальныя цѣли, которыя не могутъ быть достигнуты никакимъ другимъ образовательнымъ институтомъ уже существующимъ и, прибавимъ здѣсь, или могущимъ возникнуть, по иниціативѣ какого либо другаго вѣдомства, кромѣ морскаго, въ видѣ учрежденій отвѣчающихъ тѣмъ или другимъ общимъ потребностямъ, удовлетвореніе которыхъ признается необходимымъ для культурныхъ цѣлей государства. Всѣ согласны, что земледѣліе и сельское хозяйство имѣютъ громадное значеніе для Россіи, но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы морское вѣдомство приняло на себя заботу о высшемъ сельско-хозяйственномъ и земледѣльческомъ

образованіи въ нашемъ отечествѣ. Точно также горное дѣло имѣетъ для Россіи большую важность и интересы морскаго вѣдомства даже очень близко соприкасаются съ успѣхами нашей горной промышленности; но отсюда опять никто не выведетъ заключенія, что морское вѣдомство обязано учредить нѣчто въ родѣ горнаго института и т. п. При современномъ развитіи культуры механическое дѣло, въ его многообразныхъ формахъ, пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ общежитіи. Можно сказать, что ни одна изъ существующихъ отраслей промышленности не можетъ обойтись безъ большаго или меньшаго участія механическихъ знаній.

При такомъ широкомъ распространеніи потребности на механическія знанія, они, очевидно, пріобрѣтаютъ существенную важность въ общей системѣ реальнаго образованія и, естественно, становятся предметомъ особой заботливости государства и въ частности вѣдомства общественнаго просвѣщенія, которое устраиваетъ для техническаго образованія въ государствѣ цѣлую систему приготовительнаго и окончательнаго, высшаго реальнаго образованія, при чемъ и специальное механическое дѣло пріобрѣтаетъ для себя особые образовательные органы. Идея высшаго реальнаго образованія выражается у насъ существованіемъ такихъ институтовъ, какъ Горный, Путей сообщеній, Земледѣльческій, Строительный и наконецъ Технологическій, въ которомъ есть специальное отдѣленіе для изученія именно механики со всѣми прикладными и техническими ея отраслями. Технологическій институтъ есть высшее учебное заведеніе. Доступъ въ него открытъ только молодымъ людямъ, вполнѣ окончившимъ курсъ общаго образованія. Курсъ ученія продолжается въ Технологическомъ институтѣ пять лѣтъ, что при условіи хорошей предварительной подготовки и правильной организаціи учебной части, казалось бы, должно представлять достаточное ручательство въ успѣшномъ достиженіи образовательныхъ цѣлей разсматриваемаго учрежденія. Изъ всего этого неизбѣжно слѣдуетъ, что Морское министерство вовсе не обязано создавать еще и отъ себя особое высшее учебное

заведенiе для спецiальнаго изученiя механики съ ея практическими приложенiями. Для повѣрки этого вывода допустимъ на минуту, что учрежденiе такого спецiальнаго заведенiя со стороны морскаго вѣдомства дѣйствительно состоялось. Можно было бы навѣрное утверждать, что подобное заведенiе не выдержало бы сравненiя съ Технологическимъ институтомъ по образовательному значенiю и влiянiю. Вопервыхъ оно не могло бы расчитывать на сколько нибудь значительный контингентъ слушателей, еслибы право на поступленiе въ него предоставлено было исключительно молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ морскихъ учебныхъ заведенiяхъ, а мы должны придерживаться именно этого предположенiя, потому что въ противномъ случаѣ имѣли бы дѣло съ учрежденiемъ чисто общественнымъ, принадлежность котораго къ морскому вѣдомству сдѣлалась бы обстоятельствомъ совершенно ненормальнымъ, не оправдываемымъ никакими соображенiями. Итакъ подобное заведенiе не могло бы расчитывать на достаточное число слушателей, а между тѣмъ расходы по устройству его учебной части должны были бы, для достиженiя тѣхъ же результатовъ, сравняться съ расходами Технологическаго института. Уже одна эта сторона дѣла обнаруживаетъ явную ненормальность и экономическую несостоятельность подобнаго заведенiя. Вовторыхъ, существованiе такого учрежденiя при морскомъ вѣдомствѣ непремѣнно повлекло бы за собою извѣстныя ограниченiя и особенныя условiя въ правахъ на поступленiе въ него слушателей. Еслибы доступъ въ него былъ открытъ только для воспитанниковъ приготовительныхъ учебныхъ заведенiй морскаго вѣдомства, то научная подготовка слушателей оказалась бы совершенно не соотвѣтствующею подготовкѣ студентовъ Технологическаго института. Въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ частяхъ своихъ она несомнѣнно оказалась бы гораздо ниже той, которую приносятъ съ собою воспитанники нашихъ гимназiй и реальныхъ училищъ. Это обстоятельство оказало бы весьма неблагопрiятное влiянiе на окончательные результаты образовательной дѣятельности предполагаемаго заведенiя. Для установленiя же полнаго соотвѣтствiя и равно-

вѣсія въ научной подготовкѣ слушателей нашего предполагаемаго заведенія съ подготовкою слушателей Технологическаго института, пришлось бы совершенно измѣнить существующую учебную организацію приготовительныхъ училищъ морскаго вѣдомства, что крайне усложнило бы этотъ, и безъ того уже очень сложный и трудный вопросъ. И вся эта ломка потребовалась бы только для того, чтобы доставить крайне незначительному меньшинству возможность воспользоваться высшимъ спеціальнымъ образованіемъ въ предположенномъ учебномъ заведеніи. Игра, очевидно, не стоитъ свѣчъ. Наконецъ, курсъ Технологическаго института продолжается пять лѣтъ, а морское вѣдомство едвали признало бы удобнымъ и даже возможнымъ принять этотъ срокъ, а между тѣмъ не только три или два, но даже и одинъ лишній годъ занятій, особенно въ студенческомъ возрастѣ, непремѣнно обусловливаетъ и соотвѣтствующее превосходство въ результатахъ образованія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что предположенное нами учебное заведеніе не въ состояніи было бы конкурировать съ Технологическимъ институтомъ ни въ экономическомъ, ни въ образовательномъ отношеніяхъ. Еслибы, для оправданія такой мѣры, кто нибудь сталъ утверждать, основательно или не основательно, мы не беремся объ этомъ судить въ настоящей статьѣ, что современное состояніе Технологическаго института и вообще образованія въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ неудовлетворительно и что вслѣдствіе именно этой неудовлетворительности, морское вѣдомство, въ виду настоятельныхъ спеціальныхъ нуждъ своихъ, вынуждено взять на свой страхъ учрежденіе высшаго учебнаго механическаго института, то такое оправданіе, при всей кажущейся его благовидности, не можетъ быть принято съ точки зрѣнія интересовъ общественныхъ и государственныхъ. Если дѣйствительно какая нибудь важная и существенная отрасль государственной дѣятельности, напримѣръ общественное образованіе, оказывается въ состояніи неудовлетворительномъ, то настоитъ явная необходимость въ улучшеніи ея и притомъ посредствомъ общихъ и дѣйствитель-

ныхъ мѣропріятій, а не паллiативныхъ и частныхъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію не самаго зла въ его корнѣ, а только лишь къ сглаженію нѣкоторыхъ весьма исключительныхъ частныхъ послѣдствій этого зла, проявляющихся въ той, или другой отдѣльной и вполнѣ единичной сферѣ жизни. Такая политика только ухудшаетъ общее положеніе, потому что достигаемое ею, и притомъ въ самомъ благопріятномъ случаѣ, частное облегченіе только поддерживаетъ существующее зло, а потому способствуетъ его общей продолжительности и стремится перевести болѣзнь изъ остраго въ хроническое состояніе. Далѣе, еслибы въ виду дѣйствительной, или предполагаемой неудовлетворительности общественнаго образованія, морское вѣдомство приняло на себя учрежденіе предположеннаго заведенія, то такой образъ дѣйствія не могъ бы не подлежать основательному упреку въ томъ, что вѣдомство это выходитъ изъ круга своей компентентности. Наконецъ такая мѣра, въ сущности, имѣла бы значеніе хотя и не выговореннаго, но, тѣмъ не менѣе, явнаго протеста противъ бездѣйствія, или неудовлетворительности отправленій того органа государственнаго управленія, на попеченіи котораго лежитъ забота о правильной организаціи общественнаго образованія, а такой антагонизмъ между отдѣльными органами управленія едвали даже можетъ быть допущенъ въ благоустроенномъ государствѣ. И такъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что морское вѣдомство не только не можетъ принимать на себя заботу объ организаціи того или другаго рода образованія, выходящаго изъ круга его исключительной спеціальности и успѣвшаго пріобрѣсти значеніе предмета, подлежащаго вѣдѣнію общенароднаго просвѣщенія, но даже обязано тщательно устраниться отъ подобной дѣятельности, несовмѣстной съ прямымъ его назначеніемъ, а сосредоточить всѣ свои силы и средства для достиженія только тѣхъ цѣлей, которыя не могутъ быть удовлетворительно преслѣдуемы никакимъ другимъ органомъ государственнаго управленія.

Къ числу такихъ цѣлей въ образовательномъ отношеніи несомнѣнно относится приготовленіе для флота собственно

морскихъ офицеровъ и кораблестроителей. Чтоже касается механиковъ, то выше мы видѣли, что программа кораблестроительнаго отдѣленія вполнѣ обнимаетъ собою все, что до настоящаго, по крайней мѣрѣ, времени считалось необходимымъ для образованія морскаго инженеръ-механика. Если же будетъ признано, что этого недостаточно, что спеціальное образованіе собственно инженеръ-механиковъ должно быть расширено, то, не оспаривая даже такого мнѣнія, если бы оно и возникло, мы усматриваемъ только одно вполнѣ удовлетворительное и раціональное средство, отвѣчающее выставляемому требованію—открыть для инженеръ-механиковъ, ищущихъ какого либо особеннаго высшаго образованія, доступъ въ Технологическій институтъ или въ институты Горный и Путей - Сообщенія, или, наконецъ, въ университетъ, въ эти общіе, существующіе у насъ разсадники какъ высшаго ученаго, такъ и высшаго реальнаго образованія. Наконецъ если и это окажется недостаточнымъ, то мы утверждаемъ, что гораздо выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ посылать инженеръ-механиковъ на казенный счетъ заграницу для пріобрѣтенія теоретическаго и практическаго образованія по ихъ спеціальности, нежели учреждать при нашей Морской академіи особый механическій факультетъ, который, по самой сущности связи спеціальностей морскаго инженеръ-механика и кораблестроителя, никогда не будетъ имѣть подъ собою никакой твердой почвы и навсегда останется учрежденіемъ несамостоятельнымъ и не имѣющимъ въ Морской академіи никакой прочной будущности (*). Мы, съ своей стороны, думаемъ, что требованіе имѣть при Морской академіи особый механическій факультетъ вытекаетъ или изъ какого нибудь неразъясненнаго недоразумѣнія, или изъ весьма пре-

(*) Здѣсь очень кстати будетъ напомнить, что многіе изъ офицеровъ, окончившихъ курсъ на механическомъ отдѣленіи академіи, не остались на службѣ во флотѣ, а перешли къ частнымъ занятіямъ, связаннымъ съ ихъ спеціальностью. Этотъ фактъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ нашу мысль, что забота о распространеніи механическаго образованія не лежитъ на обязанности морскаго вѣдомства, а должна быть передана въ руки той отрасли государственнаго управленія, которая завѣдуетъ общественнымъ образованіемъ вообще.

увеличеннаго и узкаго воззрѣнія на пароходную механику, какъ на нѣчто вполнѣ уединенное и независимое отъ механики вообще, тогда какъ пароходная механика есть не болѣе, какъ очень частный случай общей прикладной механики, изъ которой она и почерпаетъ всѣ существенныя части своего содержанія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія становится еще болѣе яснымъ, что нѣтъ никакой надобности въ учрежденіи при Морской академіи особаго механическаго отдѣленія. Здѣсь вполнѣ умѣстно будетъ указать на тотъ весьма знаменательный фактъ, что въ существующемъ теперь механическомъ отдѣленіи собственно спеціальные предметы курса и въ настоящее время читаются профессорами того же Технологическаго института, которые и составляютъ всю, если можно такъ выразиться, образовательную душу этого факультета.

Чтобы покончить съ вопросомъ о механическомъ отдѣленіи слѣдовало бы разобрать и возраженія, могущія возникнуть по поводу слiянія этого отдѣленія съ кораблестроительнымъ. Въ этомъ отношеніи пришлось бы очень напрягать свой умъ и воображеніе, чтобы придумать сколько нибудь логически благовидное основаніе противъ такого слиянія: и, если не ошибаюсь, всѣ вѣроятности возраженія, въ концѣ концовъ, будутъ опираться на то, вполнѣ формальное соображеніе, что механическое отдѣленіе при Морской академіи есть естественное послѣдствіе самостоятельнаго существованія во флотѣ корпуса инженеръ-механиковъ, подобно тому, какъ отдѣленіе кораблестроительное вызывается существованіемъ корпуса корабельныхъ инженеровъ. Указавъ въ началѣ главы II на существующее въ нашемъ флотѣ раздѣленіе спеціальностей по различнымъ корпусамъ морскаго вѣдомства, мы имѣли въ виду получить только исходную точку для дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ. Мы признали это раздѣленіе за приблизительное указаніе практики, а вовсе не за окончательное и полное рѣшеніе вопроса о раціональномъ раздѣленіи на флотѣ служебнаго труда. Для того, чтобы можно было опираться на выработанную практикою, существующую классификацію спеціальностей во флотѣ, какъ на основательный

въ логическомъ отношеніи аргументъ, необходимо доказать, что каждый изъ членовъ этого чисто эмпирическаго ряда есть дѣйствительно самостоятельный и существенно необходимый его членъ, что мы всякій разъ и старались выполнить при отдѣльномъ разсмотрѣніи каждой изъ специальностей. Впослѣдствіи, когда мы коснемся служебныхъ правъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ курса въ академіи, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться подробнѣе къ затронутому здѣсь вопросу. Теперь же повторяемъ еще разъ, что разсматриваемое возраженіе мы не считаемъ существеннымъ, а признаемъ только формальнымъ: оно нисколько не обнаруживаетъ и не объясняетъ внутренней логической связи между основаніемъ—фактомъ существованія во флотѣ корпуса инженеръ-механиковъ—и голословно утверждаемымъ, а потому, можетъ быть, и мнимымъ его слѣдствіемъ—необходимостью особаго механическаго факультета при академіи. Далѣе въ пользу мнѣнія, противоположнаго нашему, конечно, будетъ повидимому много говорить также и тотъ фактъ, что съ преобразованіемъ офицерскихъ классовъ въ академическій курсъ возникло, въ видѣ самостоятельнаго факультета, и механическое отдѣленіе и просуществовало пятнадцать лѣтъ. Но этотъ фактъ въ нашихъ глазахъ имѣетъ значеніе только лишь обстоятельства хорошо объясняющаго весьма естественное возникновеніе привычки смотрѣть на механическое отдѣленіе какъ на непремѣнную принадлежность Морской академіи, но отнюдь не значеніе достаточнаго аргумента въ пользу неизбѣжности, необходимости и полезности такого порядка. Изъ факта существованія корпуса инженеръ-механиковъ вовсе не вытекаетъ съ логическою неизбѣжностью необходимость существованія механическаго отдѣла. Безспорно, что одинъ изъ нихъ даетъ *поводъ* къ возбужденію *вопроса* о другомъ, но отнюдь не болѣе. Весьма естественно также допустить, что именно такъ и случилось при первоначальномъ обсужденіи организаціи академическихъ курсовъ: существовалъ поводъ къ возбужденію извѣстнаго вопроса, это, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вызвало наклонность къ положительному рѣшенію, перешедшую за тѣмъ въ дѣй-

ствительное рѣшеніе отчасти и подъ вліяніемъ опасенія упустить что либо существенное въ учебной организаціи новаго учрежденія. Но не слѣдуетъ терять изъ вида, что возникновеніе какого ни есть вопроса еще не составляетъ достаточнаго логическаго основанія для положительнаго его рѣшенія. Далѣе, академическіе курсы морскихъ наукъ съ ихъ первоначальною организаціей *учреждались въ видѣ опыта,* а это обстоятельство допускало и даже требовало испытанія какъ можно болѣе широкой и полной системы академическихъ отдѣленій, потому что только при соблюденіи именно такого условія опытъ могъ привести къ надежному и дѣйствительно правильному рѣшенію вопроса о будущей окончательной организаціи уже не временно учреждаемыхъ академическихъ курсовъ, а имѣющей характеръ постоянства и прочности Николаевской морской академіи. Пятнадцатилѣтній опытъ привелъ, какъ мы видѣли выше изъ сравненія нынѣшняго состоянія кораблестроительнаго и механическаго отдѣленій академическихъ курсовъ, къ тому, что учебныя программы обоихъ факультетовъ сливаются между собою, оказываются даже тожественными. Отсюда можно вывести только одно единственно правильное заключеніе, что и оба отдѣленія должны быть слиты въ одно, отожествлены.

Наконецъ для окончательнаго устраненія всѣхъ споровъ и сомнѣній по поводу разсматриваемаго вопроса мы должны высказать, что предлагаемая мѣра отнюдь не вызываетъ даже и тѣни какой нибудь грубой и рѣзкой ломки въ существующемъ академическомъ курсѣ. То, что мы предлагаемъ, не есть разрушеніе, или уничтоженіе чего либо, а только сліяніе въ одно стройное цѣлое двухъ учрежденій, изъ которыхъ одно до сихъ поръ существовало, по нашему мнѣнію, только номинально. Въ соединенномъ же кораблестроительно-механическомъ отдѣленіи Николаевской морской академіи, которое, можетъ быть, правильнѣе всего было бы наименовать *отдѣленіемъ морскихъ инженеровъ*, и кораблестроители, и механики найдутъ достаточную пищу для усовершенствованія ихъ научно-спеціальнаго образованія. И такъ мы заканчиваемъ наши соображенія о механическомъ отдѣленіи Мор-

ской академіи предложеніемъ: слить это отдѣленіе съ кораблестроительнымъ, программа котораго должна быть измѣнена и дополнена согласно сдѣланнымъ выше указаніямъ. Обращаемся затѣмъ къ вопросу:

VI.

О гидрографическомъ отдѣленіи Морской академіи.

Становясь опять на прежнюю же точку зрѣнія, что Морская академія есть только одинъ изъ органовъ общей системы реальнаго образованія въ государствѣ, мы, если не ошибаюсь, должны будемъ признать необходимость для нашего отечества въ высшемъ учебномъ учрежденіи, подготовляющемъ особыхъ спеціалистовъ, носящихъ во Франціи весьма удачное и характеристическое наименованіе инженеръ-гидрографовъ. Отечество наше омывается многими морями, всесторонняя опись и изученіе которыхъ далеко еще не закончены въ настоящее время и требуютъ просвѣщенной и усиленной дѣятельности многихъ гидрографовъ. Непрерывность, прогрессъ и всесторонность гидрографической дѣятельности тѣснымъ образомъ связаны не только съ существенными интересами нашего военнаго флота и обороны нашихъ береговъ и морей, безъ тщательнаго обслѣдованія которыхъ не мыслимъ основательный и цѣлесообразный выборъ средствъ для защиты береговъ, но затрогиваютъ и весьма важные общественные интересы нашей морской торговли и мореплаванія вообще. Если къ этому присоединимъ еще крайнюю настоятельность подробнаго изученія нашихъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній, тоже болѣе или менѣе связанныхъ съ интересами флота, и несомнѣнно имѣющихъ глубокую и первостепенную важность въ дѣлѣ развитія нашей внутренней промышленности и торговли, а между тѣмъ остающихся до сихъ поръ безъ всесторонняго научнаго изслѣдованія, то придемъ къ заключенію, что потребность для насъ въ просвѣщенныхъ гидрографахъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Разъ этотъ основный вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ,

то уже не трудно видѣть, что именно морскому вѣдомству естественнѣе всего принять на себя заботу объ удовлетвореніи разсматриваемой теперь важной государственной потребности. Успѣхи гидрографіи тѣсно и болѣе всего связаны съ интересами нашего флота; гидрографія издавна находилась въ вѣдѣніи Морскаго министерства; мирная и многолѣтняя дѣятельность офицеровъ флота успѣла уже дать по части гидрографіи много полезныхъ и въ практическомъ и въ научномъ отношеніи результатовъ; наконецъ въ теченіе уже полустолѣтія, сначала прежніе офицерскіе классы, а потомъ и Морская академія, практиковали и практикуютъ преподаваніе астрономіи, геодезіи и гидрографіи. Нѣтъ никакихъ, сколько нибудь основательныхъ поводовъ къ коренному измѣненію сущности этого, уже издавна установившагося, и очевидно, вполнѣ естественнаго и нормальнаго порядка вещей. Рѣчь можетъ итти только о дополненіи какихълибо упущенныхъ подробностей въ организаціи гидрографическаго отдѣленія академіи, или объ устраненіи изъ него такихъ предметовъ, которые, не относясь къ прямой его спеціальности, должны быть исключены въ видахъ сосредоточенія вниманія слушателей на томъ, что для нихъ болѣе интересно и необходимо. Для этой цѣли мы и разсмотримъ въ общихъ чертахъ програму гидрографическаго отдѣленія.

Математическій отдѣлъ программы состоитъ нынѣ изъ аналитической геометріи, высшей алгебры, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія и аналитической механики. По нашему мнѣнію было бы очень полезно дополнить этотъ курсъ знакомствомъ съ основаніями математической теоріи вѣроятностей. Такъ какъ спеціальная дѣятельность гидрографовъ главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ занятіяхъ геодезическихъ и практико-астрономическихъ, то знаніе математической теоріи вѣроятностей оказывается для нихъ необходимымъ при научной обработкѣ добываемыхъ геодезическихъ и астрономическихъ матеріаловъ. Оно необходимо также и для обработки матеріаловъ, относящихся къ всестороннему физикогеографическому изслѣдованію тѣхъ странъ, въ которыхъ придется дѣйствовать будущимъ гидрографамъ. Существую-

щая программа гидрографическаго отдѣленія, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе недостатка времени, а частію и обремененія факультета предметами, не относящимися къ прямой его спеціальности, представляетъ почти совершенный пробѣлъ въ указанномъ сейчасъ отношеніи. Теперешній курсъ физики, по содержанію своему, не нуждается въ существенныхъ перемѣнахъ. Желательно только, чтобы этому курсу былъ приданъ характеръ болѣе глубокаго и острого научнаго изученія весьма важныхъ для гидрографа физическихъ явленій и законовъ, при широкомъ участіи въ этомъ дѣлѣ не только опыта, но и точныхъ пріемовъ строгаго математическаго изслѣдованія, при помощи высшаго анализа. Этотъ характеръ не могъ быть вполнѣ усвоенъ курсомъ физики въ академіи, безъ сомнѣнія, по тѣмъ же причинамъ, которыя сейчасъ были указаны по поводу курса теоріи вѣроятностей. Но нужно надѣяться, что съ преобразованіемъ академіи получится возможность болѣе сконцентрировать занятія академистовъ въ кругѣ избранной каждымъ спеціальности и тогда предоставлено будетъ достаточно учебнаго времени для сообщенія курсамъ всѣхъ предметовъ гидрографическаго отдѣленія большей глубины и основательности. Существующій курсъ теоретической астрономіи желательно было бы дополнить большимъ сравнительно съ принятымъ теперь, развитіемъ вопросовъ, относящихся къ физической астрономіи и небесной механикѣ. Полезно было бы также нѣсколько остановиться и на исторіи астрономіи. Высокоуважаемый и достопочтенный профессоръ астрономіи въ нашей академіи А. Н. Савичъ, въ предисловіи къ своему превосходному курсу космографіи, выразился, по поводу затронутаго сейчасъ вопроса, слѣдующимъ образомъ: «сколько позволяла цѣль моей книги, я слѣдовалъ историческому пути, по которому наука совершенствовалась въ послѣднія три столѣтія; этотъ путь большею частію есть самый естественный; обнаруживая непрерывную связь между разными открытіями онъ наилучше знакомитъ съ главными основаніями науки» (*). Намъ лич-

(*) См. Математическая географія и первыя начала космографіи. А. Савича. Предисловіе къ изд. 1859 г.

но, въ бытность нашу въ академическихъ курсахъ, удалось выслушать очеркъ исторіи астрономіи, которымъ уважаемый профессоръ живо и глубоко заинтересовалъ насъ и товарищей нашихъ по академіи. Не знаю повторялось ли это для послѣдующихъ слушателей, или, можетъ быть, по недостатку времени, не всегда удавалось на лекціяхъ астрономіи останавливаться на этомъ важномъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что оно и не входитъ въ обязательную программу курса. Желательно поставить это дѣло внѣ всякой зависимости отъ случайности и ввести очеркъ исторіи астрономіи въ нормальную программу гидрографическаго отдѣленія. По поводу практической астрономіи и геодезіи мы не имѣемъ сказать ничего такого, что требовало бы какихъ либо существенныхъ перемѣнъ въ курсахъ этихъ предметовъ. Въ существующемъ академическомъ курсѣ изъ физической географіи проходятся только гидрологія и метеорологія. Пока курсъ гидрографическаго отдѣленія продолжался только два года не было возможности проходить физическую географію въ полномъ объемѣ, и по неволѣ, приходилось ограничиваться названными сейчасъ отдѣлами, особенно важными для гидрографовъ. Намъ кажется что такое урѣзываніе курса физической географіи могло быть допущено только въ виду невозможности расширенія его по недостатку учебнаго времени, на что если это обстоятельство устранится, то физическая географія должна быть проходима въ полномъ ея объемѣ. Такое существенное расширеніе физико-географическаго образованія будущихъ гидрографовъ кажется намъ весьма важнымъ. Оно, безъ сомнѣнія, чрезвычайно благотворно повліяетъ на достоинство и полноту результатовъ ихъ ученыхъ трудовъ при изслѣдованіи тѣхъ странъ, куда современемъ приведетъ ихъ гидрографическая ихъ карьера. Было бы крайне жаль, если наши будущіе гидрографы, попавъ въ какую нибудь мало изслѣдованную страну, по недостаточности своей научной подготовки, оказались бы несостоятельными въ собираніи всѣхъ интересныхъ для науки данныхъ, относящихся не только къ гидрографіи, но и къ другимъ отраслямъ землевѣдѣнія и физической географіи, и наукѣ пришлось бы

ждать еще другихъ, новыхъ случаевъ для добыванія важныхъ для нея матеріаловъ. Случаи же эти, какъ извѣстно, представляются не часто, и снаряженіе нарочныхъ экспедицій всегда бываетъ сопряжено съ разными препятствіями и значительными денежными расходами.

Въ виду именно этихъ соображеній мы думаемъ, что курсъ гидрографическаго отдѣленія долженъ быть еще усиленъ слѣдующими предметами, польза которыхъ для будущихъ гидрографовъ едвали можетъ подлежать сомнѣнію, мы разумѣемъ: общее землевѣдѣніе, исторію гидрографіи, особенно отечественной, статистику и этнографію. По поводу курса статистики замѣтимъ, что онъ можетъ быть общій для всѣхъ слушателей академіи. Курсъ статистики мы считаемъ необходимымъ для гидрографовъ, не только по изложеннымъ въ предыдущихъ главахъ общимъ соображеніямъ, но въ особенности еще и потому, что участвуя въ гидрографическихъ экспедиціяхъ и ученыхъ командировкахъ съ гидрографическою цѣлью, они будутъ имѣть удобный случай чаще даже, нежели собственно морскіе офицеры и притомъ болѣе систематически, попутно съ гидрографическими занятіями, собирать также и статистическія, этнографическія экономическія и проч. свѣдѣнія, которыми еще такъ бѣдна наука о нашемъ отечествѣ и которые однакоже совершенно необходимы не только для развитія нашей культуры, но и для чисто спеціальныхъ цѣлей нашего военнаго и коммерческаго флотовъ. Такъ какъ гидрографы, принадлежа къ сословію моряковъ, знакомы съ интересами нашего мореплаванія, то передача въ ихъ руки заботы о систематическомъ собираніи всѣхъ, указанныхъ сейчасъ свѣдѣній будетъ даже особенно полезна для дѣла. Наконецъ, если ко всѣмъ вышеупомянутымъ предметамъ присоединимъ еще, читаемый и въ настоящее время на гидрографическомъ отдѣленіи, курсъ математической теоріи девіаціи компасовъ, то придемъ къ слѣдующей окончательной программѣ разсматриваемаго отдѣленія, для удовлетворительнаго выполненія которой потребуется, по нашему мнѣнію, трехлѣтній же курсъ.

1) Аналитическая геометрія.
2) Алгебра.
3) Дифференціальное и интегральное исчисленія.
4) Аналитическая механика.
5) Основанія математической теоріи вѣроятностей.
6) Физика.
7) Математическая теорія девіаціи компасовъ.
8) Теоретическая и физическая астрономія.
9) Практическая астрономія
10) Геодезія.
11) Физическая географія.
12) Общее землевѣдѣніе.
13) Исторія гидрографіи.
14) Статистика.
15) Этнографія.

Эта программа отличается отъ принятой въ настоящее время, независимо отъ введенія нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, оправдываемаго изложенными сейчасъ соображеніями, упущеніемъ только одного предмета теоріи мореходныхъ качествъ судовъ, очевидно ни мало не относящейся къ спеціальности этого факультета. Присутствіе теоріи мореходныхъ качествъ судовъ въ программѣ гидрографическаго отдѣленія объяснялось до сихъ поръ только тѣмъ, что, за неимѣніемъ при морской академіи спеціальнаго военно-морскаго отдѣленія, приходилось введеніемъ этого предмета хотя нѣсколько удовлетворить настоятельной потребности флотскихъ офицеровъ въ знакомствѣ съ самыми существенными вопросами теоріи корабля. Если же при академіи учредится военно-морской отдѣлъ, то теорія мореходныхъ качествъ судовъ естественно перейдетъ въ его программу. Такимъ образомъ сдѣланное нами упущеніе получаетъ полное и вполнѣ очевидное оправданіе.

VII.

Объ артиллерійскомъ отдѣленіи морской академіи.

Чтобы закончить вопросъ о подраздѣленіи морской академіи на спеціальные факультеты намъ остается еще, по поводу спеціальнаго артиллерійскаго отдѣленія, высказать мнѣніе, что и на будущее время правильнѣе всего было бы остаться при существующемъ уже порядкѣ вполнѣ основательно и категорически мотивированномъ въ «Положеніи объ академическомъ курсѣ морскихъ наукъ», объявленномъ въ приказѣ Управляющаго морскимъ министерствомъ отъ 7-го августа 1872 г. за № 116: «артиллерійскаго отдѣленія на первое время не учреждается на томъ основаніи, что научная часть артиллеріи преподается въ обширномъ размѣрѣ въ Михайловской артиллерійской академіи». Со времени изданія этого приказа михайловская артиллерійская академія ни мало не понизила у себя уровня преподаванія наукъ и слѣдовательно не имѣется никакихъ, сколько нибудь основательныхъ поводовъ для измѣненія существующаго положенія, не представляющаго, сколько извѣстно, ни малѣйшихъ практическихъ неудобствъ и въ тоже время вполнѣ отвѣчающаго требованіямъ здраваго экономическаго порядка. По поводу артиллерійскаго отдѣленія считаемъ необходимымъ сдѣлать только одно предложеніе. Въ Михайловской артиллерійской академіи изученіе артиллеріи и соприкосновенныхъ съ нею предметовъ примѣнено, какъ это и слѣдуетъ, исключительно къ нуждамъ сухопутной артиллеріи. При этомъ неизбѣжно будутъ упущены изъ виду многія частности и подробности, какъ теоретическія, такъ и практическія, имѣющія особую важность для морскаго артиллериста. Для пополненія этого невыгоднаго для интересовъ флота пробѣла намъ кажется полезнымъ устроить занятія къ Николаевской морской академіи такъ, чтобы слушатели артиллерійскаго отдѣленія имѣли возможность, безъ ущерба своимъ занятіямъ въ артиллерійской академіи, посѣщать лекціи морской артиллеріи и морской тактики, читаемыя на военно-морскомъ отдѣлѣ и въ дополненіе къ экзамену изъ курса Михайловской артиллерійской академіи, сдавали бы экзаменъ и изъ курса названныхъ сейчасъ предметовъ Николаевской морской академіи.

VIII.

Разборъ вѣроятныхъ возраженій противъ предложеннаго въ предыдущихъ главахъ плана устройства Николаевской морской академіи.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались на сколько могли оправдать всѣ предлагаемыя нами перемѣны. Но чтобы какъ можно болѣе выяснить нашу мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ новыхъ соображеній утвердить предлагаемый нами планъ устройства академіи, считаемъ полезнымъ еще нѣсколько дополнить сказанное посредствомъ обѣщанной выше отрицательной повѣрки нашихъ предположеній. Съ этою цѣлью обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ вѣроятныхъ возраженій противъ высказаннаго нами мнѣнія, которыя не были еще разобраны въ предшествующемъ изложеніи.

Во первыхъ, могутъ сказать, что мы назначаемъ слишкомъ большую продолжительность для академическаго курса, предлагая, взамѣнъ существующаго двухлѣтняго, трехлѣтній срокъ. По поводу такого возраженія, конечно, прежде всего нужно признаться, что дѣйствительно большая продолжительность курса въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ составляетъ неудобство, но неудобство неизбѣжное во всѣхъ серіозныхъ предпріятіяхъ. Нельзя же упускать изъ виду, что никакое человѣческое дѣло, а въ особенности такое трудное и важное по своимъ послѣдствіямъ, какъ пріобрѣтеніе основательнаго, широкаго и глубокаго научнаго образованія, не можетъ быть выполнено въ слишкомъ короткій срокъ. Истинная и мудрая экономія въ расходѣ времени, затраченнаго для достиженія какой нибудь цѣли, обусловливается не абсолютною, безотносительною величиною цифры, выражающей эту затрату, а отношеніемъ ея къ достоинству и цѣнности достигнутаго блага. Съ этой общей и единственно правильной, по нашему мнѣнію, точки зрѣнія мы не колеблясь продолжаемъ настаивать на необходимости трехлѣтняго курса въ Академіи. Если отъ этого общаго соображенія обратимся къ болѣе частнымъ, къ существовавшимъ и существующимъ примѣрамъ, то най-

демъ вполнѣ достаточныя оправданія нашему требованію. Бывшіе офицерскіе классы, въ теченіе болѣе нежели 30-ти лѣтъ, существовали же при трехлѣтнемъ курсѣ и это считалось удобоисполнимымъ. Если въ виду пользы офицерскихъ классовъ морское вѣдомство признавало такой срокъ возможнымъ, то почему не признать его возможнымъ и для Николаевской морской академіи, которая для того именно и учреждается, чтобы приносить флоту, если не большую, то, по крайней мѣрѣ, и не меньшую пользу. Далѣе, извѣстно, что во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы университеты, институты — Горный, Путей-Сообщенія, Технологическій, курсъ продолжается не менѣе 4-хъ, а въ нѣкоторыхъ и 5-ти лѣтъ. Между тѣмъ предварительная общая подготовка студентовъ едвали не выше подготовки, получаемой въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ обратимся къ примѣрамъ болѣе однороднымъ съ Николаевскою морскою академіею. Въ академіяхъ военнаго вѣдомства первоначально былъ установленъ двухлѣтній курсъ, впослѣдствіи же онъ былъ увеличенъ до трехъ лѣтъ, именно потому, что опытъ показалъ недостаточность прежняго срока, для вполнѣ удовлетворительнаго достиженія образовательныхъ цѣлей академіи. Такимъ образомъ Михайловская артиллерійская и Николаевская инженерная академіи, формирующіяся изъ воспитанниковъ училищъ—Михайловскаго артиллерійскаго и Николаевскаго инженернаго, пользуются трехлѣтнимъ курсомъ. Предварительная же подготовка слушателей этихъ академій, безъ сомнѣнія, отнюдь не ниже, если не выше, подготовки воспитанниковъ морскихъ учебныхъ заведеній. Если названныя сейчасъ двѣ академіи, для удовлетворительнаго достиженія своихъ цѣлей, признаютъ необходимымъ трехлѣтній курсъ, то почему же Николаевская морская академія должна ограничиться только двухлѣтнимъ? Единственнымъ основательнымъ оправданіемъ такого сокращенія срока было бы соображеніе, что для достаточнаго усовершенствованія въ наукахъ, относящихся къ спеціальнымъ отраслямъ морскаго дѣла, потребно меньше знаній, меньше усилій, меньше времени, нежели для изученія военно-

инженернаго и военно-артиллерійскаго дѣла. По такого точнаго сравненія относительнаго достоинства и относительной трудности этихъ трехъ родовъ спеціальностей никто доселѣ даже и не пытался дѣлать, да оно едва ли и возможно. А потому для правильнаго рѣшенія спора остается только принять за основаніе указанія опыта. Опытъ же несомнѣнно приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: для прохожденія курса, опредѣляемаго существующими программами Морской академіи, уже ассигнуется два года и, по всей вѣроятности, сократить этотъ срокъ невозможно, потому что онъ не былъ сокращенъ за пятнадцати лѣтній періодъ существованія академіи, а между тѣмъ, очевидно, долженъ бы былъ подлежать сокращенію, еслибы возможность его была указана опытомъ. Проектируемая же программа значительно расширяетъ прежній курсъ и по объему, и по содержанію. Изъ этихъ посылокъ можно вывести только одно правильное заключеніе: если предлагаемыя дополненія одобряются и принимаются, какъ необходимыя и полезныя, то для выполненія новой усиленной противъ прежняго программы, нужно увеличить и прежнее количество учебнаго времени, т. е. вмѣсто прежняго двухлѣтняго принять трехлѣтній срокъ.

Во вторыхъ, можетъ возникнуть вопросъ: выполняется ли въ предлагаемомъ планѣ надлежащая равномѣрность въ распредѣленіи трудностей по отдѣльнымъ факультетамъ и соблюдается ли равновѣсіе между ними въ отношеніи количества и качества образовательнаго матеріала? Останавливаемся на этомъ вопросѣ, потому что предвидимъ возможность его возникновенія, но, прежде всего, не можемъ не выразить мысли, что вызывающее такой вопросъ сомнѣніе зависитъ, если не ошибаюсь, отъ простаго недоразумѣнія. Еслибы рѣчь шла объ устройствѣ двухъ или нѣсколькихъ учебныхъ заведеній, для достиженія одинаковой *общеобразовательной* цѣли, при помощи различныхъ для каждаго изъ нихъ учебныхъ плановъ, выполняемыхъ однакоже въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, то, при неизбѣжномъ условіи, что каждое изъ этихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній доступно для массы учениковъ и, слѣдовательно, при уст-

ройствѣ ихъ необходимо допустить, что распредѣленіе учащихся по способностямъ будетъ одинаково въ обоихъ заведеніяхъ, вопросъ о равномѣрномъ распредѣленіи трудностей въ учебныхъ планахъ каждаго заведенія и о равновѣсіи программъ представляется дѣйствительно важнымъ, хотя, слѣдуетъ замѣтить, и крайне труднымъ для сколько нибудь удовлетворительнаго рѣшенія. Но подобный вопросъ не можетъ и не долженъ даже и возникать по отношенію къ заведеніямъ высшимъ и притомъ *спеціальнымъ*. Учебный планъ такого заведенія вполнѣ и исключительно опредѣляется только сущностью спеціальной его цѣли, при чемъ, конечно, непремѣнно предполагается, что лица поступающія въ это заведеніе приносятъ съ собою извѣстную и притомъ вполнѣ достаточную для слушанія спеціальнаго курса подготовку, опредѣляемую установленнымъ пріемнымъ экзаменомъ, или какимъ бы то ни было инымъ повѣрочнымъ пріемомъ. Морская академія задается, между прочимъ, цѣлью приготовить напримѣръ научно образованнаго кораблестроителя. Если этою цѣлью она задается серіозно, то уже неможетъ избѣжать нѣкотораго, вполнѣ опредѣленнаго круса предметовъ, изученіе которыхъ необходимо для ея достиженія. При этомъ кораблестроителю, разъ сознательно и добровольно избравшему для себя спеціальность, рѣшительно не предстоитъ уже никакой надобности справляться о томъ, легче, труднѣе, продолжительнѣе, или быстрѣе можно усвоить себѣ курсъ какого нибудь другаго отдѣленія академіи, напр. гидрографическаго и наоборотъ. Каждый спеціалистъ идетъ своею, вполнѣ опредѣленною дорогою и по самой силѣ вещей не можетъ съ нея уклониться. Такимъ образомъ обдумывая учебные планы академическихъ отдѣленій, какъ высшихъ образовательныхъ учрежденій, преслѣдующихъ спеціальныя, вполнѣ опредѣленныя и болѣе или менѣе различныя между собою цѣли, мы лично не имѣли, да и не должны были имѣть въ виду разбираемое теперь требованіе, а старались только найти, для каждаго факультета академіи, тотъ кругъ предметовъ, который наилучшимъ образомъ удовлетворялъ бы потребностямъ каждой спеціальности, какъ мы ихъ

понимаемъ, при чемъ мы даже всячески старались какъ можно болѣе устранить всѣ посторонnія соображенія, не имѣвшія внутренней логической связи съ занимавшимъ насъ вопросомъ. Замѣчательно, впрочемъ, что по числу предмеметовъ программы всѣхъ отдѣленій вышли у насъ довольно симметричны, именно: вездѣ число это оказывается около 15; но мы нисколько не заботились объ этомъ и обстоятельство это есть не болѣе какъ неожиданная случайность, едвали имѣющая какое нибудь практически полезное значеніе.

Въ третьихъ, можетъ быть явится замѣчаніе, что программы наши страдаютъ многопредметностью. Вполнѣ раздѣляя убѣжденіе, что многопредметность есть большой недостатокъ учебнаго плана во всякомъ заведеніи, мы старались, обдумывая планъ Морской академіи, ввести въ него только самые необходимые предметы. При этомъ мы стремились, на сколько это было въ нашихъ силахъ, оправдать пользу и необходимость каждаго предмета. Удачны ли были наши старанія — судить, конечно, не намъ. Но чтобы обставить наши предложенія какъ можно большею убѣдительностью, позволимъ себѣ, по поводу предполагаемаго упрека въ многопредметности нашихъ программъ, обратить прежде всего вниманіе читателя на соображенія, высказанныя сейчасъ въ отвѣтъ на предыдущее замѣчаніе, такъ какъ они, до нѣкоторой степени, отвѣчаютъ и на настоящее возраженіе. Если излишняя многопредметность становится принадлежностью общеобразовательнаго курса, то она вредна и можетъ и должна быть устранена. Въ высшемъ же курсѣ, учреждаемомъ съ опредѣленною спеціальною цѣлью, многопредметность можетъ быть иногда неизбѣжна. Разъ опредѣлена та или другая спеціальность,—опредѣленъ и выборъ необходимыхъ для нея предметовъ и будетъ ли число ихъ велико или мало, съ нимъ такъ или иначе придется примириться. Молодые люди, получающіе образованіе въ нашихъ университетахъ и въ другихъ высшихъ образовательныхъ институтахъ, обязаны изучать очень большое число предметовъ, а между тѣмъ большинство этихъ молодыхъ людей въ то же

время пользуется весьма небольшимъ досугомъ и вынуждено отвлекаться отъ научныхъ занятій зарабатываніемъ средствъ къ жизни. Иногда, при всевозможныхъ усиліяхъ, матеріальная обстановка нашихъ студентовъ бываетъ крайне тяжелою. Въ этихъ случаяхъ многопредметность является большимъ неудобствомъ и дѣйствительнымъ обремененіемъ для студентовъ, но однакоже многіе изъ нихъ преодолѣваютъ это затрудненіе. Положеніе же молодыхъ офицеровъ, слушающихъ академическій курсъ, несравненно благопріятнѣе. Они вполнѣ обезпечены со стороны удовлетворенія первыхъ потребностей жизни и не встрѣчаютъ, подобно многимъ бѣдствующимъ студентамъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, никакихъ внѣшнихъ препятствій для правильной и систематической работы надъ академическими лекціями. Нужно еще замѣтить, что многопредметность иногда можетъ быть кажущеюся, а не дѣйствительною. Съ точки зрѣнія интересовъ высшаго спеціальнаго образованія многопредметностью въ смыслѣ недостатка учебнаго плана нужно считать не столько значительность самаго числа предметовъ, составляющихъ учебный планъ, сколько ихъ разнородность и отсутствіе между ними общей, объединяющей связи, обусловливаемой окончательною цѣлью плана. Съ этой точки зрѣнія, если не ошибаюсь, и нужно разсматривать предложенныя программы. Для повѣрки ихъ въ этомъ отношеніи возьмемъ программу военно-морскаго отдѣленія и посмотримъ—до какой степени она можетъ подлежать упреку въ многопредметности, понимаемой въ указанномъ сейчасъ смыслѣ. Для военно-морскаго отдѣленія мы имѣемъ слѣдующіе предметы:

I.
1. Аналитическая геометрія.
2. Алгебра.
3. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.
4. Основанія математической теоріи вѣроятностей.
5. Аналитическая механика.
6. Прикладная механика.
7. Теорія корабля.

Всѣ эти семь предметовъ относятся или къ чистой математикѣ, или къ ея приложеніямъ, отличающимся строго

математическимъ характеромъ и слѣдовательно могутъ быть объединены въ одинъ, хотя и значительный по объему и содержанію, но однакоже вполнѣ однородный по характеру и составу курсъ чистой и прикладной математики.

II. 8. Морская артиллерія,
9. Морская тактика,
10. Атака и оборона береговъ со включеніемъ миннаго искуства

объединяются въ одну же группу наукъ военно-морскихъ и притомъ обладающихъ во многихъ своихъ отдѣлахъ характеромъ прикладной математики, вслѣдствіе чего эта группа предметовъ тѣснымъ образомъ связывается съ предыдущею. Связь эта въ особенности осуществляется посредствомъ теоріи корабля, которая, по необходимости, должна заимствовать множество данныхъ изъ наукъ военно-морскихъ.

Далѣе

III. 11. Всеобщая военно-морская исторія,
12. Исторія русскаго флота,

будучи совершенно необходимы въ военно-морскомъ отдѣленіи академіи, составляютъ, собственно говоря, одинъ предметъ—военно-морскую исторію, прямо и непосредственно связанный съ предметами предыдущей группы, ибо морская тактика, а также и ученіе объ атакѣ и оборонѣ береговъ будутъ черпать изъ морской исторіи примѣры, существенно необходимые для построенія раціональной теоріи морской войны.

IV. 13. Международное право,

прямо и тѣсно связано съ исторіею флотовъ. Конечно, съ идеальной точки зрѣнія, международное право можетъ быть и имѣетъ свою собственную философію, вытекающую изъ общихъ положеній естественнаго права, но собственно фактическая и существенная часть предмета есть исключительно плодъ исторической и политической жизни государствъ и не можетъ даже быть правильно понята независимо отъ политической исторіи.

V { 14. Военно-морская статистика,
15. Военно-морская администрація и военно-морское хозяйство

составляютъ послѣднюю группу предметовъ, хотя и не столь непосредственно и тѣсно связанную съ предыдущими, но однако же вполнѣ необходимую для дополненія высшаго военнаго образованія офицеровъ флота и слѣдовательно объединяющуюся съ прочими группами общностью практической цѣли, преслѣдуемой разсматриваемымъ планомъ въ цѣломъ его составѣ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ мы приходимъ въ сущности къ пяти только группамъ предметовъ весьма тѣсно и преемственно связаннымъ между собою, за нѣкоторымъ исключеніемъ только относительно послѣдней изъ нихъ, и притомъ отличающихся полнѣйшею однородностью предметовъ въ каждой отдѣльно взятой группѣ. Не думаю, чтобы такой планъ могъ подлежать даже и малѣйшему упреку въ многопредметности. Но такъ какъ привычка и установившіяся традиціи иногда невольно склоняютъ къ несогласію со взглядомъ, болѣе или менѣе нарушающимъ укоренившіеся порядки, то, по поводу программы собственно военно-морскаго отдѣла академіи, можетъ возникнуть еще новое возраженіе, состоящее въ томъ, что нельзя соединять въ одинъ учебный планъ математику съ науками такъ называемыми словесными и кому нибудь это покажется пожалуй недостаткомъ. Но для доказательства дѣйствительности недостатка, обусловливаемаго такимъ соединеніемъ, едвали найдутся вполнѣ опредѣленныя, ясныя и точныя положенія, за исключеніемъ одного только простаго и чисто голословнаго утвержденія, зависящаго отъ поверхностнаго, слишкомъ внѣшняго пониманія сущности взаимной связи между различными отраслями наукъ. Еслибы такое возраженіе возникло, то въ отвѣтъ на него, прежде всего ссылаемся на вышеприведенныя мысли Штейна о значеніи исторіи, статистики и административнаго права для высшаго окончательнаго реальнаго образованія. Противникамъ же широкаго математическаго образованія позволимъ себѣ напомнить слѣдующія

слова Дж. Гершеля, сказанныя имъ по поводу изученія астрономіи, но, очевидно, имѣющія общее и широкое примѣненіе: «входъ въ святилище (науки) и права посвященныхъ пріобрѣтаются: основательнымъ и достаточнымъ знаніемъ математики, этого *великаго орудія всѣхъ точныхъ изслѣдованій*, безъ котораго *невозможны* успѣхи въ высшихъ отросляхъ наукъ, и нельзя имѣть самостоятельнаго мнѣнія о предметахъ, составляющихъ ихъ содержаніе» (*). Еще съ гораздо большею полнотою и убѣдительностью та же мысль выражена философомъ, цитированнымъ нами въ главѣ IV. Признавъ математику за науку, имѣющую предметомъ опредѣленіе однѣхъ величинъ, неизвѣстныхъ, по другимъ извѣстнымъ, посредствомъ точныхъ отношеній, существующихъ между послѣдними и первыми, онъ продолжаетъ: «по этому опредѣленію сущность математическаго изслѣдованія какого нибудь явленія состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать различныя количественныя обстоятельства явленія, какъ связанныя между собою съ цѣлью вывода нѣкоторыхъ изъ этихъ обстоятельствъ изъ другихъ. Но, очевидно, что нѣтъ явленія, которое не вызывало бы соображеній подобнаго рода, откуда и вытекаетъ неопредѣленная обширность и, можно даже сказать, строгая логическая всеобщность науки математики. Этимъ вполнѣ оправдывается и самое названіе, принятое для математики. Это названіе, имѣющее въ настоящее время вполнѣ опредѣленный смыслъ, само по себѣ, означаетъ просто *науку* вообще. Строго точное для древнихъ грековъ не имѣвшихъ никакой другой дѣйствительной *науки*, оно могло сохраниться въ новѣйшія времена только для того, чтобы выразить, что математика есть *наука* по преимуществу. И въ самомъ дѣлѣ, данное выше опредѣленіе, если устранить изъ него указаніе на количественную точность данныхъ, есть не что иное, какъ опредѣленіе всякой истинной науки, какова бы она ни была, потому что каждая наука не имѣетъ ли необходимою своею цѣлью опредѣленіе однихъ явленій изъ другихъ, посредствомъ отношеній, существующихъ между

(*) Дж. Гершель. Очерки астрономіи въ перев. Драшусова. Т. 1, стр. 5.

ними? Всякая *наука* состоитъ въ логической систематизаціи фактовъ; факты, совершенно изолированные, не образуютъ науки. Можно даже сказать вообще, что существенная цѣль науки состоитъ въ освобожденіи насъ, на сколько это допускается различными явленіями, отъ прямаго наблюденія, при помощи вывода изъ наименьшаго, по возможности, числа непосредственныхъ данныхъ наибольшаго, по возможности, числа результатовъ. Не въ этомъ ли въ самомъ дѣлѣ заключается дѣйствительное употребленіе, какъ въ умозрѣніи, такъ и въ практикѣ, открываемыхъ нами законовъ природы? Математикѣ только дальше другихъ наукъ удается простирать тотъ же самый способъ изслѣдованія надъ предметами, подлежащими ея вѣдѣнію, которымъ пользуются и всѣ другія науки въ ихъ частныхъ сферахъ. Поэтому только посредствомъ математики, и только имъ, можно составить себѣ вѣрное и глубокое понятіе о томъ, что такое *наука*. Только въ математикѣ единственно должно искать точнаго познанія общаго метода, постоянно употребляемаго умомъ человѣческимъ при всѣхъ его положительныхъ изслѣдованіяхъ, потому что ни въ какой другой наукѣ вопросы не рѣшаются съ такою полнотою и выводы не простираются столь далеко съ непоколебимою строгостью. Въ математикѣ, наконецъ, умъ нашъ далъ величайшія доказательства своей силы, потому что идеи, составляющія содержаніе ея, владѣютъ наивысочайшею, возможною для положительныхъ идей степенью отвлеченія. *Поэтому всякое научное образованіе, не начинающееся съ изученія математики, необходимо погрѣшаетъ въ самомъ основаніи своемъ*». Независимо отъ этихъ общихъ соображеній, объясняющихъ важность и значеніе солиднаго курса математики для всякаго высшаго научнаго образованія, спрашивается: можно ли, какъ это думаютъ нѣкоторые, исключить этотъ предметъ изъ программы военно-морскаго отдѣленія Николаевской Морской академіи, имѣя въ виду, что теорія корабля есть одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ этого отдѣленія, и изученіе и разработка ея не мыслимы безъ широкаго математическаго образованія. Послѣ всего сказаннаго, считаемъ совершенно излишнимъ останавливаться на

повѣркѣ программъ другихъ отдѣленій кораблестроительнаго и гидрографическаго,—повѣркѣ, которую мы считали необходимою въ отношеніи отдѣленія военно-морскаго, которое вновь проектируется и слѣдовательно болѣе другихъ факультетовъ нуждается въ строгомъ и тщательномъ обсужденіи всѣхъ потребностей его организаціи. Кораблестроительное и гидрографическое отдѣленія уже существовали и существуютъ при академіи и предлагаемыя программы ихъ представляютъ столь естественное и оправдываемое обстоятельствами расширеніе и развитіе существующаго уже курса, что не нуждаются, если не ошибаюсь, ни въ какихъ дальнѣйшихъ оправданіяхъ и разъясненіяхъ.

Въ четвертыхъ, можетъ быть сдѣлано намъ еще замѣчаніе, касающееся одной изъ частностей нашихъ программъ: именно могутъ спросить: почему мы не вводимъ курсовъ физики и химіи въ программу военно-морскаго отдѣленія. Мы сдѣлали это именно для того, чтобы избѣжать упрека въ многопредметности. Намъ кажется, что для слушателей военно-морскаго отдѣленія едвали потребуется, сопровождаемое обязательнымъ экзаменомъ, повтореніе и углубленіе курса физики въ полномъ ея объемѣ, при условіи, разумѣется, что этотъ предметъ основательно пройденъ въ Морскомъ училищѣ. Мы думаемъ, что въ высшемъ учебномъ заведеніи, подобномъ Морской академіи, вполнѣ возможно и даже слѣдуетъ предоставить занятія нѣкоторыми предметами доброй волѣ самихъ слушателей, которые, избравъ для себя, совершенно сознательно и серіозно ту или другую спеціальность, безъ сомнѣнія охотно воспользуются возможностью дополнить свои знанія, по предметамъ находящимся въ связи съ избранною ими спеціальностью. Вотъ почему слушатель военно-морскаго отдѣленія, въ видахъ правильнаго и безпрепятственнаго прохожденія напримѣръ курса миннаго искуства и т. п. конечно самъ заблаговременно озаботится расширеніемъ, уточненіемъ и углубленіемъ своихъ познаній по части электродинамики, и т. п. на лекціяхъ физики, которая составляетъ обязательную часть программы кораблестроительнаго отдѣленія и читается въ академіи. Необходимо только распре-

дѣлить академическія лекціи такъ, чтобы всѣ слушатели могли свободно пользоваться тѣми изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ. Сказанное о физикѣ мы распространяемъ и на химію и охотно идемъ даже еще далѣе въ развитіи затронутаго здѣсь общаго вопроса. Современемъ, когда Николаевская Морская академія вполнѣ и прочно организуется, кромѣ нормальныхъ, постоянныхъ и обязательныхъ курсовъ, могутъ быть время отъ времени открываемы спеціальныя чтенія по тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ вопросамъ, относящимся къ различнымъ отраслямъ морскаго дѣла. Подобные курсы, какъ извѣстно, практикуются не только въ заграничныхъ, но и въ нашихъ университетахъ, и представляются весьма естественнымъ и притомъ очень полезнымъ результатомъ развитія ученой дѣятельности высшихъ образовательныхъ институтовъ. Слѣдуетъ очень желать, чтобы такой порядокъ установился современемъ и въ Морской академіи: онъ послужитъ несомнѣннымъ признакомъ какъ прочности и солидности самой Морской академіи, такъ и возникновенія въ сословіи морскихъ офицеровъ благотворной потребности въ научной разработкѣ частныхъ вопросовъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ морскаго дѣла и предметамъ съ нимъ соприкосновеннымъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, собственно противъ военно-морскаго отдѣленія существуетъ еще одно возраженіе, требующее самаго внимательнаго обсужденія. Нерѣдко приходится слышать выраженіе опасенія, что военно-морской факультетъ академіи не можетъ осуществиться за неимѣніемъ лицъ, могущихъ принять на себя чтеніе курсовъ по вновь создаваемымъ каѳедрамъ. Эти опасенія, конечно, заслуживаютъ самаго внимательнаго и осторожнаго къ нимъ отношенія, потому что вопросъ о выборѣ исполнителей плана есть, безспорно, вопросъ капитальной важности. Вполнѣ сознавая чрезвычайную практическую важность этого вопроса, мы, однакоже, отнюдь не принадлежимъ къ сторонникамъ того крайняго мнѣнія, что затрудненія до такой степени непреодолимы, что дѣлаютъ невозможнымъ самое осуществленіе столь сочувственной большинству просвѣщенныхъ морскихъ

офицеровъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, мысли о военно-морскомъ отдѣленіи въ академіи. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію частностей этого важнаго вопроса, не можемъ не обратить наше вниманіе на ту несомнѣнную истину, что никакое новое учрежденіе никогда еще не являлось, не является и не можетъ явиться на свѣтъ Божій вполнѣ совершеннымъ и законченнымъ. При возникновеніи всякаго новаго дѣла всегда и неизбѣжно появляется цѣлая масса практическихъ трудностей, которыя, однакоже, такъ или иначе преодолѣваются, если дѣло обѣщаетъ хорошіе плоды въ будущемъ и дѣйствительно заслуживаетъ практическаго осуществленія. Вѣдь еслибы идеалъ человѣческой мудрости и предусмотрительности состоялъ единственно только въ робкомъ и пассивномъ отступленіи передъ неизбѣжно возникающими трудностями всякаго новаго полезнаго предпріятія, то мы должны были бы отказаться отъ всякой надежды на дальнѣйшій прогрессъ нашей жизни и превратиться, можетъ быть, и въ счастливыхъ по-своему, но сонныхъ, апатично живущихъ изо дня въ день обитателей востока, или Поднебесной Имперіи, т. е. должны были бы примириться съ положеніемъ ни мало не достойнымъ націи, сколько нибудь заслуживающей уваженія. Безспорно, что военно-морское отдѣленіе создается для развитія въ средѣ морскихъ офицеровъ нѣкоторыхъ, хотя и крайне необходимыхъ, но, къ сожалѣнію, еще не достаточно распространенныхъ въ ней знаній и именно поэтому то въ настоящее время и рѣдки люди, обладающіе ими. Но вѣдь если примириться съ существующимъ положеніемъ, то искомыхъ людей и никогда не будетъ, ибо нѣтъ никакой основательной причины думать, что они явятся сами собою, безъ существованія учрежденій, способствующихъ появленію ихъ и при отсутствіи запроса на такихъ людей! Вникнемъ глубже въ самую сущность вопроса. Спеціальные предметы военно--морскаго отдѣла, каковы: морская тактика, военно-морская исторія, военно-морская статистика и т. п. дѣйствительно нигдѣ до сихъ поръ систематически у насъ не излагались. Но допустимъ даже, согласившись на минуту съ нашими противниками,

самое невыгодное для насъ и притомъ самое крайнее изъ всевозможныхъ послѣдствій указаннаго сейчасъ обстоятельства, именно: пусть во всемъ русскомъ флотѣ. и даже во всей Россіи, нѣтъ въ настоящую минуту ни одного человѣка, на котораго можно было бы сейчасъ же указать, какъ на лицо, достойное занять ту или другую изъ каѳедръ Морской академіи и нѣтъ потому именно, что предметы относящіеся къ этимъ каѳедрамъ до сихъ поръ въ академіи не разработывались. Слѣдовательно появленіе такихъ лицъ ставится въ зависимость отъ несуществованія военно-морскаго отдѣленія въ академіи, а самое это отдѣленіе, въ свою очередь, не открывается потому, что нѣтъ такихъ лицъ. Но вѣдь если такъ, то желаемый институтъ во вѣки вѣковъ не можетъ быть открытъ, онъ не учредится *никогда!* Такимъ образомъ мы приходимъ къ крайне странному, совершенно безполезному и можно даже сказать вполнѣ нелѣпому заключенію, могущему развѣ только служить выдающимся примѣромъ крайняго злоупотребленія способомъ такъ называемой круговой аргументаціи. Люди, такъ разсуждающіе, очевидно, находятся скорѣе въ комическомъ, нежели дѣйствительно безвыходномъ положеніи человѣка, не рѣшающагося войти въ воду, потому что онъ не успѣлъ еще научиться плавать, а не успѣлъ онъ научиться плавать, потому что еще ни разу не входилъ въ воду. Пока вопросъ будетъ вращаться въ такомъ ложномъ и замкнутомъ кругѣ онъ, очевидно, не можетъ быть рѣшенъ и не заслуживаетъ даже и обсужденія, такъ какъ весьма рельефно напоминаетъ мудреный вопросъ о томъ, что раньше произошло на свѣтъ: курица, или куриныя яица? Корень ошибки кроется, очевидно, именно въ допущенномъ выше крайнемъ предположеніи. Если же глубже вникнуть въ дѣло, то вопервыхъ окажется, что и въ настоящее время непремѣнно найдутся люди, могущіе принять на себя достаточно удовлетворительное веденіе курса, который, современемъ, будетъ въ ихъ рукахъ все болѣе, и болѣе совершенствоваться, пока, наконецъ, не установится вполнѣ прочно. Нужно только воспользоваться какъ можно болѣе цѣлесообразными средствами для розысканія такихъ людей

и привлеченія ихъ къ дѣлу. Вовторыхъ окажется, что нѣкоторыя изъ выставляемыхъ затрудненій суть мнимыя, зависящія вовсе не отъ той причины, на которую указываютъ, а совершенно отъ другой, упущенной изъ виду и что затѣмъ каѳедръ, дѣйствительно могущихъ возбудить разсматриваемыя теперь затрудненія, слишкомъ не много сравнительно съ общимъ ихъ числомъ, такъ что еслибы какая нибудь изъ нихъ, допустимъ даже и такой очень крайній случай, и осталась временно не занятою, то съ этимъ можно было бы примириться до времени. Примиряются же не только наши, но иногда даже и заграничные университеты, съ временною вакантностью той или другой каѳедры и не возбуждается же изъ-за этого вопросъ о закрытіи цѣлаго факультета только потому, что въ немъ есть вакантная каѳедра. Напротивъ, тогда факультетъ тотчасъ же озабочивается замѣщеніемъ каѳедры и, обыкновенно, это ему и удается. Наконецъ въ третьихъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, еслибы пока и дѣйствительно не нашлось по тому или другому предмету профессора, могущаго сразу дать систематическій, законченный и вполнѣ нормальный курсъ, можно на время удовлетвориться нѣкоторымъ переходнымъ къ нормальному курсомъ, болѣе и болѣе приближающимся къ окончательной цѣли, которая, наконецъ, и будетъ же непремѣнно достигнута. Даже и такое неполное на первыхъ порахъ рѣшеніе вопроса, всетаки, безконечно полезнѣе очень легкаго, но за то и очень грубаго пріема, состоящаго въ простомъ устраненіи самаго вопроса, въ сведеніи всего дѣла къ нулю. Что касается перваго изъ выставленныхъ сейчасъ предположеній, т. е. что вовсе не найдется лекторовъ для военно-морскаго отдѣленія, то было бы очень опрометчиво, безъ всякой провѣрки путемъ правильнаго опыта, предрѣшать, на основаніи одного только крайняго недовѣрія къ силамъ нашей интелигенціи, что нѣтъ никого, кто могъ бы съ достоинствомъ занять ту или другую каѳедру въ Морской академіи. Конечно, сами собою искомые люди может быть и не явятся, нужно потрудиться ихъ поискать, нужно назначить для этой цѣли правильный конкурсъ, нужно

обставить будущее положеніе этихъ людей такъ, чтобы они безъ жертвъ могли отдаться трудному и новому у насъ дѣлу. Мы утверждаемъ, что пока не будутъ испытаны, и притомъ съ полною энергіею и искренностью, всѣ эти средства, пока самый добросовѣстный опытъ не приведетъ къ неотразимому основанному на строгомъ фактическомъ изслѣдованіи, убѣжденію, *что дѣйствительно нѣтъ и не можетъ явиться и въ ближайшемъ будущемъ* людей, удовлетворяющихъ разсматриваемому требованію, противники своевременности открытія нынѣ же военно-морскаго отдѣленія академіи, опирающіеся въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ вопросу на недостатокъ лекторовъ, не имѣютъ въ пользу такого мнѣнія даже и тѣни какого бы то ни было, оправдываемаго здравою логикою, достаточнаго основанія.

Переходя къ другимъ соображеніямъ переберемъ въ самомъ дѣлѣ поочередно всѣ предметы проектируемаго военно-морскаго отдѣленія т. е. посмотримъ которые изъ нихъ могутъ возбуждать сколько нибудь основательное безпокойство за будущую судьбу ихъ въ академіи. Что касается предметовъ математическихъ и прикладной механики, то за нихъ нѣтъ никакого основанія опасаться: они читались и прежде въ академіи. Далѣе идетъ чрезвычайно важный для военно-морскаго отдѣленія предметъ—теорія корабля. Не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что этотъ предметъ представляетъ большія трудности при изложеніи его въ академіи. Однакоже прежде всего замѣтимъ, что теорія кораблестроенія и кораблеправленія уже издавна и фактически введена въ курсъ Морской академіи и слѣдовательно, уже по этому одному, не можетъ служить препятствіемъ къ открытію военно-морскаго отдѣленія, что допущено нами какъ предположеніе, подлежащее обсужденію, только для предметовъ новыхъ. По поводу же теоріи корабля въ настоящее время рѣчь можетъ итти только объ усовершенствованіи и дополненіи существующаго уже курса. Мы лично не знакомы съ подробностями теперешняго преподаванія этого важнаго предмета въ академіи, но, на сколько можно судить по напечатанной програм-

мѣ (*), неполнота настоящаго курса, обусловливаемая отчасти можетъ быть, и недостаткомъ ассигнуемаго на него учебнаго времени, происходитъ главнымъ образомъ, если не ошибаюсь, отъ того, что лекторъ самою программою вынужденъ придерживаться почти исключительно догматическаго способа изложенія. Выше мы старались выяснить всю важность и пользу историческаго метода изложенія даже для ознакомленія съ предметами уже успѣвшими организоваться въ болѣе или менѣе стройную науку и слѣдовательно вполнѣ допускающими догматическій способъ изложенія. Въ предметахъ же, возникшихъ недавно, еще не успѣвшихъ сформироваться въ строгую науку и тѣсно сливающихся съ соотвѣтствующимъ искуствомъ, историческій способъ изложенія дѣлается даже совершенно неизбѣжнымъ и единственно цѣлесообразнымъ если мы желаемъ довести начинающаго до полнаго и отчетливаго знакомства съ современнымъ состояніемъ науки и открыть ему ясно сознаваемый и единственно направляющій къ дальнѣйшимъ трудамъ, полезнымъ для послѣдующихъ успѣховъ науки. Теорія корабля по преимуществу принадлежитъ именно къ предметамъ этого рода и въ ней, при современномъ ея состояніи, рѣшительно невозможенъ никакой иной способъ изложенія, кромѣ историческаго. Отъ профессора теоріи кораблестроенія и кораблеправленія невозможно даже и требовать, чтобы онъ единичными своими усиліями создалъ вполнѣ законченную и строгую науку, въ родѣ математики или механики, когда теорія корабля возникла только въ серединѣ прошлаго столѣтія, привлекла къ себѣ, на нѣсколько десятилѣтій усилія хотя и первоклассныхъ, но не многихъ математиковъ того времени, затѣмъ была на долго покинута и только около половины настоящаго столѣтія опять начала разрабатываться теоретически трудами очень небольшаго числа лицъ, теряющихся въ цѣлой массѣ другихъ чисто практическихъ дѣятелей, разработывавшихъ и разработывающихъ предметъ скорѣе какъ искуство, нежели какъ науку. Словомъ теорія корабля на-

---

(*) См. програмы стр. 36—39.

ходилась непрерывно и теперь находится въ состояніи развитія, а не стройной законченности и въ виду этого факта отъ профессора теоріи кораблестроенія и кораблеправленія можно требовать только одного: систематическаго и полнаго ознакомленія слушателей съ послѣдовательнымъ развитіемъ каждаго изъ существенныхъ вопросовъ теоріи корабля, начиная съ того фазиса, въ которомъ вопросы эти впервые появились въ наукѣ, до того состоянія, котораго они достигли въ настоящее время. При этомъ, само собою разумѣется, въ основу курса должно быть положено полное историко-критическое изученіе литературы предмета, во всѣхъ ея главныхъ и существенныхъ представителяхъ. Если стать на эту единственно правильную, по нашему мнѣнію, точку зрѣнія, то явится полная возможность осуществить на дѣлѣ самый солидный и плодотворный по результатамъ курсъ теоріи корабля. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ данной выше программѣ кораблестроительнаго отдѣленія теорія кораблестроенія, теорія кораблеправленія и исторія науки и искуства кораблестроенія, хотя и помѣщены въ видѣ двухъ самостоятельныхъ, отдѣльныхъ предметовъ, но, въ силу всего сказаннаго, онѣ столь тѣсно сливаются между собою, что лучше всего было бы отдать ихъ въ руки одного профессора. Мы же поставили ихъ отдѣльно другъ отъ друга только для того, чтобы самымъ присутствіемъ въ программѣ исторіи кораблестроенія, независимо отъ его теоріи, рельефнѣе указать на необходимость изученія науки въ указанномъ духѣ и рѣзче обнаружить недостаточность только одной теоріи, вполнѣ отрѣшенной отъ всякой исторической почвы. Что касается собственно корабельной архитектуры, или практики кораблестроенія въ современномъ ея состояніи, то она составляетъ вполнѣ самостоятельный, отдѣльный предметъ, о которомъ, впрочемъ, нѣтъ надобности распростаняться здѣсь, такъ какъ онъ и не входитъ въ программу собственно военно-морскаго отдѣла, исключительно разсматриваемаго нами въ настоящую минуту. Чтобы изложенныя сейчасъ соображенія о характерѣ существующаго курса теоріи корабля не показались голословными, предлагаемъ разсмотрѣть внимательно академическую про-

грамму теоріи мореходныхъ качествъ судна для гидрографическаго и кораблестроительнаго отдѣленій (*). Она заключаетъ въ себѣ весьма удовлетворительное указаніе на всѣ существенные вопросы теоріи, обыкновенно затрогиваемые въ новѣйшихъ, обычныхъ курсахъ кораблестроенія, но почти вполнѣ обходитъ исторію науки, а именно въ этой то исторіи и заключается весь интересъ предмета для слушателей академіи. Нѣкоторое исключеніе изъ сказаннаго представляетъ только статья «о сопротивленіи воды движенію тѣлъ и судовъ», которая, судя по программѣ, излагается исторически. Впрочемъ и здѣсь если не ошибаюсь, дается не полная исторія вопроса. Сказаннаго считаемъ вполнѣ достаточнымъ для доказательства полнѣйшей возможности основательнаго курса теоріи корабля на проектируемомъ военно-морскомъ отдѣленіи академіи, Переходя за тѣмъ къ дальнѣйшему пересмотру остальныхъ предметовъ того же отдѣленія со стороны ихъ удобоосуществимости, встрѣчаемся вопервыхъ съ морскою артиллеріею. Артиллерія такъ давно уже разработывается и притомъ до мельчайшихъ подробностей въ нашей Михайловской артиллерійской академіи, что рѣшительно не представляется никакихъ основательныхъ опасеній за то, чтобы не нашлось возможности изложить будущимъ слушателямъ Морской академіи главныхъ и существенныхъ основаній этой науки, въ примѣненіи къ потребностямъ флота. Слѣдующій по программѣ курсъ атаки и обороны береговъ въ существенныхъ и основныхъ своихъ частяхъ, составляетъ одну изъ отраслей фортификаціи и, конечно, найдетъ для себя, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вполнѣ компетентныхъ и просвѣщенныхъ преподавателей между нашими военными инженерами, питомцами Николаевской инженерной академіи. Можетъ быть на практикѣ придется изложеніе курса о прибрежной войнѣ и курсъ миннаго искуства отдѣлить отъ предыдущаго, чѣмъ, конечно, значительно облегчится выполненіе того и другого. Осуществимость же ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

(*) См. программы стр. 36—38.

Всеобщая морская исторія и исторія русскаго флота, по обилію существующихъ историческихъ трудовъ въ нашей и особенно въ иностранной исторической литературѣ представляетъ обширный и вполнѣ доступный матеріалъ для добросовѣстнаго профессора этихъ предметовъ, если только онъ получитъ возможность вполнѣ отдаться своему дѣлу не отвлекаясь посторонними занятіями, не рѣдко неизбѣжными при неблагопріятной внѣшней обстановкѣ. Далѣе мы встрѣчаемся съ военно-морскою статистикою, предметомъ до сихъ поръ нигдѣ не излагавшимся въ систематическомъ видѣ. Но это обстоятельство, по нашему мнѣнію, никакъ не можетъ и не должно служить препятствіемъ къ немедленному же введенію курса статистики въ кругъ предметовъ Морской академіи. Напротивъ, оно то именно и должно побуждать къ скорѣйшему открытію разсматриваемой каѳедры. Дѣйствительно, курсъ военно-морской статистики, даже если мы его предположимъ вполнѣ установившимся и нормальнымъ, никогда не можетъ быть вполнѣ отрѣшенъ отъ общихъ основаній статистики вообще, какъ науки, ибо часть науки никогда не можетъ быть раціонально излагаема безъ связи съ своимъ цѣлымъ. Поэтому если слушатели академіи, на первыхъ порахъ, будутъ знакомиться даже хотя бы только съ общими основами науки, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ университета или академій, или вообще какого бы то ни было другаго компетентнаго въ дѣлѣ лица, которое можетъ быть безъ затрудненія найдено въ средѣ нашего ученаго сословія, то и это будетъ уже чрезвычайно важно. Такимъ образомъ академисты ознакомятся съ пріемами научныхъ изслѣдованій и ихъ результатами въ области статистики и впослѣдствіи, примѣнивъ пріобрѣтенныя ими знанія къ спеціально морскимъ цѣлямъ, несомнѣнно подготовятъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ всѣ условія для окончательной и вполнѣ раціональной постановки разсматриваемаго предмета и въ морской академіи и въ сферѣ практической морской дѣятельности. Наконецъ, по всей вѣроятности, не придется даже и сколько нибудь долго ждать такой постановки курса статистики въ академіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши

ученые специалисты статистики не затруднятся сразу же примѣнить, болѣе или менѣе достаточно, курсъ къ специальнымъ цѣлямъ академіи; а черезъ это получится возможность съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе специализировать преподаваніе. Международное право, безъ сомнѣнія, не затруднитъ академіи, которая всегда найдетъ между нашими учеными юристами людей вполнѣ достойныхъ занять эту каѳедру. Установка курса военно-морской администраціи и военно-морскаго хозяйства если и представляетъ затрудненія, то для побѣжденія ихъ можно прибѣгнуть къ средствамъ, аналогичнымъ съ тѣми, какія сейчасъ были указаны по поводу курса военно морской статистики. Не слѣдуетъ еще упускать изъ виду, что въ Николаевской академіи генеральнаго штаба читается курсъ военной администраціи и военнаго хозяйства и слѣдовательно, при обсужденіи вопроса о постановкѣ подобнаго же курса въ военно-морскомъ отдѣленіи, можно и должно воспользоваться содѣйствіемъ академіи генеральнаго штаба, еслибы на первыхъ порахъ не нашлось лица, готоваго дать вполнѣ разработанный и законченный курсъ разсматриваемаго предмета. Наконецъ остается еще одинъ предметъ — морская тактика, который, по всей вѣроятности, вызоветъ наибольшую массу трудностей. Но эти трудности зависятъ не столько отъ недостатка лицъ, могущихъ нынѣ же изложить вполнѣ систематически этотъ курсъ, сколько отъ самой сущности разсматриваемаго предмета. Тактика прежняго флота, далеко не утратившая впрочемъ своего значенія, крайне осложнилась происшедшею радикальною перемѣною въ способахъ кораблестроенія, передвиженія и вооруженія судовъ артиллеріею, а съ другой стороны, по отсутствію въ послѣднее время значительныхъ морскихъ войнъ при участіи броненосцевъ, не обогатилась еще достаточными опытными данными для того, чтобы можно было притти къ какимъ либо твердымъ и окончательнымъ тактическимъ выводомъ. Въ виду этого, по необходимости, остается удовлетвориться критико-историческимъ разсмотрѣніемъ какъ прошлыхъ войнъ, такъ и тѣхъ тактическихъ системъ, которыя были предложены въ послѣднія два десятилѣтія.

Нѣтъ никакого серіознаго основанія думать, чтобы между морскими офицерами не нашлось лицъ, способныхъ разработать курсъ тактики въ указанномъ сейчасъ направленіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы, съ своей стороны, приходимъ къ заключенію, что не существуетъ никакихъ основательныхъ и непреодолимыхъ препятствій къ открытію военно-морскаго отдѣленія въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Всякая отсрочка этого важнаго и настоятельнаго дѣла, безъ осуществленія котораго Николаевская морская академія будетъ учрежденіемъ неполнымъ, далеко не соотвѣтствующимъ цѣлямъ высшаго морскаго образованія въ государствѣ, какою-то, если можно такъ выразиться, полумѣрою; всякая отсрочка не только не устранитъ представляющихся теперь трудностей, а, напротивъ, будетъ все болѣе и болѣе способствовать ихъ накопленію, такъ какъ и теорія и практика морскаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ непрерывно совершенствуются. Откладывая наступленіе эпохи научной и систематической разработки морскаго дѣла въ отечествѣ нашемъ, мы, очевидно, рискуемъ совершенно запутаться въ лабиринтѣ ежеминутно возникающихъ новыхъ подробностей и частностей, что неизбѣжно, рано или поздно, отзовется наконецъ самымъ грустнымъ образомъ на нашемъ флотѣ и на его будущихъ успѣхахъ. Если въ послѣдніе годы въ Англіи, странѣ обладающей громаднымъ запасомъ и матеріальныхъ средствъ и промышленныхъ силъ, пользующейся широкою возможностью производить самыя грандіозные опыты, пришли уже, не смотря на традиціонную приверженность англичанъ къ эмпиризму, къ заключенію, что нельзя ограничиваться только практическимъ отношеніемъ къ военно-морскому дѣлу, а необходимо озаботиться распространеніемъ въ сословіи морскихъ офицеровъ какъ можно болѣе широкаго и глубокаго научно-теоретическаго образованія, то какъ же намъ, при нашихъ, сравнительно, очень неблагопріятныхъ для морскаго дѣла условіяхъ, не признать, наконецъ, что единственная наша сила и единственное спасеніе есть наука, наука и наука! Безспорно, что, на первыхъ порахъ, изложеніе нѣкоторыхъ предметовъ на проекти-

руемомъ военно-морскомъ факультетѣ академіи (но мы сейчасъ видѣли, что такихъ предметовъ будетъ самое незначительное меньшинство) будетъ страдать нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными недостатками; но подобные недостатки неизбѣжны во всякомъ новомъ дѣлѣ; они устранятся современемъ; да, наконецъ, истинный смыслъ и значеніе этихъ неизбѣжныхъ недостатковъ, а слѣдовательно и средства для ихъ исправленія, не иначе могутъ и раскрыться, какъ только путемъ опыта. Зачѣмъ же медлить, когда это оказывается и совершенно безполезнымъ, такъ какъ одно простое, пассивное ожиданіе ни мало не увеличитъ существующихъ средствъ для открытія учрежденія, отвѣчающаго самымъ настоятельнымъ и важнымъ потребностямъ морскаго дѣла въ Россіи, и не подготовитъ никакихъ новыхъ способовъ, помимо уже существующихъ. Учрежденія, подобныя тому, на осуществленіи котораго здѣсь настаивается, какъ и все на свѣтѣ, могутъ начать свой дѣйствительный ростъ и получить правильное и органическое развитіе, не раньше происхожденія своего на свѣтъ. Наконецъ, чтобы мы ни дѣлали, какими бы планами ни задавались, сколько бы ни выжидали, какими бы сомнѣніями и вопросами ни обременяли себя, въ концѣ концовъ и, притомъ всегда, мы, окончательно, сдѣлаемъ только то, что можемъ сдѣлать. Штейнъ весьма справедливо говоритъ, что «профессіональное образованіе опредѣляется общественнымъ развитіемъ страны». Отъ этого неизбѣжнаго закона исторіи мы никогда и никакъ не увернемся. Будемъ же дѣлать какъ можно лучше все то полезное, что мы только можемъ сдѣлать при данныхъ условіяхъ.

Мы старались предусмотрѣть всѣ возраженія и вопросы, могущіе возникнуть по поводу предлагаемаго плана. Въ настоящее время намъ не представляется никакого еще новаго и сколько нибудь существеннаго возраженія, которое могло бы быть основательно направлено противъ высказанныхъ выше предложеній, а потому позволяемъ себѣ считать эту сторону дѣла пока исчерпанною и обращаемся къ окончательному резюмированію нашего положительнаго отвѣта на слѣдующіе вопросы: 1) *изъ какихъ спеціальныхъ отдѣленій*

должна состоять Николаевская морская академія, и 2) *какіе предметы слѣдуетъ читать на каждомъ изъ этихъ отдѣленій.*

IX.

Учебный планъ Николаевской морской академіи.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ, окончательно, слѣдующій планъ учебной организаціи Николаевской морской академіи.

A) Академія составляется изъ трехъ отдѣленій, или факультетовъ: военно-морскаго, кораблестроительнаго и гидрографическаго.

B) Курсъ наукъ въ каждомъ факультетѣ продолжается три года.

C) Предметы преподаванія, подраздѣляясь на общіе и спеціальные, распредѣляются по факультетамъ согласно нижеслѣдующему плану.

ПРЕДМЕТЫ ОБЩІЕ.
1. Аналитическая геометрія.
2. Высшая алгебра.
3. Дифференціальное и интегральное исчисленія.
4. Аналитическая механика.
5. Основанія математической теоріи вѣроятностей (1).
6. Статистика.
7. Физика (2).
8. Иностранные языки (французскій, нѣмецкій, англійскій (3).

Предметы спеціальныхъ отдѣленій:		
Военно-морскаго.	Кораблестроительнаго.	Гидрографическаго.
	1. Высшая геометрія.	1. Ученіе о магнетизмѣ и математическая теорія девіаціи компасовъ.
	2. Начертательная геометрія.	
1. Прикладная механика (4).	3. Прикладная механика (4).	2. Ученіе о свѣтѣ съ его приложеніями (*).
	4. Курсъ построенія деталей машинъ.	3 Теоретическая и физическая астрономія.
2. Теорія корабля (5).	5. Теорія корабля (5).	4. Практическая астрономія.
3. Исторія кораблестроенія (6).	6. Исторія кораблестроенія (6).	
4. Морская артиллерія.	7. Основанія морской артиллеріи и тактики.	5. Геодезія.
		6. Физическая географія.
5. Морская тактика		7. Землевѣдѣніе.
6. Атака и оборона береговъ и морское минное искусство.		8. Исторія гидрографіи.
	8. Общія основанія строительнаго искуства и корабельная архитектура.	9. Этнографія.
7. Военно-морская администрація и хозяйство (7).	9. Военно-морская администрація и хозяйство (7).	
8. Всеобщая военно-морская исторія.	10. Химія.	(*) Въ особенности къ системамъ маячнаго освѣщенія. На этотъ важный вопросъ до сихъ поръ обращалось весьма незначительное, даже ничтожное вниманіе.
9. Исторія русскаго флота.	11. Технологія.	
10. Международное право.		

Примѣчанія: (1). Основанія математической теоріи вѣроятностей могутъ быть необязательны для слушателей кораблестроительнаго отдѣленія.

(2). Курсъ физики, въ полномъ его составѣ, не обязателенъ для всѣхъ слушателей; такъ для слушателей военно-морскаго отдѣленія наибольшую важность представляютъ

электро-статика и электро-динамика и ученіе о теплородѣ; для кораблестроителей ученіе о теплородѣ, гидростатика и гидродинамика; для гидрографовъ ученіе о свѣтѣ и магнетизмѣ и т. п. Распредѣленіе курса физики на отдѣлы, обязательные и необязательные для различныхъ категорій слушателей, относится къ подробностямъ учебнаго плана и должно быть предоставлено на рѣшеніе конференціи Морской академіи.

(3). Нѣтъ никакой надобности распространяться о чрезвычайной важности иностранныхъ языковъ, какъ для теоретическихъ занятій академистовъ, такъ и для будущей ученой и практической ихъ дѣятельности. Это соображеніе и заставляетъ внести иностранные языки въ програму академіи. Что касается самыхъ занятій иностранными языками, то слушателямъ должно быть предоставлено право и дана возможность изучать каждый изъ трехъ показанныхъ въ таблицѣ языковъ, но для облегченія труда академистовъ можно и не обязывать ихъ держать экзаменъ по всѣмъ тремъ языкамъ. Но изученіе одного изъ иностранныхъ языковъ, по выбору самихъ слушателей, и сдача изъ него выпускнаго экзамена должны быть безусловно обязательны для каждаго академиста.

(4). Курсъ прикладной механики есть общій для слушателей военно-морскаго и кораблестроительнаго отдѣленій, но отъ конференціи академіи будетъ зависѣть освобожденіе слушателей военно-морскаго отдѣленія отъ занятій такими спеціальными отдѣлами этого предмета, которые, не представляя особой важности для флотскаго офицера, составляютъ исключительную спеціальность инженера.

(5), (6) и (7). По поводу предметовъ, отмѣченныхъ этими цифрами, слѣдуетъ имѣть въ виду соображеніе, аналогичное съ изложеннымъ въ примѣчаніи (4). Опредѣленіе всѣхъ подробностей, относящихся къ обязательнымъ и необязательнымъ для тѣхъ и другихъ слушателей, отдѣламъ программы, должно быть предоставлено конференціи Морской академіи.

D) Слушатели избираютъ окончательно тотъ или другой изъ факультетовъ Морской академіи въ концѣ перваго года пребыванія ихъ въ академіи. Первый академическій годъ долженъ быть занятъ изученіемъ исключительно предметовъ общихъ.

Изъ приведенной сейчасъ таблицы видно, что всѣ три отдѣленія Николаевской морской академіи связываются между собою общимъ курсомъ математики, физики и статистики. Кромѣ того, военно-морское и кораблестроительное отдѣленія, независимо отъ указанной сейчасъ связи какъ между собою, такъ и съ отдѣленіемъ гидрографическимъ, въ частности связываются еще собственно между собою общностью курсовъ: прикладной механики, теоріи корабля, исторіи кораблестроенія и военной администраціи и хозяйства. При обсужденіи подробностей программъ каждаго предмета можетъ быть окажется полезнымъ нѣкоторыя части общихъ курсовъ сдѣлать не обязательными для разныхъ слушателей. Но подробное разсмотрѣніе всѣхъ соображеній, сюда относящихся, не входитъ въ задачу нашей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ спеціальнаго и очень пространнаго и обстоятельнаго обсужденія, къ которому, безъ сомнѣнія, и придется перейти, когда состоится соглашеніе относительно главныхъ и общихъ основаній организаціи Морской академіи.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что каждая изъ существующихъ во флотѣ спеціальностей — собственно флотская, штурманская, кораблестроительная и механическая, находятъ въ академіи, устроенной по предлагаемому плану, вполнѣ отвѣчающія имъ спеціальныя же отдѣленія: военно-морское—для флотскихъ офицеровъ, гидрографическое—для штурманскихъ и наконецъ кораблестроительное — для корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ. Выше было уже достаточно разъяснено почему корабельные инженеры и инженеръ-механики сливаются въ академіи въ одномъ отдѣленіи. Считая такое устройство достаточно оправданнымъ, остановимся здѣсь на минуту на вопросѣ: какъ приличнѣе всего было бы назвать это отдѣленіе, хотя, разумѣется, вопросъ о названіи самъ по себѣ довольно второстепенный. Но названіе характеризуетъ вещь и, часто, неудачная терминологія ведетъ къ смѣшенію понятій, что иногда можетъ весьма вредно отразиться и на дѣлѣ, почему и полезно озаботиться пріисканіемъ названія, какъ можно болѣе соотвѣтствующаго назы-

ваемому предмету. Съ своей стороны думаемъ, что можно удержать или то названіе, которое мы до сихъ поръ употребляли постоянно, т. е. *кораблестроительное отдѣленіе* или наименовать это отдѣленіе отдѣленіемъ *морскихъ-инженеровъ*. Оно можетъ быть названо кораблестроительнымъ отдѣленіемъ потому, что механики, получающіе въ немъ высшее научное образованіе по своей спеціальности, предназначаются не столько для управленія уже готовыми корабельными машинами, сколько въ особенности для проектированія механизмовъ строющихся судовъ, въ зависимости отъ ихъ назначенія и общаго ихъ устройства. Поэтому роль такихъ инженеровъ главнымъ образомъ относится къ созданію судовъ, къ ихъ строенію и слѣдовательно становится однородною съ ролью корабельнаго инженера. Машина есть существенная принадлежность огромнаго большинства военныхъ судовъ и слѣдовательно прилагательное кораблестроительный вполнѣ обнимаетъ и дѣятельность корабельнаго инженеръ-механика, если разсматривать ее съ указанной сейчасъ точки зрѣнія. Второе изъ двухъ предлагаемыхъ наименованій *«отдѣленіе морскихъ-инженеровъ»*—можетъ быть имѣетъ преимущество передъ первымъ по своей большей общности. Оно прямо указываетъ, что рѣчь идетъ о морскихъ инженерахъ вообще, при чемъ не встрѣчается прилагательнаго «кораблестроительный», могущаго, вслѣдствіе фактическаго существованія во флотѣ отдѣльнаго корпуса инженеровъ кораблестроителей и отдѣльнаго же корпуса инженеръ-механиковъ, возбуждать мысль о томъ, что механики исключаются изъ академіи и что кораблестроительное отдѣленіе ея предназначается только для корабельныхъ инженеровъ. Существуетъ еще предположеніе назвать соединенный кораблестроительно-механическій отдѣлъ *«Техническимъ»*. Это названіе кажется не вполнѣ удачно, такъ какъ «техникъ» и «инженеръ» не синонимы и послѣдній изъ этихъ терминовъ кажется болѣе соотвѣтствуетъ достоинству и назначенію академіи нежели первый.

X.

Разборъ различныхъ предложеній относительно будущей организаціи Николаевской Морской академіи.

Мы закончили изложеніе и объясненіе общихъ и главнѣйшихъ основаній нашего плана будущей организаціи Морской академіи. Чтобы подвергнуть его еще большей критикѣ и провѣркѣ полезно остановиться на другихъ предложеніяхъ относящихся къ тому же предмету. Тогда, изъ сравненія нашего плана съ другими, болѣе выяснятся относительныя достоинства каждаго изъ нихъ.

Существуетъ предположеніе, чтобы Морская академія «состояла изъ пяти отдѣленій; четырехъ—съ двухъ-годичнымъ курсомъ, изъ которыхъ три спеціальныя для гидрографовъ, корабельныхъ инженеръ и инженеръ-механиковъ; четвертое—морское, въ которое входило бы изученіе математики, физики, морской артиллеріи и главнымъ предметомъ было бы теоретическое и практическое знакомство съ теоріею мореходныхъ качествъ судна, и наконецъ пятое, дополнительное отдѣленіе съ одногодичнымъ курсомъ, въ которомъ проходили бы морскую тактику, военно-морскую исторію, исторію русскаго флота, военно-морскую статистику и морское международное право».

Сравнивая этотъ планъ съ предложеннымъ выше, видимъ, что вопервыхъ онъ гораздо сложнѣе; во вторыхъ онъ нарушаетъ стройность въ распредѣленіи предметовъ изученія по спеціальностямъ и, въ третьихъ, не взирая на большую свою сложность, даетъ менѣе полный и основательный курсъ по каждой спеціальности. Дѣйствительно, сложность его очевидна, такъ какъ вмѣсто трехъ отдѣленій ихъ является пять. Выше мы видѣли, что курсы механическаго и кораблестроительнаго отдѣленій неизбѣжно сливаются въ одинъ, слѣдовательно одно изъ этихъ отдѣленій безполезно. Неудовлетворительность въ распредѣленіи предметовъ обнаруживается изъ того, что на морскомъ отдѣленіи нѣтъ напримѣръ курсовъ тактики и миннаго искуства. Относительная неполнота

и неосновательность курсовъ становятся вполнѣ ясными изъ того, что на прохожденіе курсовъ каждаго изъ четырехъ отдѣленій ассигнуется всего два года. Этого совершенно недостаточно и, очевидно, придется нѣкоторые предметы вовсе исключить изъ программы, а другіе значительно сократить, отчего непремѣнно пострадаетъ достоинство преподаванія и образованіе проиграетъ въ основательности и глубинѣ.

Отношеніе пятаго дополнительнаго отдѣленія къ остальнымъ четыремъ совершенно не ясно. Судя по программѣ дополнительнаго отдѣленія, не связанной непосредственно ни съ однимъ изъ остальныхъ, что опять обнаруживаетъ отсутствіе стройности въ учебномъ планѣ, пятое отдѣленіе является совершенно особеннымъ учрежденіемъ, независимымъ отъ другихъ частей академіи. Изъ какихъ же слушателей будетъ оно формироваться? Если наименованіе *«дополнительный отдѣлъ»* понимать въ буквальномъ его смыслѣ, то нужно думать, что факультетъ этотъ разсматривается какъ дополненіе къ остальнымъ факультетамъ и что слушатели академіи будутъ поступать въ него по окончаніи своихъ спеціальныхъ курсовъ для дополненія пріобрѣтенныхъ ими спеціальныхъ познаній. Но въ какомъ же смыслѣ курсъ пятаго отдѣленія дополняетъ курсы факультетовъ: кораблестроительнаго, механическаго и въ особенности гидрографическаго? Съ этими факультетами онъ, очевидно, имѣетъ очень мало общаго. Съ другой стороны, если курсъ этихъ факультетовъ дѣйствительно нуждается въ дополненіи, то это дополненіе непремѣнно и нужно осуществить, но въ программахъ самыхъ этихъ факультетовъ. Остается совершенно неяснымъ—должны ли всѣ слушатели дополнять свои познанія или могутъ ихъ и не дополнять, ограничиваясь только двухъ-лѣтнимъ курсомъ? Въ такомъ случаѣ какую же установить разницу въ правахъ тѣхъ и другихъ слушателей по окончаніи ими курса? Далѣе возникаетъ еще вопросъ: правильна ли организація высшаго учебнаго заведенія, дающаго *окончательное* спеціальное образованіе, если организація эта вызываетъ необходимость въ дополнительныхъ курсахъ? И если дополнительный курсъ дѣйствительно необходимъ, то

почему онъ дополнительный, а не нормальный? Не находя сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы остается допустить, что пятое отдѣленіе слѣдуетъ разсматривать какъ дополнительное только для отдѣленія морскаго, а тогда почему же оно не сливается съ нимъ въ одно цѣлое, какъ часть, дополняющая остальную часть? Или можетъ быть слушателямъ морскаго отдѣленія предоставлено будетъ и не дополнять своего образованія курсомъ пятаго отдѣленія? А тогда возникаетъ весьма роковой для пятаго отдѣленія вопросъ: до какой степени можно считать удовлетворительнымъ такую организацію высшаго спеціальнаго заведенія, которая разбиваетъ нѣкоторый цѣлый и законченный кругъ знаній, необходимыхъ для извѣстной спеціальности, на двѣ отдѣльныя части, т. е. завѣдомо вноситъ отрывочность въ свои програмы и, недовольствуясь этимъ, предоставляетъ еще на произволъ слушателей пользоваться полнымъ курсомъ или только одною его частью? Въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ опредѣлятся относительное достоинство, права и преимущества слушателей недополнившихъ своихъ познаній и слушателей ихъ дополнившихъ? Если тѣ и другіе получатъ одинаковыя права по образованію, то будетъ ли это справедливо? если же разныя, то будетъ ли это удобно? И не создается ли такимъ образомъ нѣчто въ родѣ академіи въ академіи? И почему же не итти по разъ допущенному пути еще дальше—почему бы не подраздѣлить, въ свою очередь, и дополняемый курсъ еще на части, аналогичныя съ дополняющимъ, т. е. не образовать морскаго отдѣленія изъ трехъ подотдѣленій: основнаго, перваго дополнительнаго и втораго дополнительнаго и установить для оканчивающихъ курсъ въ этихъ подотдѣленіяхъ особую градацію правъ по образованію? И на эти вопросы опять мы не находимъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Сдѣлаемъ еще одну попытку: допустимъ, что пятое отдѣленіе слѣдуетъ разсматривать не какъ дополнительное къ морскому, а какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, доступъ въ которое будетъ предоставленъ всѣмъ желающимъ поступить въ него прямо изъ флота. Тогда слушатели этого отдѣленія окажутся

въ положеніи совершенно исключительномъ, сравнительно со слушателями другихъ факультетовъ. Исключительность прежде всего выразится въ условіяхъ пріема. Въ пятомъ отдѣленіи никакого математическаго курса нѣтъ, слѣдовательно не представится и никакой надобности на пріемномъ экзаменѣ подвергать кандидатовъ испытанію изъ математики. Введеніе математики въ программу пріемнаго экзамена можно было бы объяснить только желаніемъ стѣснить экзаменующихся и экзаменаторовъ. И тѣ, и другіе очень хорошо будутъ знать, что математики для слушанія академическаго курса на пятомъ отдѣленіи не нужно; отсюда естественно возникаетъ опасность превращенія экзаменаціоннаго процесса въ одну формальность. Далѣе, кто будетъ экзаменовать кандидатовъ въ пятое отдѣленіе изъ математики? Этотъ экзаменъ неудобно бы было возложить на профессоровъ пятаго отдѣленія, какъ на не спеціалистовъ. Слѣдовательно, его пришлось бы производить профессорамъ другихъ факультетовъ. Такимъ образомъ профессоры, подъ руководство которыхъ впослѣдствіи поступятъ кандидаты, лишаются весьма существенной выгоды предварительнаго знакомства съ своими будущими слушателями, а профессоры другихъ отдѣленій пріобрѣтаютъ ее, но за то совершенно безцѣльно и безъ послѣдствій для нихъ лично, такъ какъ всѣ отношенія ихъ къ экзаменующимся заканчиваются разъ навсегда, вслѣдъ за окончаніемъ пріемнаго экзамена. Такимъ образомъ если и будетъ допущенъ пріемный экзаменъ въ пятое отдѣленіе академіи, то онъ долженъ быть совершенно отличенъ отъ экзамена въ остальныхъ отдѣленіяхъ. Впослѣдствіи мы обратимся къ подробному обсужденію вопроса объ условіяхъ вступительнаго экзамена, отвѣчающаго требованіямъ предложеннаго нами плана. Теперь же, разбирая обстоятельства, возникающія изъ предположенія о существованіи при академіи пятаго отдѣленія, мы, по необходимости, должны пока имѣть въ виду только § 5 «Положенія объ академическомъ курсѣ морскихъ наукъ». По смыслу этого параграфа на вступительномъ экзаменѣ производится испытаніе только изъ математическихъ предметовъ. Почему, съ учрежденіемъ пятаго отдѣленія, придется

установить еще другой, особенный экзаменъ. Изъ какихъ же предметовъ составится программа его? Если при выборѣ ихъ остановиться на наиболѣе подходящихъ къ курсу пятаго отдѣленія, то придется взять исторію и географію. Но въ такомъ случаѣ экзаменующіеся въ пятое отдѣленіе будутъ поставлены въ самое исключительное положеніе, сравнительно съ другими слушателями. Экзаменъ будетъ для нихъ несравненно легче. Конечно, можно было бы до нѣкоторой степени уравновѣсить трудности экзамена и сдѣлать его болѣе цѣлесообразнымъ, еслибы обязать экзаменующихся представлять для испытанія какую нибудь болѣе или менѣе самостоятельную письменную историческую работу. Но это едва ли привело бы къ ожидаемымъ результатамъ, потому что большинство воспитанниковъ Морскаго училища, послѣ учрежденія приготовительныхъ классовъ, не пріобрѣтаетъ достаточнаго общаго развитія для удовлетворительнаго выполненія подобныхъ работъ. Курсъ Морскаго училища почти исключительно математическій. Если въ приготовительныхъ классахъ и проходятся такъ называемые словесные предметы, то, и по относительному количеству употребляемаго на нихъ учебнаго времени, и по духу, неизбѣжно господствующему во всякомъ спеціальномъ учебномъ заведеніи, подобномъ Морскому училищу, предметы эти въ глазахъ воспитанниковъ, да и большинства наставниковъ, играютъ вполнѣ второстепенную роль. Такимъ образомъ едвали возможно расчитывать на серіозную подготовку будущихъ слушателей пятаго отдѣленія изъ предметовъ наиболѣе подходящихъ къ курсу этого отдѣленія. При такихъ условіяхъ весь трудъ лица, намѣревающагося поступить на пятое отдѣленіе, по всей вѣроятности, ограничится знакомствомъ съ какимъ нибудь учебникомъ по тому или другому предмету, знакомствомъ поверхностнымъ и чисто внѣшнимъ. А это едвали представитъ сколько нибудь достаточную гарантію доброкачественности состава будущихъ слушателей пятаго отдѣленія. Здѣсь намъ замѣтятъ, пожалуй, что и другія отдѣленія академіи будутъ формироваться изъ воспитанниковъ Морскаго же училища и однакоже по поводу этихъ отдѣленій мы не выражали сомнѣній, подоб-

ныхъ сейчасъ высказаннымъ? На это отвѣчаемъ, что хотя на другія отдѣленія и будутъ поступать молодые люди изъ того же Морскаго училища, но они будутъ далеко не такіе, какъ тѣ, которые заявятъ желаніе поступить на пятое отдѣленіе. Имъ придется сдать очень серіозный экзаменъ изъ математики и слѣдовательно это будутъ, въ большинствѣ, лучшіе и наиболѣе способные изъ воспитанниковъ Морскаго училища, а худшіе и слабые непремѣнно изберутъ пятое отдѣленіе, на которое они будутъ привлекаться еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что курсъ тамъ вдвое короче по продолжительности и вообще несравненно легче и доступнѣе курса другихъ отдѣленій. Это обстоятельство кажется намъ крайне важнымъ и заранѣе обрекающимъ пятое отдѣленіе академіи на весьма жалкую роль въ дѣлѣ высшаго морскаго образованія. Между тѣмъ если пятое отдѣленіе будетъ существовать какъ вполнѣ самостоятельный факультетъ при академіи, то слушателямъ его неудобно было бы не предоставить такихъ же правъ, какъ и слушателямъ остальныхъ отдѣленій. Но будетъ ли это хотя сколько нибудь справедливо и удобно? И не повлечетъ ли это за собою того развращающаго послѣдствія, что молодой человѣкъ даже съ хорошими способностями и могущій трудиться, но съ слабою волею и легко поддающійся соблазну получить какъ можно больше преимуществъ съ наименьшею затратою труда, будетъ предпочитать пятое отдѣленіе академіи другимъ факультетамъ, въ ущербъ какъ своему собственному нравственному достоинству, такъ и общему успѣху дѣла академіи. Такой порядокъ вещей не будетъ ли способствовать возникновенію въ сословіи морскихъ офицеровъ, до сихъ поръ вполнѣ чуждаго ему, крайне вреднаго и антипатичнаго типа поверхностныхъ и пустыхъ болтуновъ и фразеровъ, прикрывающихъ свое невѣжество академическимъ знакомъ, доставшимся имъ безъ всякаго серіознаго труда? Если всѣ эти соображенія, какъ и слѣдуетъ ожидать, будутъ признаны настолько серіозными, что заставятъ открыть доступъ въ пятое дополнительное отдѣленіе только тѣмъ офицерамъ, которые кончили уже курсъ въ одномъ изъ остальныхъ отдѣленій, то мы возвращаемся

къ положенію, разсмотрѣнному уже выше и возбуждающему, какъ мы видѣли, массу вопросовъ, недоразумѣній и неудобствъ и въ такомъ случаѣ, какъ уже сказано, всего лучше слить это дополнительное отдѣленіе съ морскимъ. Далѣе при допущеніи, что дополнительный факультетъ есть вполнѣ самостоятельный, возникаетъ вопросъ: можно ли сколько нибудь основательно пройти курсъ этого отдѣленія въ одинъ годъ, особенно при указанной сейчасъ неизбѣжной слабости предварительной подготовки слушателей? Наконецъ возникаетъ и еще одинъ вопросъ: если пятое отдѣленіе академіи есть самостоятельное и слѣдовательно доступъ въ него открытъ для всѣхъ офицеровъ прямо изъ флота, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи одного учебнаго года они выходили изъ академіи и считались кончившими академическій курсъ (*), то какъ объяснить присвоенное этому отдѣленію наименованіе *«дополнительное отдѣленіе?»* Что и какъ имъ дополняется? Не можетъ же существовать нѣчто, называемое дополненіемъ, безъ предположенія о существованіи чего либо другаго, дополняемаго первымъ. Остается только думать одно: что нужно дополнить курсъ Морскаго училища. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: если это необходимо, или полезно, то почему же это до сихъ поръ не сдѣлано? Все вышеизложенное даетъ, если не ошибаюсь, право заключить, что разсмотрѣнный сейчасъ планъ устройства Морской академіи долженъ быть признанъ несостоятельнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго предположенія: «имѣть въ академіи четыре отдѣленія съ двухъ-годичнымъ курсомъ, изъ которыхъ три существующія отдѣленія академическаго курса—гидрографическое, кораблестроительное и механическое и четвертое военно-морское съ курсомъ слѣ-

---

(*) Здѣсь невольно является мысль о томъ, что офицеры, кончившіе курсъ на пятомъ отдѣленіи Морской академіи, будутъ представлять единственный не только во флотѣ, но и во всемъ русскомъ военномъ сословіи примѣръ академистовъ, пріобрѣвшихъ это званіе только одногодичнымъ слушаніемъ академическаго курса. Отсюда вполнѣ естественно и вполнѣ справедливо возникаетъ весьма не лестное для Морской академіи сравненіе съ другими военными академіями.

дующихъ предметовъ: морская стратегія, артиллерія, морское минное искуство, военно-морская исторія, исторія русскаго флота, военно-морская статистика и морское международное право». Съ перваго взгляда этотъ планъ представляется болѣе стройнымъ въ сравненіи съ предыдущимъ, но, по внимательномъ разсмотрѣніи, онъ вызываетъ отчасти подобныя же, а отчасти и новыя возраженія. Планъ этотъ, повидимому, оставляетъ безъ измѣненія настоящую организацію академіи, такъ какъ, принимая прежній двухъ-годичный курсъ, ограничивается простымъ присоединеніемъ къ прежнимъ тремъ еще одного новаго отдѣленія военно-морскаго. Къ этому дополненію существующихъ факультетовъ и сводятся въ концѣ концовъ всѣ перемѣны въ академіи. Безъ сомнѣнія это предложеніе имѣетъ за себя преимущество крайней простоты, но едвали оно отвѣчаетъ дѣйствительнымъ нуждамъ академіи. Во первыхъ двухлѣтній курсъ рѣшительно недостаточенъ для выполненія удовлетворяющей цѣлямъ академіи программѣ. Во вторыхъ, въ теперешнемъ распредѣленіи предметовъ по отдѣленіямъ академіи существуютъ несомнѣнные недостатки. Такъ, мы уже видѣли что на кораблестроительномъ отдѣленіи не проходится теоріи сопротивленія матеріаловъ, а программы прикладной механики и теоріи кораблестроенія страдаютъ неполнотою. Общаго курса артиллеріи и морской тактики нѣтъ, а между тѣмъ безъ этихъ предметовъ не мыслимъ образованный строитель военныхъ кораблей. На механическомъ отдѣленіи упущены нѣкоторые весьма существенные вопросы теоріи кораблестроенія, важные для морскаго инженеръ-механика. Наконецъ, и это самый главный недостатокъ Морской академіи, существующее гидрографическое отдѣленіе до настоящаго времени еще не установилось окончательно. Позволяемъ себѣ думать такъ, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Морская академія замѣнила собою бывшіе офицерскіе классы, которые, по весьма справедливому выраженію г. Веселаго, «ставили своею цѣлью обширное развитіе всесторонняго морскаго образованія, заключающаго въ себѣ начало всѣхъ морскихъ спеціальностей, академическій же курсъ внесъ въ высшее морское образо-

ваніе принципъ спеціализаціи» (*). Реформа эта, къ сожалѣнію, не избѣгла однако же участи большинства реформъ, никогда не додѣлывающихъ сразу всего, что требуетъ перемѣны и переустройства. Новый принципъ спеціализаціи не былъ проведенъ вполнѣ послѣдовательно и это особенно отразилось на гидрографическомъ отдѣленіи сліяніемъ двухъ различныхъ спеціальностей, а на остальныхъ отдѣленіяхъ излишнею раздробленностью факультетовъ. Вмѣсто того, чтобы признать спеціальность морскаго офицера вполнѣ самостоятельною и выразить эту самостоятельность учрежденіемъ при академіи спеціальнаго военно-морскаго отдѣленія, ее смѣшали съ спеціальностью гидрографа и учредили рядомъ съ дѣйствительно спеціальными отдѣленіями, кораблестроительнымъ и механическимъ, отдѣленіе гидрографическое, которое вынуждено было организоваться такъ, чтобы удовлетворять одновременно и потребностямъ гидрографіи—прямой спеціальности офицеровъ корпуса флотскихъ штурмановъ и потребностямъ собственно флотскихъ офицеровъ. Такая участь постигла гидрографическое отдѣленіе вѣроятно потому, что у насъ во флотѣ издавна уже составилось мнѣніе, что астрономія и навигація суть главные предметы въ кругѣ наукъ, необходимыхъ морскому офицеру. Всякій изъ морскихъ офицеровъ, даже молодыхъ, я полагаю, очень живо помнитъ, что на преподаваніе астрономіи и навигаціи въ Морскомъ корпусѣ всегда обращалось наибольшее вниманіе и эти предметы выставлялись всѣми и при всякомъ удобномъ случаѣ какъ первостепенные въ ряду всѣхъ остальныхъ. Они были, если можно такъ выразиться, центромъ, около котораго группировались всѣ остальные предметы, подробности преподаванія которыхъ всегда соображались прежде всего съ требованіями курсовъ астрономіи и навигаціи, иногда даже въ ущербъ самымъ тѣмъ предметамъ. Спѣшимъ оговориться, что высказываемъ это не въ видѣ упрека кому бы то ни было, напротивъ, мы лично даже глубоко благодарны нашимъ бывшимъ наставникамъ за то, что они

(*) См. Описаніе пятидесятилѣтняго юбилея Морской академіи. Рѣчь г. Веселаго, стр. 24.

съумѣли, рядомъ непрерывныхъ и удачно направленныхъ вліяній, привлечь наше вниманіе къ предмету столь высокой важности не только для морскаго офицера, но и для цѣлей общаго образованія. Но здѣсь мы имѣемъ въ виду объясненіе извѣстнаго факта и потому обязаны указать на обстоятельство, играющее въ этомъ объясненіи существенную и первенствующую роль. И такъ подъ вліяніемъ очень долго господствовавшаго и чувствуемаго еще и донынѣ направленія преподаванія въ Морскомъ корпусѣ, сложилось весьма твердое и устойчивое мнѣніе, что главный предметъ изученія для флотскаго офицера есть астрономія. Отсюда вполнѣ естественно возникъ взглядъ, что гидрографическое отдѣленіе съ его главными предметами—астрономіею, геодезіею и гидрографіею отвѣчаетъ образовательнымъ потребностямъ морскихъ офицеровъ и что затѣмъ не существуетъ никакой настоятельной необходимости въ учрежденіи собственно для нихъ какого либо особаго спеціальнаго курса. Значеніе этого обстоятельства, безъ сомнѣнія, усиливалось еще и тѣмъ, что, при учрежденіи академіи, по новости дѣла, еще не успѣлъ окончательно выясниться опредѣленный взглядъ на программу высшаго военно-морскаго образованія, а офицерскіе классы, въ теченіе болѣе нежели тридцатилѣтняго ихъ существованія, успѣли освоить всѣхъ во флотѣ съ тѣмъ фактомъ, что флотскіе офицеры получаютъ высшее научное образованіе совмѣстно съ штурманскими. Этому порядку вполнѣ понятному и очень соотвѣтствовавшему всему складу пережитой уже нашимъ флотомъ эпохи 1827—50 годовъ, придано было при образованіи офицерскихъ классовъ въ морскую академію слишкомъ преувеличенное значеніе и въ результатѣ всего и явился гидрографическій отдѣлъ академіи, стремившійся, можетъ быть и помимо намѣреній его учредителей, искуственно продлить и на будущее время сліяніе двухъ весьма различныхъ между собою спеціальностей: флотской и штурманской. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы офицерскихъ классовъ всѣ стали сознавать неудобство того, что кораблестроители и инженеръ-механики не имѣютъ никакого органа для высшаго образованія по ихъ спеціаль-

ностямъ, пріобрѣтавшимъ между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія усиленнаго прогресса кораблестроенія очевидное для всѣхъ значеніе и важность. Этимъ, я думаю, вполнѣ объясняется, особенно при созрѣвшемъ уже сознаніи необходимости спеціализаціи высшаго морскаго образованія, тотъ фактъ, что, при учрежденіи академіи, не возникло ни малѣйшаго колебанія относительно необходимости кораблестроительнаго и механическаго отдѣленій, которыя и были открыты сразу. Естественное желаніе какъ можно полнѣе удовлетворить всѣми уже сознаваемой потребности въ высшемъ образованіи по части кораблестроенія и механики для забытыхъ офицерскими классами инженеръ-механиковъ, и корабельныхъ инженеровъ, вѣроятно, не мало способствовало преувеличенному, какъ показано выше, дробленію спеціальностей въ академіи. Такимъ образомъ вмѣсто одного отдѣленія морскихъ инженеровъ въ академіи открылись сразу два отдѣленія: кораблестроительное и механическое. Гидрографическое же отдѣленіе осталось, попрежнему, органомъ высшаго образованія для флотскихъ и штурманскихъ офицеровъ. Изъ этого видно, что сущность реформы, превратившей офицерскіе классы въ академическіе курсы морскихъ наукъ, состояла, выражаясь какъ можно короче, въ томъ, что къ существовавшему уже прежде, но подъ названіемъ офицерскихъ классовъ, гидрографическому отдѣленію присоединились еще два отдѣленія — кораблестроительное и механическое, въ дѣйствительности, какъ показано выше, сливающіяся въ одно, при чемъ изъ курса офицерскихъ классовъ были выпущены многіе предметы (*), имѣвшіе однакоже весьма существенное значеніе для военно-морскаго образованія, каковы: артиллерія, фортификація и теорія кораблестроенія и курсъ взамѣнъ трехлѣтняго сдѣланъ двухлѣтнимъ. Такимъ образомъ вмѣсто правильнаго раздѣленія спеціальностей и углубленія и расширенія спеціальныхъ курсовъ, реформа коснулась бывшихъ офицерскихъ классовъ такъ сказать

(*) Артиллерія, фортификація, начертательная геометрія, физическая географія (теперь читается на гидрографическомъ отдѣленіи только часть этого курса), теорія кораблестроенія (теперь читается на гидрограф. отд. только часть этого курса), русскій языкъ и иностранные языки.

извнѣ. Она присоединила къ нимъ два новые факультета, изъ которыхъ одинъ оказался излишнимъ, и оставила въ силѣ существовавшее прежде сліяніе двухъ вполнѣ разнородныхъ спеціальностей флотской и штурманской. Но позволимъ себѣ здѣсь замѣтить, что прежняя программа офицерскихъ классовъ, даже оставаясь безъ значительныхъ измѣненій, была бы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ быть полезнѣе программы настоящаго гидрографическаго отдѣленія. Въ программѣ офицерскихъ классовъ, находили нѣкоторое удовлетвореніе какъ потребности военно-морскаго дѣла, такъ и потребности гидрографіи. Первымъ отвѣчалъ довольно солидный курсъ артиллеріи, фортификаціи и теоріи кораблестроенія, которая на гидрографическомъ отдѣленіи теперь очень сокращена, сравнительно съ офицерскими классами, а послѣднимъ — курсы астрономіи, геодезіи и физической географіи, которая, необходимо это замѣтить, по программѣ должна была читаться въ полномъ объемѣ. Такимъ образомъ офицерскіе классы заключали въ себѣ всѣ задатки для органическаго развѣтвленія ихъ на два отдѣла—собственно гидрографическій и военно-морской. Но это не состоялось и, взамѣнъ развѣтвленія спеціальностей и углубленія ихъ, произведенная реформа ограничилась только внѣшними, такъ сказать механическими и чисто отрицательными дѣйствіями: она сократила продолжительность курса на одинъ годъ и выключила изъ общей программы нѣсколько предметовъ, введя взамѣнъ ихъ только одинъ новый, который хотя и имѣетъ несомнѣнную важность, но однакоже отнюдь не можетъ быть признанъ вполнѣ самостоятельнымъ предметомъ, или самостоятельною наукою; мы разумѣемъ математическую теорію девіаціи компасовъ. Вотъ, если не ошибаюсь, вполнѣ правдивая исторія нынѣшняго гидрографическаго отдѣленія академіи. Она приводитъ къ заключенію, что едвали существующее гидрографическое отдѣленіе удовлетворяетъ въ надлежащей мѣрѣ какимъ нибудь опредѣленнымъ потребностямъ, Гидрографа оно совершенно напрасно отвлекаетъ отъ его спеціальности занятіями теоріею кораблестроенія и, по недостатку учебнаго времени, не даетъ многихъ существенно

важныхъ для него какъ спеціальныхъ, такъ и вспомогательныхъ знаній, а флотскому офицеру, кромѣ весьма отрывочныхъ свѣдѣній изъ теоріи кораблестроенія. не даетъ никакихъ другихъ предметовъ, относящихся къ его прямой спеціальности, а замѣняетъ ихъ хотя и очень цѣнными въ нихъ самихъ, но ненужными собственно военному моряку спеціальными свѣдѣніями по теоретической и практической астрономіи, геодезіи, метеорологіи и т. п. Изъ всего сказаннаго кажется слѣдуетъ, что гидрографическій отдѣлъ академіи, собственно говоря, еще не былъ органически и правильно реформированъ и поэтому ожидаемое преобразованіе и переустройство академіи прежде всего должно начаться именно съ этого отдѣла. Теперь предстоитъ развить и закончить то, что не было сдѣлано при преобразованіи офицерскихъ классовъ въ академіи, что, можетъ быть, было тогда упущено изъ вида, подъ вліяніемъ всѣхъ изложенныхъ выше обстоятельствъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ мы не думаемъ. чтобы согласно разобранному сейчасъ второму плану организаціи Морской академіи, можно было оставить три существующія уже отдѣленія ея безъ существенныхъ измѣненій и ограничиться простымъ присоединеніемъ къ прежнимъ тремъ еще четвертаго отдѣленія, военно-морскаго. Осуществленіе подобнаго плана грозитъ прежнею же опасностью, на которую сейчасъ было указано,—оно оставитъ не тронутыми существующіе внутренніе недостатки академіи и ограничится только учрежденіемъ при ней новаго отдѣленія, курсъ котораго ничѣмъ не связанъ съ остальными академическими факультетами и представляется далеко не полнымъ и недостаточнымъ, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ ни теоріи корабля, ни математики, ни механики. Въ программѣ вновь предлагаемаго отдѣленія нѣтъ ни одного предмета, общаго съ другими факультетами, такъ что онъ могъ бы образовать совершенно отдѣльное учрежденіе, вполнѣ независимое отъ остальныхъ отдѣленій академіи. Такимъ образомъ объединеніе трехъ отдѣленій съ четвертымъ въ одну Морскую академію есть чисто механическое и внѣшнее, безспорно, можетъ

быть, и удобное въ административномъ отношеніи, но не вызываемое никакою внутреннею, органическою необходимостью, вытекающею изъ самой сущности учебной организаціи академіи. Уже одно это обстоятельство, помимо всего остальнаго, является чрезвычайно рѣзкимъ и явнымъ признакомъ дисгармоніи частей разбираемаго плана. Далѣе этотъ планъ удерживаетъ оказавшееся уже несостоятельнымъ на практикѣ, разъединеніе факультетовъ кораблестроительнаго и механическаго и тѣмъ совершенно безполезно усложняетъ организацію академіи. Наконецъ нельзя не обратить вниманія и на то, что курсы кораблестроительнаго и механическаго отдѣленія слишкомъ сжаты, такъ какъ они не могутъ быть удовлетворительно выполнены въ два года, а курсъ вновь проектируемаго отдѣленія, по всей вѣроятности, слишкомъ растянутъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ другими отдѣленіями. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что по предыдущему, разобранному въ этой главѣ первому плану, курсъ дополнительнаго факультета продолжается всего одинъ годъ, а состоитъ изъ тѣхъ же предметовъ, за исключеніемъ только артиллеріи и миннаго искуства. Почему же тотъ же курсъ, по другому плану, выполняется въ два года? Вѣдь артиллерія здѣсь изучается, конечно, не спеціально, и минное искуство составляетъ только одну частность общаго курса. Неужели именно на нихъ нуженъ цѣлый годъ? Очевидно, слѣдовательно, что или тотъ или другой планъ, или оба они вмѣстѣ, ошибочны. Далѣе, какимъ образомъ на военно морскомъ отдѣлѣ нѣтъ теоріи корабля?! Неужели же морскіе офицеры, интересующіеся этимъ предметомъ, должны будутъ искать знакомства съ нимъ помимо военно-морскаго отдѣленія и слушать одновременно курсы и гидрографовъ и кораблестроителей, такъ какъ, по существующимъ программамъ, часть теоріи корабля проходится на гидрографическомъ, а другая ея часть на кораблестроительномъ отдѣленіяхъ? Въ этомъ случаѣ какимъ образомъ сложатся отношенія слушателей къ этимъ двумъ факультетамъ? Должны ли они будутъ сдавать экзаменъ по всѣмъ или по нѣкоторымъ только предметамъ трехъ факультетовъ

и по какимъ именно! Едвали все это будетъ удобно и даже просто возможно. Если же теорія корабля будетъ введена въ курсъ военно-морскаго отдѣла, то какимъ образомъ можетъ она излагаться безъ курса математики? Опускаемъ дальнѣйшія подробности, на которыя можно было бы еще указать, какъ на недостатки разбираемаго втораго плана. И сказаннаго считаемъ вполнѣ достаточнымъ для убѣжденія въ несостоятельности этого плана.

Переходимъ къ третьему плану: «имѣть въ академіи два отдѣленія—одно для морскихъ офицеровъ, въ которомъ проходились бы предметы нынѣшняго гидрографическаго отдѣленія съ присоединіемъ къ нимъ морской тактики, морской артиллеріи, морской исторіи, морской статистики и морскаго международнаго права, и другое—техническое, для корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ». Мы совершенно согласны со второю половиною этого плана, именно съ тѣмъ, чтобы механики и кораблестроители были соединены въ одномъ факультетѣ. Что же касается первой его половины, то съ нею мы не можемъ согласиться, не потому, чтобы были противъ введенія въ академію поименованныхъ въ этомъ планѣ новыхъ предметовъ, но потому, что не считаемъ возможнымъ и удобнымъ отнести всѣ эти предметы въ одно гидрографическое отдѣленіе. Мы старались на столько подробно выяснить выше взглядъ нашъ на необходимость отдѣлить гидрографическій факультетъ отъ военно-морскаго, что теперь, послѣ всего сказаннаго, находимъ совершенно излишнимъ повторять прежнія соображенія. Остается добавить только одно замѣчаніе: въ разсматриваемомъ планѣ не указывается въ какое время можетъ быть пройденъ предлагаемый, очень сложный по составу, курсъ перваго отдѣленія. По нашему мнѣнію, основанному на пятнадцатилѣтнемъ опытѣ существующихъ академическихъ курсовъ, предлагаемая этимъ планомъ программа не можетъ быть выполнена не только въ два, но даже и въ три года.

Наконецъ едвали нужно много распространяться о предложенномъ еще четвертомъ планѣ, состоящемъ въ томъ, чтобы «оставивъ безъ измѣненія существующее устройство ака-

деміи, учредить по словеснымъ предметамъ, каковы морская исторія и морская статистика, постоянныя публичныя лекціи въ Кронштадтѣ». Планъ, предлагающій оставить существующее устройство Морской академіи безъ измѣненія, очевидно, есть самый наипростѣйшій; его даже нельзя разсматривать какъ новое предложеніе, а слѣдуетъ признать за совершенно голословное заявленіе, что существующее устройство академіи достигло такого совершенства, что не нуждается уже ни въ какихъ улучшеніяхъ. Нельзя не замѣтить, что подобное заявленіе находится даже въ явномъ противорѣчіи съ самымъ фактомъ возбужденія Комитетомъ морскихъ учебныхъ заведеній вопроса о пересмотрѣ положенія объ академіи, пересмотрѣ, вызванномъ, по словамъ комитета, тѣмъ, что «теперешнее состояніе академіи не удовлетворяетъ вполнѣ современнымъ потребностямъ этого учрежденія». Что же касается предложенія: «учредить по словеснымъ предметамъ, каковы морская исторія и морская статистика, *постоянныя* публичныя лекціи въ Кронштадтѣ», то, конечно, никто не станетъ оспаривать пользы публичныхъ лекцій и морское вѣдомство уже много лѣтъ оказывало и продолжаетъ оказывать свое просвѣщенное содѣйствіе устройству ихъ, хотя, конечно, лекціи эти и не имѣли до сихъ поръ характера непрерывности, постоянства и систематичности. Но для всякаго ясно, что публичныя лекціи, будучи весьма полезны для распространенія и популяризаціи знаній, отнюдь не могутъ замѣнить строго-систематическаго, научнаго академическаго курса, относящагося къ нѣкоторому законченному кругу предметовъ извѣстной спеціальности. Эта истина слишкомъ общеизвѣстна и потому положительно не стоитъ входить въ какія бы то ни было дальнѣйшія подробности относительно послѣдняго плана будущаго устройства Морской академіи.

Законченный разборъ различныхъ предложеній относительно будущаго устройства академіи, какъ видимъ, не приводитъ ни къ какимъ измѣненіямъ въ предложенномъ нами планѣ. Напротивъ, разборъ этотъ еще болѣе, хотя и отрицательнымъ путемъ, укрѣпляетъ насъ въ прежнемъ мнѣніи, при которомъ поэтому мы и остаемся. Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности плана, которыя должны уже

касаться частностей преподаванія, распредѣленія отдѣловъ каждаго предмета по курсамъ, соображеній объ особенностяхъ каждаго курса въ каждомъ изъ факультетовъ и т. п., что лучше всего выяснится при непосредственномъ участіи въ этомъ дѣлѣ лицъ, преподающихъ въ академіи и ведущихъ самое дѣло, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ общихъ вопросовъ, относящихся къ организаціи Николаевской Морской академіи.

XI.

О практическихъ занятіяхъ слушателей академіи.

Если курсъ всѣхъ трехъ проектируемыхъ отдѣленій Морской академіи будетъ продолжаться три года, что кажется намъ вполнѣ необходимымъ, то практическія занятія слушателей могутъ быть значительно расширены. Это, конечно, самымъ выгоднымъ образомъ повліяетъ на достоинство и основательность академическаго образованія, что даетъ еще новую опору предлагаемому нами плану. На гидрографическомъ отдѣленіи, кромѣ существующихъ уже практическихъ занятій по астрономіи, полезно было бы ввести командировки офицеровъ къ гидрографическимъ описямъ съ тѣмъ, чтобы слушатели получали возможность примѣнить къ дѣлу не только пріобрѣтенныя ими астрономическія и геодезическія знанія, но и заняться систематическимъ собираніемъ свѣдѣній, относящихся къ физической географіи, статистикѣ и этнографіи. Намъ кажется, что при удачной группировкѣ условій, обставляющихъ подобныя командировки, можно было бы предложить офицерамъ представлять въ академію письменные отчеты о своихъ занятіяхъ въ видѣ самостоятельнаго труда, обнимающаго собою всѣ вопросы, по которымъ можно было собрать тотъ или другой матеріалъ. Такія сочиненія, подготовляя слушателей къ ихъ будущей спеціальности, очень способствовали бы развитію въ нихъ необходимой привычки къ самодѣятельности, послужили бы для конференціи академіи прекраснымъ средствомъ для оконча-

тельной оцѣнки занятій и достоинства слушателей, и, можетъ быть, оказались бы даже полезными и для изученія многихъ еще очень мало извѣстныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Указанныхъ сейчасъ практическихъ занятій до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не было въ академіи. Далѣе, намъ кажется, было бы очень полезно обязать каждаго слушателя представлять ко времени окончанія курса сочиненіе на указанную факультетомъ, или выбранную самимъ слушателемъ и одобренную профессоромъ тему. Эта мѣра представляется намъ весьма полезною и вполнѣ осуществимою въ примѣненіи къ слушателямъ всѣхъ безъ исключенія факультетовъ. Гидрографу можетъ быть предложено, пользуясь извѣстными источниками, составить всестороннее и систематическое описаніе какой нибудь мѣстности. Слушатель военно-морскаго отдѣленія могъ бы заняться, на основаніи опять-таки самостоятельнаго же ознакомленія съ источниками, историческою разработкою какой нибудь отдѣльной эпохи, имѣющей значеніе въ русской или всеобщей военно-морской исторіи, или разработать какой нибудь частный вопросъ морской тактики, теоріи корабля и т. д. Подобнымъ же образомъ можно было бы найти множество интересныхъ и доступныхъ темъ и для слушателей инженернаго отдѣленія. Обращаясь затѣмъ, въ частности, къ слушателямъ военно-морскаго отдѣленія, нельзя не указать на необходимость для нихъ ежегодныхъ плаваній на судахъ разнообразныхъ типовъ, во время которыхъ очень полезно было бы вполнѣ систематически заниматься всесторонними наблюденіями свойствъ судовъ, на которыхъ придется плавать слушателямъ академіи. Эти наблюденія должны быть производимы по извѣстному плану, который необходимо выработать въ академіи и результаты наблюденій должны выразиться въ формѣ какъ можно болѣе строгаго и научно обработаннаго отчета, обязательнаго для слушателей. Сверхъ того, для слушателей военно - морскаго отдѣла полезно было бы ввести практическія занятія лоціею, въ результатѣ которыхъ получилось бы основательное знакомство съ отечественными морями и берегами, со входами въ порты и т. п.

что очень важно для будущихъ командировъ судовъ нашего военнаго флота, такъ какъ дастъ возможность пользоваться всѣми мѣстными обстоятельствами при защитѣ нашихъ береговъ. На этотъ предметъ было бы очень полезно обратить вниманіе флотскихъ офицеровъ въ особенности потому еще, что въ Морскомъ училищѣ онъ можно сказать вполнѣ упущенъ изъ вида, да можетъ быть и трудно было бы это сдѣлать по недостатку учебнаго времени. Практическія занятія слушателей инженернаго отдѣленія могутъ быть до чрезвычайности разнообразны и едва ли представится въ этомъ отношеніи какое нибудь затрудненіе въ выборѣ матеріала; было бы только время.

XII.

Объ условіяхъ пріема слушателей въ Морскую академію.

Въ этой главѣ мы отвѣтимъ на слѣдующіе вопросы: a) какой подготовки слѣдуетъ требовать отъ поступающихъ въ академію, b) дѣлать ли пріемы въ академію ежегодно или черезъ опредѣленные сроки и, наконецъ, c) принимать ли слушателей въ академію тотчасъ послѣ выпуска ихъ изъ училищъ морскаго вѣдомства, или черезъ опредѣленное число лѣтъ службы. Къ этимъ вопросамъ мы присоединимъ еще одинъ: допускать ли въ академію вольнослушателей, изъ кого они могутъ состоять и каковы должны быть ихъ права и обязанности.

Чтобы отвѣтить вполнѣ правильно на первый вопросъ, нужно имѣть въ виду, что всѣ условія пріема должны клониться къ привлеченію въ академію офицеровъ: во-первыхъ основательно подготовленныхъ къ слушанію академическаго курса и во-вторыхъ представляющихъ наиболѣе гарантій въ томъ, что, какъ въ академіи, такъ, въ особенности, и по окончаніи въ ней курса, они окажутся способными къ самостоятельной дѣятельности въ сферѣ избранной спеціальности. Первое требованіе выполнится установленіемъ цѣлесообразной программы пріемнаго испытанія. Что же касается втораго требованія, то осуществленіе его, конечно, гораздо за-

труднительнѣе; но, однакоже, многое можетъ быть достигнуто, если пріемному испытанію приданъ будетъ характеръ, отличный отъ обыкновенной рутины вступительныхъ экзаменовъ.

Обращаемся сначала къ установленію самыхъ предметовъ пріемнаго испытанія. Въ настоящее время на вступительномъ экзаменѣ въ академію требуются: въ объемѣ курса Морскаго училища:

1. Геометрія,

2. Алгебра,

3. Прямолинейная тригонометрія,

4. Сферическая тригонометрія (только для слушателей гидрографическаго отдѣленія),

5. Аналитическая геометрія,

6. Дифференціальное и интегральное исчисленія,

7. Механика,

8. Физика,

9. Начертательная геометрія (только для слушателей кораблестроительнаго и механическаго отдѣленій),

10. Письменный переводъ на русскій языкъ съ одного изъ трехъ иностранныхъ языковъ — французскаго, англійскаго или нѣмецкаго.

Эта программа заключаетъ въ себѣ отчасти много, а отчасти мало. Намъ кажется совершенно излишнимъ требованіе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, которыя излагаются въ академіи систематически съ самаго начала. И это очень понятно. Дифференціальное и интегральное исчисленія суть вещи, въ одно время, и слишкомъ деликатныя, и слишкомъ важныя, чтобы можно было съ увѣренностью положиться на достаточность и основательность предварительной подготовки слушателей по этимъ предметамъ, — подготовки, обнимающей хотя бы только начала этихъ отраслей математическаго анализа, потому что именно въ началахъ-то и заключается наибольшая трудность и опасность стать на ложный путь, или подвергнуться смѣшенію и путаницѣ въ понятіяхъ. Если въ пользу удержанія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій въ программѣ пріемнаго экзамена будутъ ссылаться на то,

что, по § 5 «Положенія объ академическомъ курсѣ», содержаніе пріемнаго экзамена опредѣляется объемомъ курса Морскаго училища, а въ курсъ Морскаго училища входитъ и дифференціальное и интегральное исчисленія, то на такое соображеніе можно отвѣтить вопервыхъ тѣмъ, что далеко не всѣ предметы курса Морскаго училища вошли въ программу пріемнаго испытанія, а потому если нѣкоторые предметы изъ нея выпущены, то не существуетъ никакого основательнаго повода не выпустить изъ программы и еще одинъ предметъ, если это окажется полезнымъ, по какимъ нибудь причинамъ. Во вторыхъ дифференціальное и интегральное исчисленія преподаются въ Морскомъ училищѣ въ теченіе только *трехъ учебныхъ мѣсяцевъ*, при двухъ урокахъ въ недѣлю. Это обстоятельство дѣлаетъ совершенно невозможнымъ основательное ознакомленіе учащихся даже съ началами этихъ предметовъ, занятія которыми, по необходимости, будучи совершенно поверхностными, приводятъ только къ тому результату, что воспитанники получаютъ возможность до нѣкоторой степени, но далеко не вполнѣ, воспринимать лишь внѣшніе пріемы рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ механики, астрономіи и т. п. Изъ этого слѣдуетъ, что разсматриваемое требованіе вступительной программы ставитъ экзаменующихся въ академію или въ очень затруднительное, или въ фальшивое положеніе. Если требованіе выполняется дѣйствительно строго, то на экзаменующагося возлагается весьма нелегкій трудъ — вполнѣ самостоятельно ознакомиться съ предметомъ, представляющимъ, по общему мнѣнію всѣхъ компетентныхъ въ дѣлѣ людей, большія трудности для начинающаго и, повторяемъ еще разъ, подвергающимъ начинающаго, лишеннаго посторонней опытной помощи, опасности стать на ложный путь и пріобрѣсти неясныя и запутанныя понятія о предметѣ. А это непремѣнно затруднитъ и задержитъ будущіе успѣхи слушателя при дальнѣйшемъ изученіи предмета. Всякій опытный преподаватель согласится, что гораздо лучше, если начинающій не имѣетъ никакого понятія о томъ или другомъ предметѣ, нежели владѣетъ отрывочными, поверхностными или ложными

понятіями о немъ. Въ послѣднемъ случаѣ, прежде чѣмъ начать учить, приходится отучать отъ многаго, а на это непремѣнно потратится много труда и времени. Если же вступительный экзаменъ изъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій облегчить требованіемъ только того, что проходится въ Морскомъ училищѣ, то это, не прибавляя ничего цѣннаго къ общей подготовкѣ слушателей, поставитъ ихъ въ фальшивое положеніе, такъ какъ дастъ имъ возможность слегка и поверхностно отнестись къ этой части программы пріемнаго экзамена. Съ другой стороны, для усвоенія слушателями первыхъ академическихъ лекцій едвали потребуются свѣдѣнія, заключающіяся во вступительной программѣ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Во всякомъ случаѣ, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ лекцій и курсовъ въ академіи всегда можно будетъ избѣжать затрудненій въ указанномъ сейчасъ отношеніи. Ниже мы выставимъ еще одно предложеніе—ввести раздѣленіе слушателей по факультетамъ по истеченіи перваго академическаго года—и, если оно будетъ принято, то устранится даже и малѣйшая опасность какихъ бы то ни было затрудненій отъ исключенія началъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій изъ программы пріемнаго экзамена. Наконецъ за это исключеніе много говоритъ еще и то соображеніе, что съ облегченіемъ экзаменующихся въ одномъ отношеніи явится возможность болѣе строгихъ требованій по другимъ отдѣламъ вступительной программы, а это, какъ сейчасъ увидимъ, очень важно. Далѣе, мы думаемъ, что начертательную геометрію нужно требовать отъ всѣхъ кандидатовъ, не исключая и тѣхъ, которые со временемъ поступятъ на гидрографическое отдѣленіе. Что она должна быть обязательна для кораблестроителей, механиковъ и флотскихъ офицеровъ, поступающихъ на военно-морское отдѣленіе, это очевидно; что же касается гидрографовъ, то независимо отъ важнаго формальнаго значенія начертательной геометріи, знакомство съ которою вообще чрезвычайно облегчаетъ многія часто и повсюду встрѣчающіяся геометрическія построенія, она имѣетъ еще самое прямое и непосредственное примѣненіе къ спеціальности гидрографа въ вопросѣ о построеніи картъ. Намъ представ-

ляется крайне желательнымъ, по причинамъ, о которыхъ скажемъ подробнѣе впослѣдствіи, чтобы первый учебный годъ пребыванія офицеровъ въ академіи былъ исключительно посвященъ изученію только предметовъ общихъ для всѣхъ слушателей и чтобы окончательное раздѣленіе ихъ по специальностямъ происходило не ранѣе втораго академическаго года. Еслибы этотъ порядокъ былъ принятъ, то программу пріемнаго экзамена слѣдовало бы сдѣлать одинаковою для всѣхъ поступающихъ. Съ этой точки зрѣнія еще разъ оправдывается необходимость введенія начертательной геометріи въ программу пріемнаго экзамена въ видѣ предмета, обязательнаго для всѣхъ кандидатовъ. Тогда сферическую тригонометрію можно было бы совершенно исключить изъ програмы вступительнаго экзамена, такъ какъ знакомство съ нею, при основательномъ знаніи алгебры, геометріи и плоской тригонометріи, не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія и профессоръ астрономіи, увѣренный въ основательномъ знаніи слушателями названныхъ сейчасъ предметовъ, можетъ просто заявить, что онъ предполагаетъ знаніе и сферической тригонометріи, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ и дѣйствительно проходится какъ флотскими, такъ и штурманскими офицерами. Одинаковость требованій пріемнаго экзамена для всѣхъ кандидатовъ особенно важна съ точки зрѣнія принципа единства академіи, которая хотя и подраздѣляется на специальные отдѣлы, но, сама по себѣ, должна представлять единое, вполнѣ стройное и гармоническое цѣлое. Если допустить для различныхъ кандидатовъ неодинаковость требованій при вступленіи въ академію, то это непремѣнно, въ большей или меньшей степени, нарушило бы принципъ свободнаго избранія слушателями той или другой специальности. Могло бы случиться, что при выборѣ факультета, то или другое лицо, между прочимъ, приняло бы во вниманіе и относительную легкость экзамена, неодинаковаго для разныхъ факультетовъ. Конечно, случаи такихъ злоупотребленій, можетъ быть, были бы и рѣдки, но уже одна возможность ихъ достаточно свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ организаціи учебнаго учрежденія, завѣдомо допускающаго такую возмож-

ность. Неодинаковость требованій могла бы быть допущена только въ томъ единственномъ случаѣ, когда иначе никакъ нельзя было бы достигнуть цѣли вступительнаго экзамена— удостовѣренія въ достаточности научной подготовки кандидатовъ и въ достиженіи ими извѣстной степени умственной зрѣлости. Въ данномъ же случаѣ эта цѣль вполнѣ можетъ быть достигнута основательнымъ, строгимъ и всестороннимъ испытаніемъ изъ слѣдующихъ предметовъ:

1. Геометріи,
2. Алгебры,
3. Прямолинейной тригонометріи,
4. Аналитической геометріи,
5. Начертательной геометріи,
6. Механики,
7. Физики,
8. Русскаго языка и
9. Одного изъ иностранныхъ языковъ.

Но чтобы экзаменъ изъ этихъ предметовъ дѣйствительно достигалъ указанныхъ въ началѣ этой главы цѣлей, необходимо измѣнить самый характеръ существующихъ требованій, отчасти выражающійся въ напечатанныхъ программахъ вступительнаго экзамена. Пріемный экзаменъ въ академію, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не долженъ ограничиваться одною только провѣркою тѣхъ, такъ сказать, чисто школьныхъ знаній, которыя были пріобрѣтены кандидатами въ училищахъ морскаго вѣдомства. Еслибы рѣчь шла только объ этомъ, то почти не стоило бы даже и прибѣгать къ какому бы то ни было испытанію. Училища морскаго вѣдомства, безъ сомнѣнія, вполнѣ компетентны въ дѣлѣ оцѣнки познаній, признаваемыхъ необходимыми для морскихъ офицеровъ. Это признано за училищами вполнѣ оффиціально, самымъ закономъ, уполномочивающимъ начальниковъ училищъ представлять къ производству въ офицеры тѣхъ воспитанниковъ, которые, по удостовѣренію училищныхъ экзаменаціонныхъ коммиссій, признаны достойными

производства. Изъ этого слѣдуетъ, что назначеніе новаго испытанія, буквально повторяющаго то, что разъ уже было сдѣлано въ училищахъ и притомъ съ значительнымъ сокращеніемъ предметовъ испытанія сравнительно съ выпускнымъ экзаменомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, приведетъ къ прежнему же результату, т. е. къ тому, что всѣ кандидаты, разумѣется при условіи затраты съ ихъ стороны нѣкотораго очень ничтожнаго и непродолжительнаго труда на предъэкзаменное повтореніе своихъ училищныхъ учебниковъ и тетрадей, окажутся владѣющими тѣми школьными познаніями, которыя уже разъ были за ними вполнѣ компетентнымъ образомъ констатированы училищнымъ учебнымъ начальствомъ. Но этого, очевидно, далеко не достаточно въ смыслѣ ручательства за состоятельность кандидата въ дѣлѣ пріобрѣтенія высшаго научнаго образованія и въ способности его къ самодѣятельности. Для этого вполнѣ необходимо требовать отъ экзаменующагося основательнаго и полнаго знакомства съ систематическими и строго научными сочиненіями по предметамъ, входящимъ въ составъ программы пріемнаго экзамена. Поименованные въ существующихъ программахъ (*) пріемнаго испытанія руководства: Начальная Геометрія г. Веселаго, начальная Алгебра г. Сомова, Тригонометрія г. Дмитріева, Аналитическая геометрія г Сомова, Дифференціальное и интегральное исчисленіе г. Савича, начала прикладной механики Сонне, въ переводѣ г. Греве, начальныя основанія физики г. Тыртова, будучи болѣе или менѣе удовлетворительны какъ учебники, предназначенные для классныхъ занятій съ учениками, впервые знакомящимися съ тѣмъ или другимъ учебнымъ предметомъ, нисколько не соотвѣтствуютъ требованіямъ вступительнаго испытанія въ Николаевскую морскую академію. Всякій, сколько нибудь знакомый съ дѣломъ преподаванія, знаетъ, что въ учебникѣ, предназначенномъ для начальнаго обученія, иногда неизбѣжно приходится во мно-

(*) См. утвержденныя совѣтомъ академіи программы пріемнаго экзамена.

гихъ случаяхъ отступать отъ строгой, научной системы изложенія и то, что можетъ и должно быть допущено въ элементарной книгѣ, какъ неизбѣжная уступка требованіямъ чисто педагогическимъ, становится величайшимъ недостаткомъ съ точки зрѣнія строго-научной системы. Въ школьныхъ учебникахъ, какъ всякому очень хорошо извѣстно, прямо даже выпускаются многія статьи, касающіяся разныхъ тонкостей науки, можетъ быть и не важныхъ для цѣлей элементарнаго преподаванія, но имѣющихъ весьма существенное значеніе для лицъ, готовящихся къ высшему научному образованію. По мнѣнію многихъ опытныхъ университетскихъ профессоровъ и по сознанію людей, прошедшихъ университетскій курсъ, первый годъ университетскихъ занятій особенно труденъ для молодыхъ людей, только что окончившихъ гимназію. Трудность занятій главнымъ образомъ зависитъ отъ рѣзкой разницы между методомъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіи и методомъ изложенія наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Молодой человѣкъ, свыкшійся съ элементарными пріемами преподаванія, встрѣчавшій въ школѣ предупредительную поддержку со стороны преподавателя, вмѣшивавшагося въ его работу и облегчавшаго ее, на первыхъ порахъ пребыванія въ университетѣ, обыкновенно, не сразу освоивается съ строго научнымъ методомъ изложенія университетскаго курса и долженъ потратить много труда и времени прежде, чѣмъ окажется въ состояніи вполнѣ сознательно и успѣшно слѣдить за лекціями профессора. На это обстоятельство неоднократно и энергически указывалось и въ нашей, и въ иностранной педагогической литературѣ и предлагались даже и мѣры для устраненія его. Существующіе въ нашихъ гимназіяхъ восьмые классы и прежніе повторительные курсы седьмыхъ классовъ нашихъ бывшихъ гимназій, отчасти, имѣли въ виду облегченіе указаннаго сейчасъ недостатка. Предлагались также спеціальные переходные курсы между гимназіею и университетомъ, съ цѣлью пріученія будущихъ студентовъ къ самодѣятельности и освоенія ихъ съ строго научнымъ методомъ изложенія, посредствомъ самостоятельнаго чтенія науч-

ныхъ сочиненій и представленія отчета о прочитанномъ (*). Изложенныя сейчасъ соображенія приводятъ къ заключенію, что для обезпеченія за занятіями слушателей академіи надлежащей полноты, глубины, серіозности и основательности, необходимо рекомендовать имъ научные трактаты по предметамъ пріемнаго испытанія, программу вступительнаго экзамена составить въ духѣ этихъ трактатовъ и на самомъ экзаменѣ строго требовать отъ экзаменующихся самаго основательнаго знакомства съ рекомендованными сочиненіями въ подлинникѣ. При этомъ очень полезно, и даже необходимо, требовать знакомства именно съ иностранными сочиненіями, такъ какъ въ нашей русской учебной литературѣ, можетъ быть, и трудно сдѣлать вполнѣ цѣлесообразный выборъ. Такая мѣра имѣла бы еще и ту очень полезную сторону, что ознакомила бы будущихъ академистовъ съ научнымъ иностраннымъ языкомъ, привычка къ которому, все равно, сдѣлается для нихъ рано или поздно безусловно необходимою. Не предрѣшая вопроса о выборѣ сочиненій, удовлетворяющихъ указанной сейчасъ цѣли, позволяемъ себѣ, единственно для выясненія нашей мысли и для болѣе полнаго опредѣленія объема и характера программъ пріемнаго испытанія, указать на слѣдующія сочиненія:

1 По ариѳметикѣ: Bertrand. Traité d'Arithmétique.

2. По алгебрѣ: Bertrand. Traité d'Algebre.

3. По геометріи: Rouché et Comberousse. Traité de géometrie élémentaire.

4. По тригонометріи: Briot et Bouquet. Leçons de Trigonometrie. и Serret. Traité de Trigonometrie.

5. По аналитической геометріи: Briot et Bouquet. Leçons de Geometrie analytique, и

Catalan. Géometrie analytique à deux et à trois dimensions, составляющая часть изданнаго имъ же въ двухъ томахъ труда: Manuel des candidats á l' Ecole Polytechnique.

(*) По этому поводу см. напримѣръ Бенеке. Ученіе о воспитаніи и образованіи Кн. II стр. 370—372.

6. По механикѣ: Resal. Eléments de Mécanique, rédigés d'après les programmes d'admission pour l'Ecole Polytechnique, и Catalan. Mecanique, составляющую часть его же Manuel etc.

7. По физикѣ: Jamin. Petit traité de Physique.

Что касается начертательной геометріи, то указанное въ программѣ руководство г. Зеленаго представляется намъ вполнѣ удовлетворяющимъ цѣли, но необходимо требовать знанія его въ полномъ объемѣ и съ приложеніями, а не въ сокращеніи, какъ это теперь принято. Наконецъ для задачъ и упражненій по всему курсу, обнимающему названные предметы, можно указать на «Collection of examples and problems in pure and mixed mathematics,» by Wrigley. Мы остановились на французскихъ руководствахъ, потому что именно французская учебная литература особенно богата выдающимися по своимъ достоинствамъ сочиненіями съ тѣмъ направленіемъ, которое важно для настоящей нашей цѣли. Въ англійской литературѣ было бы уже гораздо труднѣе сдѣлать хорошій выборъ научно-систематическихъ руководствъ по части собственно элементарной математики, которая не особенно процвѣтаетъ въ англійскихъ, почти исключительно классическихъ школахъ. Что же касается нѣмецкихъ сочиненій, то хотя нѣмецкая учебно-математическая литература и отличается чрезвычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ, но къ сожалѣнію, знаніе нѣмецкаго языка очень слабо распространено въ средѣ флотскихъ офицеровъ. Настаивая на измѣненіи самаго характера требованій вступительнаго экзамена мы склонны скорѣе сократить число предметовъ испытанія, нежели поступиться основательностью и солидностью самаго экзамена. Поэтому, еслибы противъ насъ возникло возраженіе, что рекомендуемые курсы слишкомъ обширны и могутъ затруднить желающихъ поступить въ академію, то мы предлагаемъ исключить изъ программы еще одинъ предметъ, именно механику, но продолжаемъ настаивать на безусловной строгости и отчетливости требованій по всѣмъ остальнымъ предметамъ.

Коснувшись подробностей программы пріемнаго экзамена не можемъ не остановиться въ особенности на существующей

программѣ аналитической геометріи, Она составлена по курсу Сомова: «Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній, для воспитанниковъ Морскаго кадетскаго корпуса» Это руководство искусно принаровлено къ весьма исключительнымъ условіямъ преподаванія аналитической геометріи въ классахъ бывшаго Морскаго корпуса, но совершенно не удовлетворяетъ нормальнымъ требованіямъ, которыя могутъ и должны быть предъявляемы даже и элементарному курсу аналитической геометріи, предназначаемому для лицъ, готовящихся къ изученію высшихъ отраслей математики. Это безъ сомнѣнія, прежде всѣхъ сознавалъ и высокоуважаемый, покойный авторъ разсматриваемой книги. Въ предисловіи онъ прямо указываетъ, что составленное имъ руководство «приспособлено къ возрасту учащихся и къ цѣли воспитанія». Когда писались авторомъ эти строки, аналитическая геометрія проходилась въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ еще до произведенной въ немъ послѣ реформы, въ такъ называвшемся младшемъ гардемаринскомъ курсѣ, гдѣ встрѣчались мальчики даже 14-го лѣтняго возраста, едва кончившіе курсъ алгебры и геометріи. Составить для такихъ учениковъ сколько нибудь подходящій курсъ аналитической геометріи есть дѣло великой трудности и, конечно, нужно быть крайне признательнымъ покойному Сомову за вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе имъ такой трудной задачи. Авторъ прямо говоритъ, что его руководство «заключаетъ въ себѣ только самое существенное изъ аналитической геометріи, необходимое для того, чтобы учащіеся *укрѣпились въ алгебрѣ*, черезъ приложеніе ея къ рѣшенію геометрическихъ вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомились съ кривыми линіями, которыя могутъ имъ встрѣтиться въ астрономіи, навигаціи и механикѣ». Изъ этихъ словъ прямо видно, что разсматриваемое руководство съ одной стороны, преслѣдовало цѣли исключительно педагогическія (укрѣпленіе учениковъ въ алгебрѣ), а съ другой, смотрѣло на свой предметъ, какъ на нѣчто служебное и ограничивало его содержаніе потребностями курсовъ мореходной астрономіи и навигаціи. Удовлетворительное достиженіе этихъ цѣлей составляло большое достоинство

разсматриваемаго учебника, какъ руководства для воспитанниковъ Морскаго корпуса. Но оно же является недостаткомъ съ болѣе общей и научной точки зрѣнія, на которую непремѣнно слѣдуетъ перенестись исключительно, когда рѣчь идетъ о подготовкѣ уже не дѣтей, а вполнѣ развитыхъ и самостоятельныхъ молодыхъ людей, офицеровъ, приступающихъ къ высшему научному образованію въ Морской академіи. Это очень хорошо сознавалъ и авторъ, когда въ заключеніи своего предисловія, рекомендовалъ читателю обратиться для изученія аналитической геометріи къ составленному имъ же болѣе подробному и систематическому «курсу аналитической геометріи для военно-учебныхъ заведеній», къ «курсу аналитической геометріи профессора Брашмана и къ извѣстному сочиненію Салмона «О коническихъ сѣченіяхъ». Мы считали полезнымъ распространиться особенно объ аналитической геометріи не только потому, что программа вступительнаго экзамена изъ этого предмета кажется намъ неудовлетворительною, что, въ большей, или меньшей степени, можно сказать и о другихъ предметахъ пріемнаго испытанія, но, главнымъ образомъ, и потому еще, что аналитическая геометрія представляется намъ наиболѣе удобнымъ средствомъ для испытанія кандидатовъ въ академію со стороны способности ихъ къ самодѣятельности. Можно быть увѣреннымъ, что кандидатъ, хорошо сдавшій серіозный и строгій экзаменъ изъ аналитической геометріи, хотя бы только двухъ измѣреній, по курсу, напримѣръ Бріо, или другому, столь же строго-научному трактату, и обнаружившій хорошія познанія и по другимъ предметамъ пріемнаго испытанія, представляетъ достаточное ручательство своей дальнѣйшей состоятельности, какъ слушатель академіи. Сущность нашего требованія состоитъ въ томъ, чтобы читаемый въ настоящее время въ академіи курсъ аналитической геометріи двухъ измѣреній (*) исключить изъ академическаго преподаванія и перенести въ программу пріемнаго испытанія. Этимъ пріобрѣтутся важныя выгоды. Прежде всего устра-

(*) См. Программы стр. 2.

нится существующая въ настоящее время разрозненность и отрывочность въ изученіи аналитической геометріи слушателями академіи. Академическая программа начинается съ ученія о кругѣ, затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію общаго уравненія второй степени, подробному изученію кривыхъ втораго порядка и т. д. При этомъ предполагается, что общее введеніе въ аналитическую геометрію и ученіе о прямой линіи извѣстно слушателямъ изъ училищнаго курса, и что страннѣе всего, въ программу пріемнаго экзамена совершенно отрывочно включены еще нѣкоторые вопросы, относящіеся къ геометрическимъ приложеніямъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Но мы сейчасъ видѣли, что курсы аналитической геометріи и дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій въ Морскомъ училищѣ, по самому свойству руководства, обязательнаго для преподавателя по первому предмету и по количеству назначаемаго на послѣдній предметъ учебнаго времени, обставлены не вполнѣ удовлетворительно. Слѣдовательно можно сказать, что начала этихъ предметовъ усвоиваются воспитанниками вовсе не въ томъ строго научномъ духѣ, который желательно было бы сообщить имъ. Отличаясь неполнотою и отрывочностью въ изложеніи началъ науки, программа вступительнаго экзамена заключаетъ въ послѣдующихъ своихъ частяхъ много лишняго, или, по крайней мѣрѣ, такого, что вновь и гораздо основательнѣе и глубже проходится въ академіи въ курсѣ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Здѣсь мы говоримъ о всѣхъ отдѣлахъ вступительной программы, начиная съ V и оканчивая послѣднимъ, VII включительно. При существующемъ порядкѣ часть аналитической геометріи и притомъ ничтожная по объему и мало удовлетворительная со стороны научнаго содержанія, проходится за три года до окончанія курса въ Морскомъ училищѣ. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ она наскоро повторяется офицеромъ, экзаменующимся въ академію и уже только послѣ этого слушатель начинаетъ знакомиться съ систематическимъ, строго-научнымъ академическимъ изложеніемъ предмета и притомъ не сначала, а почти съ середины (съ ученія о кругѣ). Не лучше ли, вмѣсто всей

этой путаницы, требовать отъ экзаменующихся систематическаго и полнаго знанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Это требованіе, не обременяя способнаго молодаго человѣка непосильнымъ трудомъ, заставитъ его самостоятельно ознакомиться съ нѣкоторымъ вполнѣ законченнымъ научнымъ цѣлымъ, сообщитъ ему весьма цѣнный въ смыслѣ подготовки къ дальнѣйшему курсу матеріалъ, дастъ ему возможность, еще до поступленія въ академію, испробовать свои силы въ отношеніи самодѣятельнаго пріобрѣтенія научныхъ знаній и, въ то же время, доставитъ экзаменаторамъ прекрасное средство для удостовѣренія въ способности кандидата къ самостоятельному труду, безъ примѣненія котораго, при предлагаемомъ нами порядкѣ, кандидатъ, очевидно, не могъ бы удовлетворительно сдать экзаменъ. Сверхъ того, перенесеніе всей аналитической геометріи двухъ измѣреній въ программу вступительнаго экзамена замѣтно сократило бы курсъ этого предмета въ академіи, такъ какъ изложеніе ея можно было бы начать прямо съ геометріи трехъ измѣреній, что дало бы возможность ускорить усвоеніе слушателями другихъ предметовъ, а это составляетъ не маловажную выгоду.

Можно было бы подвергнуть подробному пересмотру программы и другихъ предметовъ вступительнаго экзамена, но такъ какъ и сказанное уже достаточно выясняетъ сущность нашего взгляда на характеръ пріемнаго испытанія, то мы и не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности этого вопроса, которыя, лучше всего, могутъ быть обсужены и установлены конференціею академіи. Не можемъ, однакоже, не указать еще на одну частность, относящуюся къ самому производству экзамена. Испытаніе кандидатовъ въ академію непремѣнно должно производиться профессорами академіи, а не посторонними лицами, которые могутъ быть, въ случаѣ надобности, допускаемы къ экзамену не иначе, какъ только въ качествѣ ассистентовъ. Это необходимо для того, чтобы профессора академіи имѣли случай предварительно ознакомиться съ будущими своими слушателями. Сверхъ того, профессора, ближе всякаго другаго лица заинтересованные стро-

гимъ выполненіемъ экзаменныхъ требованій, конечно, будутъ лучшими экзаменаторами, нежели лица, не связанныя съ академіею. Не слѣдуетъ упускать изъ виду испытаннаго педагогическаго правила—«кто экзаменуетъ, тотъ и хозяинъ преподаванія».

Обращаемся къ вопросу: «принимать ли слушателей въ академію тотчасъ послѣ выпуска ихъ изъ училищъ морскаго вѣдомства, или черезъ опредѣленное число лѣтъ службы»?

Первоначально вопросъ этотъ, на основаніи «положенія объ академическомъ курсѣ морскихъ наукъ», рѣшался слѣдующимъ образомъ: въ академію допускались «офицеры, прослужившіе не менѣе 2-хъ лѣтъ на дѣйствительной службѣ, включая сюда гардемаринскую и кондукторскую. Сверхъ того, требовалось еще отъ поступающихъ на гидрографическое отдѣленіе не менѣе двухъ трехмѣсячныхъ плаваній, для кораблестроительнаго—не менѣе 12-ти мѣсяцевъ пребыванія при кораблестроительныхъ работахъ, для механическаго—не менѣе 12-ти же мѣсяцевъ пребыванія на механическихъ заводахъ, или на судахъ въ должности помощника судоваго механика (*)». Впослѣдствіи (**) постановлено къ слушанію лекцій въ академическій курсъ допускать «въ гидрографическое отдѣленіе офицеровъ флота и корпуса флотскихъ штурмановъ, если они сдѣлали не менѣе двухъ трехъмѣсячныхъ плаваній, а въ кораблестроительное и механическое отдѣленія офицеровъ флота и всѣхъ корпусовъ», безъ всякихъ ограниченій сроками службы, или занятіями при кораблестроительныхъ работахъ, или на заводахъ. Такъ какъ между этими двумя постановленіями прошло нѣсколько лѣтъ, то, вѣроятно, опытъ привелъ къ заключенію, что полезнѣе уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить требованія, ограничивающія права на поступленіе въ академію въ зависимости отъ сроковъ службы и т. д. Уже это одно обстоятельство, конечно, много говоритъ въ пользу отмѣны дѣй-

---

(*) См. приказъ Управляющаго Морск. министерствомъ объ учрежденіи академическаго курса морскихъ наукъ.

(**) См. приказъ Управляющаго Морск. министерствомъ отъ 23 августа 1874 г. № 119.

ствующихъ еще ограниченій, но чтобы не упустить ничего существенно важнаго въ такомъ серіозномъ дѣлѣ, какъ условія пріема въ академію, разсмотримъ этотъ вопросъ въ подробности. Для этого допустимъ, что доступъ въ академію обусловливается разными ограниченіями и разсмотримъ возможныя и вѣроятныя слѣдствія такого порядка. Чтобы попасть въ академію прежде всего нужно быть офицеромъ (не гардемариномъ и не кондукторомъ), слѣдовательно придется прослужить два года. Допустимъ, что въ теченіе этого времени гардемарину удастся сдѣлать двѣ трехмѣсячныя кампаніи, что можетъ и не состояться для нѣкоторыхъ, особенно послѣ прекращенія бывшихъ прежде регулярныхъ практическихъ гардемаринскихъ и кондукторскихъ плаваній. Такимъ образомъ со времени выпуска изъ училища пройдетъ, по меньшей мѣрѣ, два года. Можетъ случиться, и такъ непремѣнно и будетъ для половины всѣхъ служащихъ во флотѣ при двухлѣтнемъ курсѣ въ академіи, что ко времени истеченія установленнаго срока службы—пріема въ академію не будетъ. Придется, слѣдовательно, ждать еще одинъ годъ, а всего три года. Средній возрастъ поступающихъ въ общій классъ Морскаго училища около 17-ти лѣтъ, а средній возрастъ выходящихъ будетъ слѣдовательно около 21 года. Поэтому возрастъ поступающаго въ академію, при указанныхъ сейчасъ условіяхъ, будетъ 23—24 года; но для многихъ онъ можетъ быть еще болѣе и только для нѣкоторыхъ, именно тѣхъ, которые выслужатъ свои два года какъ разъ къ срочному пріему въ академію, будетъ менѣе на одинъ годъ. Нельзя не выразить опасенія, что для многихъ въ такомъ возрастѣ вообще уже неудобно приниматься на серіозное образованіе. Наши законы признаютъ гражданскую правоспособность лица по достиженіи имъ 21 года, а по достиженіи 25 лѣтняго возраста законъ предоставляетъ лицу право служить по выборамъ и занимать очень вліятельный и важный постъ мироваго судьи и т. п. Слѣдовательно, въ 25 лѣтъ человѣкъ признается у насъ уже вполнѣ зрѣлымъ, да это и справедливо въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Молодой человѣкъ поступающій въ академію, очевидно, дѣлаетъ еще только первый шагъ для составленія будущей своей карьеры,

которая, окончательно, опредѣлится для него только по истеченіи нѣкотораго времени послѣ окончанія академическаго курса. Слѣдовательно, при трехлѣтнемъ курсѣ въ академіи, положеніе офицера только еще начнетъ выясняться для него въ 27, 28 лѣтъ, т. е. къ тридцати годамъ. Это слишкомъ поздно и многіе не въ состояніи будутъ такъ долго ждать. Можно съ увѣренностью сказать, что обычная малочисленность слушателей въ академіи въ значительной мѣрѣ обусловливалась и обусловливается до сихъ поръ именно этимъ обстоятельствомъ. Дѣйствительно, если молодой офицеръ, по выходѣ изъ Морскаго училища, твердо рѣшается посвятить себя настоящей морской службѣ, то, кончивъ курсъ, примѣрно, въ 21 годъ, онъ, не пропуская представляющихся случаевъ быть въ плаваніи, а, напротивъ, всѣми мѣрами пользуясь ими, имѣетъ полную возможность къ тридцати годамъ составить себѣ хорошую и прочную репутацію, какъ морской офицеръ. Служебное положеніе его во флотѣ вполнѣ опредѣлится, между тѣмъ, какъ его товарищъ, поступившій въ академію, къ тому времени только лишь начнетъ свою настоящую дѣйствительную службу и, въ большинствѣ случаевъ, конечно, останется назади, какъ это и подтверждается множествомъ примѣровъ. Съ другой стороны, по незначительности распространенія въ отечествѣ нашемъ сколько нибудь серіознаго образованія, крайней бѣдности въ людяхъ и вытекающей отсюда сравнительной легкости пріобрѣтенія занятій какъ въ частной, такъ и въ правительственной службѣ, болѣе или менѣе хорошо обезпечивающихъ молодаго человѣка на первыхъ же порахъ его дѣятельности, въ особенности, если онъ получилъ сколько нибудь основательное и притомъ съ практическимъ направленіемъ образованіе, каково образованіе морскихъ офицеровъ, многіе, по выходѣ изъ училища, оставляютъ морскую службу, основательно расчитывая черезъ немного лѣтъ совершенно упрочить свое положеніе, что, обыкновенно, и достигается людьми сколько нибудь способными и дѣятельными. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что дѣйствующія положенія, отдаляя время поступленія молодыхъ офицеровъ въ академію, чувствитель-

нымъ образомъ уменьшаютъ число лицъ, посвящающихъ себя высшему морскому образованію. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ училища, не успѣвшій составить себѣ никакого опредѣленнаго положенія, не окунувшійся еще въ служебную и житейскую практику, которыя, особенно у насъ, имѣютъ неоспоримое свойство дѣйствовать самымъ отрезвляющимъ образомъ на всякія идеальныя стремленія, а въ томъ числѣ и на стремленіе къ знанію, молодой человѣкъ, еще не успѣвшій связать себя никакими семейными и т. п. обязанностями, совершенно свободный, не пріобрѣвшій еще никакихъ, осложняющихъ жизнь привычекъ и, въ то же время, еще не отвыкшій отъ регулярнаго умственнаго труда, еще недавно наполнявшаго все его время, конечно, скорѣе пойдетъ въ академію, нежели офицеръ, уже послужившій нѣсколько лѣтъ, успѣвшій проложить себѣ болѣе или менѣе опредѣленную служебную дорогу, убѣдившійся собственнымъ опытомъ и примѣромъ другихъ, что и безъ науки можно скоро и хорошо устроиться въ жизни, связавшій себя разными житейскими обязанностями, имѣющій уже совершенно сложившіеся взгляды, привычки и потребности, наконецъ и отвыкшій отъ регулярныхъ теоретическихъ умственныхъ занятій, къ которымъ наша русская жизнь въ большинствѣ случаевъ и не предрасполагаетъ. Безъ сомнѣнія, такой человѣкъ едвали рѣшится оторваться отъ привычнаго ему образа жизни и дѣятельности, ради пріобрѣтенія высшаго научнаго образованія, въ будущемъ не обѣщающаго ничего, кромѣ усиленнаго труда, хотя и весьма благотворнаго по своимъ духовнымъ послѣдствіямъ, но, въ большинствѣ случаевъ, не сопровождающагося никакими практическими, осязательными благами, а въ настоящемъ не рѣдко сопряженнаго даже съ чувствительными матеріальными потерями. Для объясненія послѣднихъ словъ позволю себѣ указать на то, что хотя слушатели академіи (однакоже только первые десять на гидрографическомъ и первые пять на остальныхъ отдѣленіяхъ) и получаютъ усиленное денежное содержаніе, но оно оказывается меньшимъ того, которое получилъ бы офицеръ, находящійся въ плаваніи не только за-

граничномъ, но даже и продолжительномъ внутреннемъ. На это обратилъ мое вниманіе одинъ изъ молодыхъ академистовъ, какъ на обстоятельство, могущее имѣть и дѣйствительно имѣющее существенное вліяніе на рѣшеніе многихъ поступать, или не поступать въ академію. Хотя, по нашему мнѣнію, было бы, можетъ быть, и несправедливо и не раціонально привлекать въ академію слушателей посредствомъ значительнаго увеличенія денежнаго ихъ содержанія, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что молодой человѣкъ съ слабою волею легко можетъ поддаться искушенію предпочесть лучшее матеріальное положеніе въ настоящемъ, невѣрнымъ и гадательнымъ благамъ въ будущемъ, по пословицѣ, «лучше синица въ рукахъ, нежели журавль въ небѣ». Если принять въ соображеніе, что жизнь въ Петербургѣ гораздо дороже сравнительно съ жизнью въ другихъ городахъ и особенно въ плаваніи, то нельзя не согласиться, что указанное сейчасъ обстоятельство представляется имѣющимъ значеніе.

И такъ мы склоняемся къ тому взгляду, что, въ интересахъ наибольшаго распространенія высшаго морскаго образованія во флотѣ и обезпеченія академіи достаточнымъ числомъ слушателей, полезно было бы совершенно уничтожить существующія правила, установляющія извѣстные сроки службы и тому подобныя ограниченія права на поступленіе въ академію. Такой порядокъ кажется намъ предпочтительнѣе еще и потому, что устранитъ существующую неодинаковость правилъ для офицеровъ, поступающихъ на разные отдѣлы академіи. Въ настоящее время для поступленія на гидрографическое отдѣленіе больше требованій, нежели для поступленія на прочіе отдѣлы. Эта разнородность требованій отъ офицеровъ, поступающихъ въ одно и то же учебное учрежденіе, неудобна сама по себѣ, несправедлива и, сверхъ того, если на будущее время принята будетъ система распредѣленія слушателей по факультетамъ по истеченіи перваго академическаго года, окажется совершенно несовмѣстною и съ самою организаціею академіи, такъ какъ вновь поступившій слушатель еще не рѣшилъ окончательно какую именно спеціальность изберетъ онъ по окончаніи перваго, общаго курса.

Нашему мнѣнію могутъ противопоставить мотивы, вызвавшіе разсматриваемыя ограниченія. Хотя намъ и неизвѣстно вполнѣ, что именно заставило установить существовавшія и существующія еще ограниченія, однако мы постараемся разобрать тѣ соображенія въ ихъ пользу, которыя кажутся намъ наиболѣе вѣроятными и наиболѣе благовидными. Сущность этихъ мотивовъ обнаруживается, если не ошибаюсь, изъ самой формы установленныхъ ограниченій. Выше мы приводили содержаніе относящагося къ разсматриваемому предмету § 2 «положенія объ академическомъ курсѣ». Изъ этого постановленія видно, что первоначально ограниченія были двоякія: вопервыхъ отъ всѣхъ слушателей требовались два года службы и вовторыхъ, сверхъ того, каждый слушатель обязанъ былъ, до поступленія въ академію, ознакомиться практически съ тою спеціальностью, научному изученію которой онъ себя посвящалъ: такъ, поступающій на гидрографическое отдѣленіе обязанъ былъ сдѣлать не менѣе двухъ трехмѣсячныхъ плаваній, кораблестроитель—пробыть не менѣе 12-ти мѣсяцевъ при работахъ и т. п. Отсюда, если не ошибаюсь, слѣдуетъ, что основными мотивами ограниченій были: вопервыхъ—намѣреніе подвергнуть испытанію временемъ наклонность молодаго человѣка къ серіознымъ научнымъ занятіямъ и вовторыхъ — мнѣніе, что высшее научное изученіе теоріи морскаго дѣла не можетъ имѣть мѣста безъ предварительнаго знакомства съ этимъ дѣломъ на практикѣ. Разберемъ тщательно то и другое. Нельзя оспаривать, что если человѣкъ, достигшій зрѣлаго возраста и уже испытавшій жизнь, рѣшается отдаться той или другой опредѣленной дѣятельности, то принятое имъ рѣшеніе, по всей вѣроятности, болѣе обдуманно, болѣе прочно, болѣе устойчиво, нежели порывы и неопредѣленныя начинанія юноши. Съ этой точки зрѣнія, конечно, вполнѣ справедливо, что офицеръ, уже послужившій и рѣшающійся, однакоже, прервать свою служебную дѣятельность для академическихъ занятій, при хорошей подготовкѣ и способностяхъ, представляетъ болѣе всякаго другаго гарантій за то, что потраченныя на образованіе его въ академіи силы и средства не пропадутъ даромъ. Но отсюда, безъ явнаго и

рѣзкаго нарушенія законовъ логики, никакъ нельзя заключать, что всякій молодой, начинающій свое поприще офицеръ негоденъ для академіи. Единственное правильное заключеніе изъ сказаннаго сейчасъ, только то, что крайне нерасчетливо и ошибочно преграждать доступъ въ академію офицерамъ, прослужившимъ большій или меньшій срокъ, какъ это было принято въ прежнихъ офицерскихъ классахъ, куда можно было поступить только прямо по выходѣ изъ Морскаго корпуса. Отмѣна этого правила, несомнѣнно, была существеннымъ улучшеніемъ постановленій, относящихся къ условіямъ пріобрѣтенія высшаго морскаго образованія. Но, какъ часто бываетъ, въ силу закона противодѣйствія, отмѣна одного ограниченія повлекла за собою установленіе другого, съ характеромъ совершенно противоположнымъ первому — постановили принимать въ академію только тѣхъ, кто прослужилъ извѣстный срокъ. При этомъ, повидимому, были совершенно упущены многія обстоятельства, существованіе которыхъ совсѣмъ не оправдывало принятаго ограниченія. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемое ограниченіе было бы вполнѣ основательно, еслибы академія имѣла передъ собою прежній Морской корпусъ. Тогда, дѣйствительно, неблагоразумно было бы принимать въ академію слушателей, непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ ими кадетскаго курса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, припомнимъ прежній Морской корпусъ. Въ него можно было поступить 10-ти лѣтъ и окончить курсъ 17-ти. Были случаи окончанія курса даже въ 16-ть лѣтъ. Не только при поступленіи въ корпусъ, но даже и при выходѣ изъ него, не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь сознательномъ отношеніи мальчика-кадета, почти ребенка и юноши-офицера, едва выступившаго изъ отроческаго возраста, къ той спеціальности, къ которой предназначали его случай, воля родителей и распоряженія начальства. Безъ сомнѣнія, ни родители, ни начальство, ни, наконецъ, даже и самъ отрокъ-офицеръ не могли составить себѣ даже и приблизительно вѣроятнаго плана будущей карьеры и дѣятельности молодаго мичмана. Издавна существовало правило и обычай, что первые десять вновь произведенныхъ мичмановъ остаются въ офицерскихъ классахъ и послѣ трехлѣт-

няго пребыванія въ нихъ выпускаются во флотъ съ производствомъ въ лейтенанты. Пробывъ съ дѣтства въ стѣнахъ строго-закрытаго военно-учебнаго заведенія, привыкнувъ къ пассивному исполненію множества правилъ, регулирующихъ всѣ подробности и мелочи корпусной жизни, нерѣдко вполнѣ отрѣшенный отъ всего, что совершается за стѣнами корпуснаго зданія, не имѣющій никакого понятія о дѣйствительной жизни, которая, въ глазахъ кадета, подъ вліяніемъ всего окружающаго, отождествлялась съ процессомъ прохожденія службы, а этотъ процессъ выражался послѣдовательнымъ пріобрѣтеніемъ чиновъ; юноша, вышедши изъ корпуса, безъ всякихъ серіозныхъ размышленій, къ которымъ, по правдѣ сказать, онъ вовсе не былъ и пріучаемъ, вполнѣ пассивно, какъ дѣлалъ и все до тѣхъ поръ, поступалъ въ офицерскіе классы, отбывалъ въ нихъ свои три года и только уже послѣ, столкнувшись съ дѣйствительностью и службою, начиналъ, мало по малу, сознательно вникать въ свое положеніе и обдумывать свое настоящее и будущее. Въ результатѣ часто оказывалось, что все прошлое было или ошибкою, или ненужною случайностью, что нужно какъ можно скорѣе отрѣшиться и отъ него, и отъ настоящаго, и начать что нибудь совсѣмъ новое, болѣе соотвѣтствующее выяснившимся наконецъ потребностямъ и стремленіямъ. Нѣтъ надобности распространяться о всѣхъ пагубныхъ послѣдствіяхъ такого порядка вещей, памятнаго еще многимъ. Весьма естественно, что съ преобразованіемъ офицерскихъ классовъ въ академію явилось сильное и твердое желаніе устранить, или какъ можно болѣе ослабить указанное сейчасъ зло; но въ стремленіи къ этой благой цѣли, какъ почти всегда случается когда реформа слишкомъ запаздываетъ, давая все болѣе и болѣе накопляться тому или другому злу, изъ одной крайности впали въ другую, установленіемъ правила допускать офицеровъ къ высшему морскому образованію только по истеченіи извѣстнаго срока службы. Но такое постановленіе, вполнѣ отвѣчавшее прежнимъ условіямъ предварительнаго морскаго образованія и на первыхъ порахъ не дававшее чувствовать сопряженныхъ съ нимъ неудобствъ, пока флотъ нашъ переживалъ переходную эпоху и списки мичмановъ и молодыхъ лейтенантовъ состояли

еще сплошь изъ питомцевъ прежняго Морскаго корпуса, является въ настоящее время, послѣ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, мѣрою, такъ сказать, преувеличенною (*). Дѣйствительно если мы оставимъ пока въ сторонѣ недавно учрежденные при Морскомъ училищѣ и вовсе не существующіе въ Техническомъ училищѣ морскаго вѣдомства приготовительные классы, а остановимся только на тѣхъ воспитанникахъ, которые поступаютъ прямо въ нормальные классы морскихъ училищъ, то увидимъ слѣдующее: средній возрастъ поступающаго въ училища 16—17 лѣтъ, т. е. почти равный тому, въ которомъ воспитанники прежняго Морскаго корпуса могли быть производимы въ офицеры. До поступленія въ Морское училище воспитанникъ кончаетъ пять классовъ гимназіи, слѣдовательно, вопервыхъ, пріобрѣтаетъ нѣкоторое общее развитіе, а вовторыхъ, и это очень важно, пробывъ въ большинствѣ случаевъ годы отрочества и первой юности не въ замкнутой и стѣсняющей умственное и нравственное развитіе средѣ закрытаго военно-учебнаго заведенія, а въ сферѣ семейной и общественной, пріобрѣтаетъ, конечно, много вѣроятностей для правильнаго и удачнаго выбора дѣятельности, соотвѣтственно своимъ склонностямъ, характеру и общественному положенію той семьи, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію и состоянію. Безъ сомнѣнія, и при этихъ условіяхъ возможны ошибки, но онѣ будутъ уже гораздо менѣе часты. Кромѣ того юношѣ, поступившему въ Морское училище, остается пробыть въ немъ четыре года, въ теченіе которыхъ, по мѣрѣ физическаго и умственнаго роста, наклонности и стремленія будутъ все болѣе и болѣе выясняться, а ежегодныя практическія плаванія дадутъ возможность не только ознакомиться съ подробностями морской службы, но и провѣрить сдѣланный шагъ, опредѣлить свое дѣйствительное отношеніе къ профессіи моряка. Если метода воспитанія въ морскихъ училищахъ, независимо отъ удовлетворенія общимъ педагогическимъ требованіямъ, направлена еще въ особен-

---

(*) Высказанная сейчасъ мысль вполнѣ согласуется и съ тѣмъ фактомъ, что число слушателей Морской академіи тотчасъ послѣ ея открытія было наибольшее, а затѣмъ оно постепенно уменьшалось и кажется только въ послѣднее время опять начинаетъ увеличиваться.

ности къ тому, чтобы не стѣсняя, а напротивъ, какъ можно болѣе развивая самодѣятельность и самостоятельность молодыхъ людей, въ то же время какъ можно полнѣе и откровеннѣе, практически и дѣйствительно знакомить ихъ съ настоящими требованіями военно-морской дисциплины, и подробностями военно-морской службы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ко времени окончанія курса, молодой человѣкъ, достигшій 20-ти лѣтняго возраста, успѣетъ вполнѣ выяснить свое личное отношеніе къ спеціальности моряка: онъ, или окончательно рѣшится посвятить себя ей, или, придя къ заключенію, что ошибся въ сдѣланномъ выборѣ, конечно, воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ для перемѣны рода дѣятельности. Какой бы длинный срокъ ни назначался между выпускомъ изъ училищъ и поступленіемъ въ академію съ цѣлью испытанія наклонности молодаго офицера къ высшему морскому образованію, можно быть увѣреннымъ, что при изложенныхъ сейчасъ условіяхъ, тотъ, кто склоненъ былъ поступить въ академію тотчасъ послѣ выпуска изъ училища и поступитъ въ нее, если служба не отвратитъ его отъ этого намѣренія, а тотъ, кто не былъ къ этому расположенъ, или оставался во флотѣ только въ ожиданіи удобнаго случая для перемѣны дѣятельности, никогда и не поступитъ въ академію. Такимъ образомъ, окончательно, мы думаемъ, что разсматриваемыя постановленія, не привлекая въ академію ни одного лишняго слушателя, напротивъ того, способствуютъ уменьшенію числа ихъ, такъ какъ, затягивая молодыхъ офицеровъ, первоначально расположенныхъ къ высшему морскому образованію, въ служебную практику, отклоняютъ ихъ отъ пути, по которому они непремѣнно пошли бы при другихъ условіяхъ. Что касается части воспитанниковъ собственно Морскаго училища, которая переходитъ черезъ приготовительные классы, то къ ней, конечно, не могутъ быть вполнѣ примѣнены высказанныя сейчасъ соображенія. Но такъ какъ способы формированія приготовительныхъ классовъ и совершенная исключительность условій воспитанія и образованія поступающихъ въ нихъ воспитанниковъ не допускаютъ ни малѣйшей возможности установить такую систему пріема въ

академію, которая (т. е. система) была бы способна служить исправленіемъ невыгодныхъ послѣдствій порядка, проистекающаго отъ существованія приготовительныхъ классовъ, то было бы неосновательно усложнять условія пріема въ академію какими либо особыми, новыми требованіями, зависящими отъ системы приготовительныхъ классовъ. Подчиненіе офицеровъ первой категоріи, т. е. не прошедшихъ черезъ приготовительные классы, ограниченіямъ, которыя, можетъ быть, были бы полезны для офицеровъ второй категоріи, не удобное въ практическомъ отношеніи, было бы и крайне несправедливо, а потому и вредно для дѣла высшаго морскаго образованія. Оно было бы несправедливо прежде всего потому, что приготовительные классы существуютъ только при одномъ Морскомъ училищѣ, а между тѣмъ въ Морскую академію могутъ поступать слушатели и изъ Техническаго училища, и изъ юнкеровъ. Техническое училище по всей вѣроятности, будетъ служить даже главнымъ источникомъ для формированія гидрографическаго и инженернаго отдѣленій академіи. Сверхъ того, для поступленія въ общіе классы Морскаго училища требуется гораздо болѣе серіозный экзаменъ и необходимо выдвинуться изъ многочисленной массы конкурентовъ, общее число которыхъ, обыкновенно, значительно больше числа имѣющихся вакансій, тогда какъ поступленіе въ приготовительные классы хотя и обусловливается нѣкоторою конкуренціею, но дѣйствіе ея если не уничтожается вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно ослабляется системою разрядовъ. Поступленіе въ приготовительный классъ обусловливается, главнымъ образомъ, происхожденіемъ экзаменующагося, его принадлежностью къ тому или другому привиллегированному разряду, т. е. обстоятельствами случайными и внѣшними, вообще не имѣющими ничего общаго съ внутренними, нравственными и умственными достоинствами лица, тогда какъ поступленіе въ общій классъ обусловливается только дѣйствительными, внутренними личными достоинствами конкурента, которыя, по закону, одни только и должны приниматься въ соображеніе при окончательной оцѣнкѣ результатовъ пріемнаго испытанія.

Наконецъ исторія постепеннаго развитія образовательныхъ учебныхъ учрежденій вообще и ихъ отношеній къ государству и обществу, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и въ другихъ странахъ, и исторія преобразованій, пережитыхъ нашимъ Морскимъ училищемъ въ частности, должны привести всякаго объективнаго и безпристрастнаго изслѣдователя къ несомнѣнному заключенію, что система приготовительныхъ классовъ при спеціальныхъ училищахъ, основанная на началахъ принятыхъ для Морскаго училища, есть явленіе можетъ быть и неизбѣжное, какъ историческій фактъ связанный съ извѣстною эпохою, но, во всякомъ случаѣ, ненормальное, временное, непрочное, недолговѣчное, которое непремѣнно, рано или поздно, уступитъ мѣсто иному, болѣе раціональному порядку вещей. Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя доказательства высказанной сейчасъ мысли, такъ какъ это не относится къ ближайшей нашей цѣли, но при всестороннемъ обсужденіи поставленнаго Комитетомъ морскихъ учебныхъ заведеній вопроса, о правилахъ пріема въ Морскую академію, сознательное умолчаніе о сказанномъ сейчасъ свидѣтельствовало бы, по меньшей мѣрѣ, о неправильномъ отношеніи къ поставленному вопросу. Если же такова несомнѣнная судьба приготовительныхъ классовъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, то было бы не предусмотрительно и не расчетливо строить организацію Морской академіи въ зависимости отъ подобнаго учрежденія. Итакъ мы приходимъ къ заключенію, что нѣтъ никакой надобности, въ видахъ испытанія наклонности молодаго офицера къ высшему образованію, назначать какой либо опредѣленный срокъ службы для пріобрѣтенія права на поступленіе въ академію. Съ другой стороны совершенно очевидно, что не представляется также никакой нужды назначать особый срокъ службы и для потери права на поступленіе въ академію и это потому, что разъ признавъ пользу высшаго морскаго образованія, было бы непослѣдовательно, въ то же время, стѣснять распространеніе этого образованія въ средѣ морскихъ офицеровъ. Мы думаемъ даже, что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ ограниченій въ зависимости и отъ чина лица, желающаго

поступить въ академію. Будетъ ли это лицо оберъ-офицеръ, или штабъ-офицеръ, нѣтъ никакого раціональнаго основанія стѣснять его право на пріобрѣтеніе высшаго спеціальнаго образованія, если лицо это удовлетворяетъ требованіямъ пріемнаго испытанія и обнаруживаетъ способность къ занятіямъ, что выяснится окончательно тотчасъ по истеченіи перваго же академическаго года. Если въ военной академіи существуетъ противоположное правило, то оно оправдывается только тѣмъ, что окончаніе курса тамъ влечетъ за собою производство въ слѣдующій чинъ, Морская же академія не даетъ такого права, да едва ли будетъ полезно установлять подобное право и въ будущемъ; поэтому допущеніе въ академію даже штабъ офицера не повлечетъ за собою никакихъ практическихъ неудобствъ. На дѣлѣ, случаи поступленія штабъ офицеровъ въ академію будутъ крайне рѣдки и слѣдовательно не представляется никакого основанія опасаться, что отмѣна ограниченій, зависящихъ отъ чина, вызоветъ наплывъ въ академію штабъ-офицеровъ. Между тѣмъ нельзя оспаривать, что въ нѣкоторыхъ, хотя и исключительныхъ, но возможныхъ въ военной службѣ случаяхъ, можно достигнуть чина капитанъ-лейтенанта въ такихъ молодыхъ годахъ, когда еще не ушло время для систематическихъ научныхъ занятій (*). Для чего же спрашивается установлять законъ, ограничивающій нѣкоторыя права лицъ извѣстной категоріи, когда громадное большинство этихъ лицъ, по естественному порядку вещей, и безъ того не имѣютъ и не будутъ имѣть наклонности къ осуществленію этихъ правъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ законъ стѣснитъ такихъ людей, которые могли бы воспользоваться разсматриваемымъ правомъ съ пользою какъ для себя, такъ и для службы. Чѣмъ шире законъ и чѣмъ менѣе вызываетъ онъ поводовъ къ исключеніямъ, тѣмъ онъ прочнѣе и тѣмъ благотворнѣе его вліяніе. Итакъ разборъ перваго изъ двухъ допущенныхъ выше мотивовъ, вы-

---

(*) Въ Англіи, къ высшему спеціальному морскому образованію допускаются офицеры не только младшихъ, но и старшихъ чиновъ. См. статью Лофтона въ «Морск. Сб.» 1875 г. № 11.

звавшихъ установленіе ограниченій права поступленія въ академію, привелъ насъ къ заключенію, что такое ограниченіе, въ смыслѣ испытанія, или искуса, совершенно излишне, а по своимъ практическимъ послѣдствіямъ скорѣе вредно, нежели полезно.

Разсмотримъ теперь второй мотивъ, выражающійся во взглядѣ, что высшее научное изученіе теоріи морскаго дѣла не можетъ имѣть мѣста безъ предварительнаго практическаго знакомства съ этимъ дѣломъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что никакой предметъ не можетъ быть изучаемъ научно-теоретически, безъ предварительнаго ознакомленія съ нимъ путемъ чувственнаго познаванія и безъ накопленія достаточнаго числа конкретныхъ представленій о предметѣ, могущихъ служить исходною точкою и опорою дальнѣйшаго систематическаго, болѣе и болѣе отвлеченнаго и научнаго изученія его. Это положеніе, служащее кореннымъ основаніемъ всѣхъ новѣйшихъ методовъ обученія, примѣненное своевременно и въ надлежащей мѣрѣ, составляетъ необходимое условіе успѣшности преподаванія. Но положеніе это главнымъ образомъ примѣняется только къ начальному, элементарному образованію и, при неосторожномъ отношеніи къ нему, уже въ среднеобразовательномъ курсѣ, становится источникомъ многихъ пагубныхъ для образованія послѣдствій. При неумѣстномъ и излишнемъ примѣненіи, оно задерживаетъ успѣхи ученика, сообщаетъ ему дурныя умственныя привычки, обременяетъ его массою конкретнаго матеріала, накопляющагося случайно, безъ всякой системы и логической связи и, въ концѣ концовъ, дѣлаетъ его, наконецъ, совершенно не воспріимчивымъ къ широкимъ и отвлеченнымъ соображеніямъ, составляющимъ главное достоинство и силу всякой науки. По нашему мнѣнію, болѣе нежели неосновательно выражать опасеніе, что молодой человѣкъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, окончившій достаточно обширный теоретико-практическій курсъ предварительнаго морскаго образованія, сдѣлавшій, по меньшей мѣрѣ, три учебныхъ плаванія, признанный самымъ фактомъ производства въ офицеры достаточно подготовленнымъ даже для того, чтобы на-

чать отвѣтственную служебную дѣятельность, могъ быть, въ то же время, признаваемъ неподготовленнымъ къ болѣе глубокому, научному изученію тѣхъ самыхъ предметовъ, съ элементами которыхъ онъ успѣлъ уже вполнѣ ознакомиться изъ четырехъ-лѣтняго курса одного изъ морскихъ училищъ, занимающихъ въ системѣ нашихъ образовательныхъ учрежденій мѣсто не низшее, сравнительно напримѣръ, съ реальными училищами, питомцы которыхъ, при удовлетворительномъ окончаніи ими курса, считаются достаточно подготовленными къ курсу высшихъ спеціальныхъ институтовъ. Какъ согласить между собою два, явно противорѣчащія другъ другу положенія: по одному изъ нихъ окончаніе курса, напримѣръ, въ Морскомъ училищѣ, признается достаточно подготовляющимъ молодаго человѣка къ отвѣтственной служебной дѣятельности, а по другому, въ то же время, признается, что то же лицо, при тѣхъ же условіяхъ, оказывается еще не состоятельнымъ даже и для того, чтобы продолжать научно-теоретическія занятія по спеціальности, съ основаніями которой онъ успѣлъ уже ознакомиться и теоретически и практически. Одно изъ двухъ, или окончаніе курса въ Морскомъ училищѣ и сопряженная съ этимъ теоретическая и практическая подготовка въ морскомъ дѣлѣ достаточны для поступленія въ академію, или, будучи недостаточны для этой цѣли, тѣмъ болѣе должны быть признаны недостаточными же и для поступленія на дѣйствительную, отвѣтственную службу и, въ послѣднемъ случаѣ, настоитъ явная необходимость въ коренномъ переустройствѣ всѣхъ морскихъ учебныхъ заведеній, какъ неудовлетворяющихъ прямому ихъ назначенію. Но думать такъ значитъ впадать въ явное преувеличеніе и противорѣчіе. А въ такомъ случаѣ, какой же смыслъ имѣютъ принятыя академическими правилами ограниченія? Великое значеніе науки и теоріи въ томъ именно и состоитъ, что своевременное и умѣстное изученіе ея облегчаетъ и ускоряетъ усвоеніе практики и вноситъ въ эту послѣднюю: систему, порядокъ, гармонію и стройность, безъ которыхъ практика даетъ только грубый сборъ частныхъ фактовъ, масса которыхъ дѣйствуетъ на умъ не просвѣтляющимъ и разъясняю-

щимъ, а скорѣе разсѣивающимъ и подавляющимъ образомъ. Въ главѣ IV мы имѣли случай пространно выяснить сущность отношенія искуства къ наукѣ, практики къ теоріи. Не повторяя сказаннаго тамъ, спѣшимъ предупредить, что высказываясь единственно противъ преувеличенія роли практики, мы вовсе не отвергаемъ громаднаго значенія ея въ различныхъ спеціальныхъ отрасляхъ морскаго дѣла и, вмѣстѣ со всѣми, твердо убѣждены, что для успѣховъ академіи необходимо самое широкое развитіе въ ней практическихъ занятій. Но эти практическія занятія, идя рука объ руку съ теоретическимъ изученіемъ дѣла, должны быть вызываемы, систематизируемы и регулируемы наукою и не имѣютъ ничего общаго съ случайнымъ и отрывочнымъ накопленіемъ практическихъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ болѣе или менѣе пассивнымъ образомъ человѣкомъ подчиненнымъ, (ибо такова именно роль молодаго офицера на первыхъ порахъ его служебной практики), присутствующимъ нерѣдко въ качествѣ зрителя, иногда простаго офиціальнаго наблюдателя и въ рѣдкихъ случаяхъ второстепеннаго дѣятеля при той или другой практической работѣ, не имъ задуманной, не имъ руководимой и еще неуспѣвшей заинтересовать его серіозно. Спрашивается, какое дѣйствительное значеніе для подготовки къ академическимъ занятіямъ можетъ имѣть пребываніе хотя бы, напримѣръ, кораблестроителя, въ теченіе извѣстнаго срока, положимъ, 12 мѣсяцевъ, при тѣхъ или другихъ кораблестроительныхъ работахъ, родъ и свойства которыхъ, по самому существу дѣла, для разныхъ лицъ могутъ быть до чрезвычайности разнообразны, а для одного и того же лица совершенно односторонни. Теоретическое испытаніе изъ извѣстнаго круга предметовъ ставитъ всѣхъ экзаменующихся, какъ это и слѣдуетъ, въ совершенно равныя и одинаковыя условія. Далеко не то непремѣнно было и будетъ относительно такъ называемой практической подготовки. Требованіе пробыть 12 мѣсяцевъ на кораблестроительныхъ работахъ ни однимъ словомъ не указываетъ на какихъ именно работахъ, да этого невозможно и указать, такъ какъ кораблестроительныя работы ведутся морскимъ вѣ-

домствомъ для опредѣленной государственной цѣли, характеръ и свойства ихъ обусловливаются единственно только потребностями данной минуты, распредѣленіе офицеровъ по работамъ лежитъ на обязанности портовой администраціи, которая имѣетъ, да и должна имѣть при этомъ въ виду только казенный интересъ и интересъ служебный, и не можетъ, да и не должна быть стѣсняема въ своихъ распоряженіяхъ преслѣдованіемъ какихъ либо постороннихъ цѣлей, какова напримѣръ забота о томъ, чтобы всякій офицеръ, имѣющій намѣреніе или могущій еще только въ будущемъ вознамѣриться поступить въ академію, имѣлъ возможность въ опредѣленный срокъ, всестороннимъ и систематическимъ образомъ ознакомиться со всѣми кораблестроительными работами, или съ тѣмъ, или другимъ отдѣльнымъ, типическимъ родомъ этихъ работъ. Очевидно, невозможно было бы, не вызывая массы чрезвычайныхъ практическихъ неудобствъ, возложить на портовую администрацію, помимо исполненія прямыхъ ея обязанностей, преслѣдованіе и указанной сейчасъ цѣли. А если такъ, то, въ концѣ концовъ, и выйдетъ, что сущность практической подготовки за время 12-ти мѣсячнаго пребыванія при кораблестроительныхъ работахъ для одного офицера состояла въ томъ, что онъ ежедневно занимался какими нибудь чисто канцелярскими и бухгалтерскими работами, сопряженными съ тою или другою постройкою, другой — завѣдывалъ пріемомъ и отпускомъ какихъ нибудь кораблестроительныхъ матеріаловъ, третій, присутствуя при работахъ въ качествѣ второстепеннаго помощника, ограничивался ролью ближайшаго надсмотрщика за внѣшнимъ порядкомъ работъ, четвертый — исполнялъ всевозможныя крупныя и мелкія хозяйственныя, административныя и т. п. порученія, нерѣдко не имѣющія ничего общаго съ спеціальностью инженера, но, тѣмъ не менѣе, неизбѣжныя во всякомъ сложномъ практическомъ дѣлѣ и т. д., и т. д., и т. д. Обо всѣхъ этихъ лицахъ можно и должно сказать, что они состояли при кораблестроительныхъ работахъ и даже принимали въ нихъ дѣятельное личное участіе. Но, говоря сколько нибудь серіозно, развѣ можетъ быть здѣсь рѣчь даже и о тѣни систематическаго и

всесторонняго знакомства съ практикою кораблестроенія, въ смыслѣ дѣйствительной пропедевтики для перехода къ научно-теоретическимъ занятіямъ кораблестроеніемъ. А вѣдь именно такая пропедевтика и имѣется въ виду постановленіемъ, опредѣляющимъ, что въ Морскую академію можно поступить только послѣ пребыванія при кораблестроительныхъ работахъ въ теченіе извѣстнаго срока. Не очевидно ли, что эта пропедевтическая цѣль ни малѣйшимъ образомъ не достигается и все дѣло сводится на одно только чисто формальное выполненіе требованія, по существу своему совершенно безсодержательнаго и пустаго. Наука кораблестроенія есть нѣчто вполнѣ опредѣленное. Если допустимъ, что для теоретическаго ея изученія необходима предварительная практическая подготовка, то эта подготовка, по неотразимымъ законамъ логики, какъ имѣющая въ виду опредѣленную цѣль, сама должна выразиться въ нѣкоторыхъ вполнѣ опредѣленныхъ же и постоянныхъ формахъ, т. е. при допущенномъ предположеніи, непремѣнно долженъ существовать строго опредѣленный же и вполнѣ послѣдовательный рядъ дѣйствій и пріемовъ, исчерпывающихъ собою весь тотъ процессъ, или, по меньшей мѣрѣ, всѣ существенныя и типическія его части, практическое усвоеніе которыхъ признается необходимымъ для данной цѣли. Еслибы кѣмъ либо была предложена, а затѣмъ и въ дѣйствительности выполнена, въ достаточно короткое время, подобная программа, то, можетъ быть, еще и можно было бы признать серіозный смыслъ и нѣкоторое значеніе за разбираемымъ требованіемъ, хотя и тогда, все-таки, на основаніи вышесказаннаго, не утратилась бы возможность и логическая правомѣрность несогласія съ самымъ принципомъ ограниченія, зависящаго отъ предварительной служебной практики. Но такой программы, если не ошибаюсь, до сихъ поръ никто не предложилъ, да она едвали и могла бы быть выполнена по обстоятельствамъ, указаннымъ выше. А въ такомъ случаѣ такъ называемая практическая подготовка является чѣмъ-то совершенно неопредѣленнымъ, подверженнымъ тысячи случайностей, непостояннымъ и чрезвычайно различнымъ для разныхъ лицъ,

удовлетворяющихъ, однакоже, одному и тому же формальному требованію относительно срока практики. Одно уже это дѣлаетъ разбираемое постановленіе совершенно несостоятельнымъ, такъ какъ не дозволяетъ установить никакихъ точныхъ, постоянныхъ и вѣрныхъ признаковъ достаточности или недостаточности практической подготовки, которыми можно было бы руководствоваться при оцѣнкѣ достоинства кандидатовъ въ академію. Очевидно, что за невозможностью подчинить испытаніе кандидата въ академію со стороны его практической подготовки какимъ нибудь опредѣленнымъ по содержанію требованіямъ, придется удовлетвориться простымъ удостовѣреніемъ, или свидѣтельствомъ портовой администраціи, что офицеръ состоялъ-де-скать при портѣ и исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него порученія. Но еслибы даже офицеры обязаны были представлять въ академію особое свидѣтельство съ подробнымъ перечисленіемъ своихъ практическихъ занятій за время службы при портѣ, то какими же именно точными и постоянными правилами будетъ руководствоваться конференція для оцѣнки достоинства подобныхъ свидѣтельствъ и для рѣшенія вопроса: достаточно или недостаточно данное свидѣтельство для пріема кандидата въ академію? Наконецъ, еслибы конференція признала то, или другое изъ подобныхъ свидѣтельствъ неудовлетворительнымъ и, на этомъ основаніи, отказала бы въ пріемѣ офицеру, успѣшно сдавшему теоретическій экзаменъ и удовлетворившему всѣмъ другимъ пріемнымъ условіямъ, то можно ли такой отказъ признать хотя сколько нибудь справедливымъ? Офицеръ служилъ, какъ могъ, при данныхъ обстоятельствахъ. Всякому извѣстно, что назначеніе офицера къ служебнымъ занятіямъ, свойства и родъ возлагаемыхъ на него порученій, особенно въ первое время службы, нисколько не зависятъ отъ его доброй воли, а обусловливаются общимъ ходомъ дѣла, при которомъ онъ состоитъ, и распоряженіями начальствующихъ лицъ. За что же, спрашивается, не допускать въ академію офицера, добросовѣстно, по закону, исполнявшаго все на него возлагавшееся по службѣ и виновнаго развѣ только въ томъ, что, можетъ быть, по скромности и безпритязательности своей, онъ за-

благовременно не уклонился отъ выпадавшаго на его долю дѣла и предусмотрительно не озаботился заранѣе пристроиться такъ, чтобы получить извѣстнаго рода свидѣтельство? Очевидно, что такое отношеніе къ кандидату академіи было бы явною несправедливостью. Далѣе, измѣряя достаточность практической подготовки кандидата не родомъ, характеромъ и содержаніемъ самой практической его дѣятельности, а лишь одною только продолжительностью ея,—таковъ именно и есть смыслъ существующихъ требованій, не опредѣляющихъ рода и вида работъ—на какомъ именно основаніи предпочтена цифра 12 мѣсяцевъ, или 24 мѣсяца всякой другой, напримѣръ 18 мѣсяцамъ? Очевидно, что назначеніе этого срока есть дѣло совершенно случайное и вполнѣ произвольное. А это прямо показываетъ, что, при установленіи правилъ пріема въ академію, не была достаточно полно и точно выяснена сущность отношенія служебной практики къ академическому образованію, а существовало единственно хотя и весьма почтенное само по себѣ, но вполнѣ неопредѣленное стремленіе такъ или иначе выдвинуть значеніе практики. Повторяемъ еще разъ, ни на минуту нельзя сомнѣваться въ громадномъ значеніи практики для образованія свѣдущаго и искуснаго въ своемъ дѣлѣ спеціалиста. Но одна практика, безъ теоріи, приводитъ къ сколько нибудь цѣннымъ результатамъ только тогда, когда она очень продолжительна и очень многосторонняя. Время, необходимое для пріобрѣтенія такихъ результатовъ, мѣряется не мѣсяцами, а годами и даже десятками лѣтъ. Еслибы было иначе, то не существовало бы никакой надобности въ учрежденіи низшихъ, среднихъ и высшихъ техническихъ заведеній, весь смыслъ и значеніе которыхъ именно и состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность человѣку, владѣющему элементами той или другой спеціальности, пріобрѣсти, послѣ извѣстнаго теоретико-практическаго курса, такую воспріимчивость къ усвоенію указаній опыта, которая позволила бы ему въ послѣдующей практической дѣятельности *въ короткое время* достигать такихъ результатовъ, до которыхъ всякій другой, не получившій подобной подготовки, неизбѣжно долженъ былъ бы

доходитъ *многолѣтнимъ*, разнообразнымъ и упорнымъ трудомъ. Итакъ, въ нашихъ глазахъ, 12-ти мѣсячный срокъ пребыванія при кораблестроительныхъ работахъ молодаго офицера, только что начинающаго свою служебную дѣятельность, не вноситъ никакого, сколько нибудь цѣннаго вклада въ общую массу данныхъ, существенно обусловливающихъ способность его къ успѣшному прохожденію академическаго курса. Такой срокъ слишкомъ коротокъ для достиженія сколько нибудь серіозныхъ практическихъ результатовъ. Продленіе же его на нѣсколько лѣтъ привело бы только всѣхъ къ тому, пагубному для дѣла высшаго морскаго образованія, выводу, что пріобрѣтеніе специальныхъ свѣдѣній путемъ случайной и неорганизованной практики цѣнится выше систематически-научнаго, теоретико-практическаго изученія дѣла, а это было бы почти равносильно закрытію академіи. De facto академія перестала бы тогда существовать, потому что для нея не нашлось бы слушателей. Подобныя же соображенія вполнѣ примѣнимы нетолько къ кораблестроителямъ, но и ко всѣмъ офицерамъ морскаго вѣдомства.

Итакъ, окончательно, приходимъ къ заключенію, что ни тотъ, ни другой изъ выставленныхъ выше двухъ мотивовъ, въ защиту существующихъ ограниченій права на поступленіе въ академію, не могутъ быть признаны состоятельными. Никакихъ же другихъ доводовъ въ пользу этихъ ограниченій, если не ошибаюсь, не существуетъ, а потому, по нашему мнѣнію, полезно было бы эти ограниченія вовсе отмѣнить и, на будущее время, подчинить пріемъ въ Морскую академію только одному правилу: — *въ академію принимаются гардемарины, кондукторы и офицеры флота и всѣхъ корпусовъ морскаго вѣдомства, независимо отъ числа лѣтъ службы, по удовлетворительномъ выдержаніи ими установленнаго пріемнаго экзамена* (*).

(*) Единственныя ограниченія, которымъ необходимо подчинить не самое вступленіе въ академію, но выборъ слушателями факультетовъ, заключается въ томъ, что нельзя, напримѣръ, предоставить офицеру, кончившему курсъ по механическому отдѣленію Морскаго техническаго училища, поступать на военно-морской отдѣлъ безъ предварительной сдачи особаго экзамена изъ курса мор-

Артиллерійская и инженерная академіи придерживаются подобнаго же правила: онѣ принимаютъ офицеровъ тотчасъ по окончаніи ими курса въ соотвѣтствующихъ училищахъ. Этотъ опытъ, практикуемый уже издавна, можетъ служить новымъ аргументомъ въ пользу предлагаемой нами мѣры. Что касается Николаевской академіи генеральнаго штаба, то она придерживается противоположнаго правила, но это нисколько не говоритъ противъ нашего предложенія, потому что условія образованія въ военныхъ училищахъ и условія, сопровождающія пріобрѣтеніе практическаго знанія военно-строевой службы, совершенно иныя, нежели во флотѣ. Курсъ военныхъ училищъ продолжается два года, курсъ морскаго училища четыре года. Масса офицеровъ нашей арміи мѣряется тысячами и даже десятками тысячъ, а во флотѣ только сотнями. Каждый полкъ и вообще каждая боевая единица нашей арміи ежегодно переходитъ черезъ цѣлый рядъ совершенно правильныхъ, постоянныхъ и систематическихъ изъ году въ годъ упражненій, какъ во время расположенія по квартирамъ, такъ и при лагерныхъ сборахъ, при чемъ и молодые офицеры практически знакомятся, и притомъ вполнѣ систематично и одинаково для всѣхъ, со всѣми подробностями военно-строевой службы, чего далеко нельзя сказать объ офицерахъ флота и особенно корпусовъ морскаго вѣдомства. Все это даетъ полное основаніе думать, что не можетъ быть никакого сравненія, въ разсматриваемомъ теперь отношеніи между Морскою академіею и академіею Генеральнаго штаба.

Займемся теперь вопросомъ—«принимать ли въ академію ежегодно, или черезъ извѣстное число лѣтъ»? Правильнѣе всего было бы дѣлать ежегодный пріемъ, какъ это принято не только всѣми вообще высшими учебными заведеніями, но и всѣми военными академіями. Существовавшій доселѣ въ Морской академіи порядокъ пріема слушателей въ два года

скаго училища и т. п. Объ очевидныхъ причинахъ, вызывающихъ необходимость подобныхъ ограниченій, здѣсь нѣтъ надобности распространяться. Болѣе подробно мы поговоримъ объ этомъ предметѣ въ послѣдней главѣ.

разъ, вызывался, если не ошибаюсь, главнымъ образомъ экономическими соображеніями и оправдывался обычною незначительностью числа слушателей. Съ другой стороны, при двухлѣтнемъ курсѣ, такой порядокъ не представлялъ слишкомъ рѣзкихъ неудобствъ. Но если будетъ принятъ курсъ трехлѣтній, то неудобства принятой теперь системы, очевидно, сдѣлаются весьма чувствительными и желательно было бы ихъ устранить. Можно надѣяться, что съ преобразованіемъ академіи, когда курсы ея будутъ болѣе отвѣчать существующимъ потребностямъ, когда она займетъ подобающее ей мѣсто въ ряду другихъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, когда съ окончаніемъ въ ней курса будутъ сопряжены извѣстныя необходимыя права и преимущества по службѣ, когда, наконецъ, рядомъ цѣлесообразныхъ и разумныхъ мѣръ значеніе ея будетъ поднято во флотѣ до надлежащей высоты, она станетъ привлекать достаточное число слушателей и тогда ежегодные пріемы въ нее сдѣлаются, конечно, самымъ нормальнымъ и наилучшимъ порядкомъ. Еслибы до наступленія этой, давно желаемой эпохи, въ видахъ экономическихъ, было признано неудобнымъ рѣзко измѣнять существующій порядокъ, то можно постепенно, по мѣрѣ указанія опыта, сокращать перерывы въ пріемахъ, съ тѣмъ чтобы окончательно уничтожить ихъ, когда дѣло выяснится наконецъ, установится и окрѣпнетъ. Впрочемъ, мы лично, думаемъ, что усиленное стремленіе къ сокращенію расходовъ на распространеніе образованія въ государствѣ, едвали согласно съ правилами истинной экономіи и мудрой государственной политики и съ этой точки зрѣнія полагаемъ, что чѣмъ скорѣе Николаевская Морская академія получитъ нормальную организацію, соотвѣтствующую ея роли и значенію, тѣмъ большій получится выигрышъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и экономической стороны дѣла.

Остановимся еще наконецъ на вопросѣ о вольнослушателяхъ. Значеніе вольнослушателей опредѣляется въ существующемъ о нихъ положеніи (*) слѣдующимъ образомъ:

(*) См. приказъ Управляющаго Морскимъ министерствомъ отъ 16 іюня 1864 г. № 80.

«вольнослушатели, выдержавшіе съ успѣхомъ испытаніе по одному или нѣсколькимъ предметамъ академическаго курса, получаютъ отъ совѣта свидѣтельство въ знаніи оныхъ, по установленной формѣ, что и заносится какъ въ формулярные ихъ списки, такъ и въ общіе флотскіе списки. Это свидѣтельство будетъ принимаемо начальствомъ въ соображеніе для заграничныхъ плаваній, служебныхъ назначеній въ обязанности старшихъ офицеровъ и другія, для техническихъ командировокъ и вообще при многихъ другихъ обстоятельствахъ, въ коихъ нужно будетъ искать офицера, обладающаго какимъ либо спеціальнымъ знаніемъ». Вполнѣ сочувствуя всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду какъ можно болѣе широкое распространеніе знаній, мы не можемъ согласиться съ основною мыслью, выраженною въ приведенной сейчасъ выпискѣ изъ положенія о вольнослушателяхъ при Морской академіи. Это несогласіе не есть только личное наше мнѣніе. Если не ошибаюсь, ни одно изъ существующихъ высшихъ учебныхъ заведеній, ни одинъ ученый факультетъ, каковъ бы онъ ни былъ, не допускаютъ такого произвольнаго дробленія и разъединенія предметовъ ихъ спеціальности. Никакой юридическій, напримѣръ, факультетъ не рѣшится, не компрометируя своего ученаго достоинства, выдать кому нибудь свидѣтельства въ знаніи, положимъ, уголовнаго права, если это лицо незнакомо съ общими началами права и другими частными его отраслями. Точно также нельзя признать человѣка, не получившаго общаго математическаго образованія, знающимъ астрономію, или, примѣняясь къ Морской академіи, знающимъ теорію кораблестроенія и т. п. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы подробно говорили о вредѣ преждевременной и узкой спеціализаціи знаній. Сказанное тамъ какъ нельзя болѣе примѣнимо къ разсматриваемому теперь вопросу. Итакъ мы думаемъ, что институтъ вольнослушателей въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь при академіи, долженъ быть уничтоженъ. Въ сущности, распредѣленіе предметовъ, читаемыхъ въ академіи, на особыя частныя группы, независящія отъ общаго дѣленія на факультеты, представляетъ не что иное, какъ факультеты въ

факультетахъ, и можетъ быть разсматриваемо какъ неявное выраженіе мысли, что принятое общее распредѣленіе предметовъ по факультетамъ на столько несовершенно и неправильно, что нуждается еще для исправленія своего въ особомъ подраздѣленіи. По нашему мнѣнію, еслибы эта мысль и дѣйствительно была справедлива, то гораздо раціональнѣе установить новую организацію факультетовъ, нежели прибѣгать къ подобнымъ искуственнымъ подраздѣленіямъ, Съ упроченіемъ системы подраздѣленія факультетовъ въ академіи дѣло высшаго научнаго образованія во флотѣ было бы поколеблено въ самымъ коренныхъ своихъ основахъ. Но изъ сказаннаго, конечно, никакъ не слѣдуетъ, что должно преграждать доступъ въ академію офицерамъ, желающимъ слушать тѣ или другія лекціи и могущимъ дѣлать это безъ вреда для своихъ служебныхъ занятій. Напротивъ, академія должна быть открыта всякому, желающему посѣщать ея аудиторіи, и единственное ограниченіе въ этомъ отношеніи можетъ обусловливаться только величиною помѣщенія. Право на посѣщеніе академическихъ лекцій, въ качествѣ вольнослушателя, должно быть предоставлено каждому офицеру морскаго вѣдомства, въ какомъ бы чинѣ онъ ни состоялъ. Мы думаемъ даже, что еслибы право это было расширено еще болѣе и распространилось на всѣхъ военныхъ офицеровъ и даже частныхъ лицъ, то отъ этого Морская академія только выиграла бы. Нѣтъ надобности распространяться о великомъ значеніи во всѣхъ отношеніяхъ живой и тѣсной связи образовательныхъ учрежденій съ обществомъ, для нуждъ котораго существуютъ эти учрежденія. Въ данномъ же случаѣ особенно желательно установить подобную связь. Наше общество еще очень мало знакомо съ флотомъ, и безъ сомнѣнія, было бы крайне полезно не упускать ни одного удобнаго случая для распространенія у насъ интереса къ морскому дѣлу. Морская академія есть единственное въ Россіи учрежденіе, основанное на государственныя средства, задача котораго состоитъ въ распространеніи высшихъ научныхъ знаній по различнымъ отраслямъ морскаго дѣла и, какъ таковое, оно едвали даже можетъ уклониться отъ указанной

сейчасъ задачи. Спрашивается, какой ущербъ и какое неудобство могутъ возникнуть изъ того, что тотъ или другой частный человѣкъ, напримѣръ научно-образованный инженеръ, заинтересовавшись, положимъ, кораблестроеніемъ, захочетъ посѣщать лекціи этого предмета въ академіи? Польза отсюда можетъ возникнуть несомнѣнная и для частныхъ лицъ, и для флота, и для науки, вреда же,—кажется, никакого. Съ другой стороны, гдѣ, кромѣ Морской академіи, можетъ такое лицо отыскать въ Россіи средства для удовлетворенія своего интереса? Не ѣхать же ему для этого за границу? Допуская вольнослушателей въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, мы думаемъ, что занятія ихъ въ академіи должны быть совершенно свободны и потому для вольнослушателей не должно быть никакихъ обязательныхъ экзаменовъ. Само собою разумѣется, что еслибы кто нибудь изъ офицеровъ, не бывшихъ въ штатѣ академіи, пожелалъ пріобрѣсти свидѣтельство на знаніе предметовъ одного изъ факультетовъ, то онъ долженъ держать экзаменъ наравнѣ со всѣми штатными слушателями изъ полнаго академическаго курса этихъ предметовъ.

XIII.

Дополнительныя соображенія о разныхъ подробностяхъ внутренняго устройства Николаевской Морской академіи.

а) *О распредѣленіи слушателей по отдѣленіямъ.* Въ настоящее время каждый слушатель обязанъ избрать спеціальность до поступленія въ академію. Мы уже неоднократно касались этого предмета и имѣли случай высказаться въ пользу того, чтобы окончательное избраніе слушателемъ факультета происходило въ концѣ перваго академическаго курса. Еслибы это предложеніе было принято, то вступительный экзаменъ въ академію, по необходимости, сдѣлался бы одинаковымъ для всѣхъ слушателей и на первомъ курсѣ пришлось бы излагать только общіе предметы. Выгоды такого порядка по нашему мнѣнію слѣдующія:

1. Самое важное достоинство этой мѣры состоитъ въ томъ, что курсъ академіи уложится въ болѣе стройную, строго научную систему, удовлетворяющую коренному требованію высшей дидактики—итти отъ общаго къ частному. Переходя на второй годъ къ изученію спеціальностей, слушатели будутъ уже владѣть главнѣйшими основаніями высшаго математическаго анализа и механики и потому изученіе прикладныхъ наукъ не встрѣтитъ никакихъ препятствій: для него вполнѣ подготовится солидная, научная почва.

2. Предлагаемою мѣрою окончательное избраніе спеціальности отлагается для каждаго слушателя на одинъ годъ и слѣдовательно въ значительной степени предотвращается возможность ошибки въ выборѣ факультета. Притомъ, столкнувшись лицомъ къ лицу со всѣми особенностями опредѣляющими внутреннюю жизнь и дѣятельность академіи, слушатель въ теченіе года пробудетъ въ средѣ наиболѣе благопріятной для правильнаго рѣшенія важнаго вопроса о выборѣ спеціальности. Практика нашихъ университетовъ представляетъ множество случаевъ, что молодой человѣкъ, попавъ въ университетскую среду и ближе ознакомившись съ нею, перемѣняетъ первоначально избранный имъ факультетъ на другой. Почему же не предотвратить такой потери времени и силъ, если существуетъ возможность устроить это безъ ущерба для правильности и непрерывности общаго хода преподаванія, какъ это, къ счастію, и можетъ быть сдѣлано въ Морской академіи, благодаря тому, что въ ней есть цѣлый кругъ предметовъ общеобязательныхъ для всѣхъ слушателей.

3. Первый курсъ академіи является совершенно законченнымъ и самостоятельнымъ цѣлымъ. Еслибы какая нибудь случайность, какъ то: болѣзнь, наступленіе войны и т. п. отвлекли слушателя на время, или даже навсегда отъ продолженія академическаго курса, то все же такой слушатель успѣлъ пріобрѣсти въ академіи вполнѣ законченный кругъ весьма важныхъ и цѣнныхъ знаній, которыя впослѣдствіи могутъ послужить для него опорою въ дальнѣйшихъ занятіяхъ. При иномъ же порядкѣ такой слушатель вынесъ бы изъ академіи только отрывочное полузнаніе разныхъ предме-

товъ. Очевидно, что организація учебнаго заведенія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше даетъ она полезныхъ результатовъ, даже и въ томъ случаѣ, когда, по какимъ бы то ни было причинамъ, тѣ, или другія отдѣльныя личности не успѣваютъ воспользоваться полнымъ курсомъ. Въ этомъ состоитъ одно изъ великихъ достоинствъ истинной концентраціи преподаванія. Съ другой стороны, предлагаемая мѣра дастъ возможность поступать въ академію прямо на второй, спеціальный курсъ тѣмъ, кто успѣлъ пріобрѣсти общее высшее математическое образованіе помимо академіи, и это не маловажная выгода, потому что такимъ образомъ сбережется драгоцѣнное для всякаго время. Наконецъ, съ принятіемъ предлагаемой мѣры, получится возможность еще до начала спеціальнаго курса заранѣе удалить изъ академіи оказавшихъ неудовлетворительные успѣхи въ математикѣ, безъ основательнаго знанія которой невозможно правильное усвоеніе никакого научно-спеціальнаго курса.

4. Сосредоточеніе всѣхъ общихъ предметовъ въ первомъ академическомъ курсѣ поведетъ къ весьма существеннымъ удобствамъ въ распредѣленіи академическихъ лекцій и занятій слушателей, какъ въ аудиторіяхъ, такъ и дома, и слѣдовательно повлечетъ за собою сбереженіе времени и труда, и профессоровъ, и слушателей. Сбереженіе времени получится еще и потому, что предлагаемый порядокъ избавитъ, при прохожденіи спеціальныхъ предметовъ, отъ предварительныхъ вводныхъ поясненій, а слѣдовательно и повтореній, неизбѣжныхъ при прохожденіи прикладныхъ наукъ раньше достаточно полнаго знакомства съ общими основаніями высшаго математическаго анализа.

5. Наконецъ предлагаемая мѣра, сближая между собою слушателей академіи, будетъ въ тоже время существенно способствовать укрѣпленію въ нихъ взгляда, что различныя спеціальныя отрасли морскаго дѣла суть только органическія, частныя развѣтвленія, исходящія изъ одного общаго корня, науки вообще, въ которой окончательно онѣ и имѣютъ свой источникъ и опору.

Еслибы противъ предлагаемой мѣры возразили вопервыхъ, что нельзя успѣть пройти въ одинъ годъ полный курсъ общихъ предметовъ и вовторыхъ, что новый порядокъ сдѣлаетъ первый академической курсъ однообразнымъ по содержанію, то на первое отвѣчаемъ, что, съ исключеніемъ въ общемъ курсѣ спеціальныхъ предметовъ, число лекцій по предметамъ общимъ можетъ быть сдѣлано совершенно равнымъ, а въ случаѣ надобности, даже и большимъ того, которое полагается на полное прохожденіе общихъ предметовъ и въ настоящее время. Можно даже ввести въ академію болѣе дробное, семестріальное распредѣленіе курсовъ. Наконецъ мы думаемъ, что сущность нашего предложенія не пострадаетъ чувствительнымъ образомъ и большая часть сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ не утратится, если, для совершеннаго окончанія общаго курса, часть лекцій къ нему относящихся, будетъ даже перенесена къ началу втораго курса, и составитъ первый его семестръ. Необходимо впрочемъ замѣтить здѣсь, что въ послѣднемъ случаѣ, для удобства въ распредѣленіи практическихъ занятій, которыя по преимуществу будутъ происходить лѣтомъ, въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ академическимъ годами, слушатели все таки должны будутъ избрать спеціальности при концѣ перваго академическаго года. Что касается втораго возраженія, имѣющаго въ виду однообразіе въ содержаніи курса, то мы не придаемъ этому возраженію никакой важности и видимъ въ этомъ однообразіи скорѣе достоинство, нежели недостатокъ учебной организаціи. Еслибы рѣчь шла объ элементарномъ или среднеобразовательномъ учебномъ заведеніи, то, конечно, предлагаемая мѣра была бы неумѣстна; но въ примѣненіи къ совершенно взрослымъ людямъ, сознательно ставящимъ себѣ серіозныя образовательныя цѣли, нѣтъ никакого основанія къ подобному опасенію. Напротивъ, сосредоточеніе занятій около одного центра, въ данномъ случаѣ, несравненно полезнѣе разбросанности и разсѣянія мысли.

О порядкѣ вызова офицеровъ въ академію. Въ § 4 положенія объ академическомъ курсѣ говорится, что «на проѣздъ

офицерамъ въ С.-Петербургъ выдаются каждому прогонныя деньги, по положенію, отъ казны. На начальствующихъ лицъ возлагается отвѣтственность давать разрѣшеніе на проѣздъ только тѣмъ офицерамъ, которые какъ своею прежнею службою, такъ познаніями и склонностью къ учебнымъ занятіямъ представляютъ достаточныя ручательства, что они могутъ выдержать пріемный экзаменъ и съ успѣхомъ продолжать курсъ образованія». Оговорку этого §, относящуюся къ отвѣтственности начальствующихъ лицъ за слушателя, оказавшагося несостоятельнымъ, полезнѣе было бы выпустить вовсе изъ устава академіи, прежде всего потому, что она касается не академіи, а начальствующихъ лицъ. Вовторыхъ, это постановленіе, давая начальствующему лицу право задержать поступленіе въ академію офицера, можетъ быть вполнѣ достойнаго, въ то же время, возлагаетъ на начальника отвѣтственность за факты, иногда совершенно ускользающіе отъ его предусмотрительности. Какимъ образомъ начальствующее лицо, напримѣръ, экипажный командиръ, можетъ ручаться, что тотъ или другой изъ подчиненныхъ ему офицеровъ, съ которымъ, по неизбѣжнымъ какимъ либо обстоятельствамъ, онъ не успѣлъ даже еще и ознакомиться близко, выдержитъ пріемный экзаменъ въ академію и, что еще труднѣе предсказать, съ успѣхомъ будетъ продолжать академическій курсъ? Не удобнѣе ли взамѣнъ этого постановить, чтобы офицеры, желающіе поступить въ академію, заблаговременно, къ указанному сроку просили по командѣ разрѣшенія явиться къ экзамену. Просьбы ихъ объ этомъ, съ отзывами ближайшаго начальства, если оно имѣетъ сказать что либо о томъ или другомъ офицерѣ, стекались бы къ извѣстному сроку въ академію, начальникъ которой, по собраніи всѣхъ необходимыхъ справокъ и предварительныхъ свѣдѣній о кандидатахъ, дѣлалъ затѣмъ докладъ по этому предмету высшему морскому начальству, которое и разрѣшало бы окончательно вопросъ о допущеніи офицеровъ къ пріемному экзамену.

О денежномъ содержаніи слушателей академіи. По § 6 существующаго положенія объ академическомъ курсѣ нѣко-

торое число штатныхъ слушателей пользуется во время пребыванія въ академіи усиленнымъ содержаніемъ. Это правило справедливо и полезно удержать и на будущее время, чтобы избавить молодыхъ людей отъ тягостной заботы добывать средства для покрытія издержекъ дорогой жизни въ Петербургѣ посторонними занятіями, каковы уроки и т. п., что неминуемо отвлечетъ слушателей отъ занятій собственно академическихъ, нарушитъ ихъ нравственное спокойствіе, необходимое для свободнаго занятія наукою и повергнетъ ихъ въ бродячую и полную самыхъ непріятныхъ испытаній и приключеній жизнь многихъ бѣдствующихъ студентовъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Намъ кажется вполнѣ справедливымъ довести содержаніе слушателей академіи до той цифры, которая равнялась бы полному содержанію офицера, соотвѣтствующаго чина, которое онъ получалъ бы за годъ находясь въ обыкновенномъ плаваніи. Сверхъ того, мы думаемъ, что благоразумнѣе и справедливѣе было бы не ограничивать числа слушателей, получающихъ усиленное содержаніе и не распредѣлять вакансій на это содержаніе опредѣленнымъ образомъ по факультетамъ. Нужно думать, что съ перемѣною организаціи Морской академіи относительная численность слушателей на разныхъ факультетахъ рѣзко измѣнится и гидрографическое, напримѣръ, отдѣленіе, на которое теперь полагается наибольшее число штатныхъ слушателей, въ будущемъ окажется пожалуй самымъ малочисленнымъ. Отмѣна опредѣленнаго распредѣленія штатныхъ вакансій, сопряженныхъ съ усиленнымъ содержаніемъ по отдѣльнымъ факультетамъ, вызывается во-первыхъ предложенною выше мѣрою—избраніемъ спеціальности по окончаніи перваго академическаго года—а во-вторыхъ оправдывается еще и желаніемъ избавить слушателей отъ всякихъ постороннихъ соображеній, могущихъ, хотя бы даже и въ малой степени, косвенно вліять на выборъ факультета. Что касается распредѣленія вакансій съ усиленнымъ содержаніемъ на второй и третій годы академическаго курса, то, конечно, желательнѣе всего вовсе не возбуждать этотъ щекотливый вопросъ и постановить, что всѣ штатные слушатели,

удовлетворительно выдержавшіе переходное испытаніе, сохраняютъ за собою разъ пріобрѣтенное содержаніе. Но если уже приняты будутъ въ этомъ отношеніи какія либо ограниченія, то, не распредѣляя вакансій заранѣе въ опредѣленномъ числѣ по факультетамъ, полезнѣе всего было бы предоставить конференціи назначать эти вакансіи по своему усмотрѣнію передъ началомъ каждаго новаго академическаго года, при чемъ, конечно, конференція будетъ руководствоваться относительнымъ достоинствомъ слушателей, независимо отъ принадлежности ихъ къ тому или другому факультету.

XIV.

О предоставленіи Николаевской Морской академіи полной административной и учебной самостоятельности и независимости отъ существующихъ морскихъ учебныхъ заведеній и объ учрежденіи особаго института профессоровъ-спеціалистовъ.

Пункты 17, 18 и 20 существующаго «Положенія объ Академическомъ курсѣ» дѣлаютъ Николаевскую морскую академію учрежденіемъ, составляющимъ часть Морскаго училища, какъ бы придатокъ къ нему. Какъ ни просто содержаніе этихъ пунктовъ, освящающихъ порядокъ вещей, существовавшій цѣлое полустолѣтіе, въ теченіи котораго сперва офицерскій классъ, а потомъ и академическій курсъ, составляли принадлежность Морскаго корпуса и Морскаго училища, последствія этихъ постановленій кажутся намъ настолько существенными для дѣла высшаго морскаго образованія, что мы считаемъ себя обязанными высказаться подробно по поводу этого чрезвычайно важнаго предмета.

Всякое отдѣльное общественное учрежденіе развивается и живетъ не столько подъ вліяніемъ внѣшнихъ формальныхъ постановленій закона и регламентовъ, теоретически и, такъ сказать, абстрактно намѣчающихъ единственно только самыя общія нормы его существованія, сколько подъ прямымъ, не-

посредственнымъ воздѣйствіемъ на него тѣхъ реальныхъ, внутреннихъ, живыхъ и дѣятельныхъ общественныхъ силъ, въ сферѣ дѣйствія которыхъ это учрежденіе существуетъ въ дѣйствительности, отъ которыхъ зависитъ практическое выполненіе постановленій закона, сообщеніе данному учрежденію извѣстнаго конкретнаго склада, духа и направленія. Можно было бы, опираясь на исторію, привести множество фактическихъ доказательствъ справедливости этого положенія; но мы не станемъ этого дѣлать, потому что кто же не знаетъ, что самые лучшіе и благонамѣреннѣйшіе законы нерѣдко оказывались и безполезными, и безсильными только потому, что или не соотвѣтствовали потребностямъ и степени развитія даннаго общества, или ввѣрялись не тѣмъ лицамъ и органамъ, которые бы желали, умѣли и могли ихъ осуществить, или вовсе не находили для себя добросовѣстныхъ и умѣлыхъ исполнителей и т. п. и наоборотъ, кто также не знаетъ, что жизнь всегда стремится такъ или иначе обходить всякій законъ, задерживающій нормальное ея теченіе и препятствующій ея успѣхамъ. Съ этой общей точки зрѣнія взглянемъ на главныя черты внѣшней и внутренней исторіи офицерскаго класса и Морской академіи.

Внѣшняя исторія Морской академіи не многосложна. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ подъ вліяніемъ высоко-образованной, свѣтлой и нравственно-сильной личности возникло учрежденіе, имѣвшее цѣлью доставить лучшимъ изъ воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго корпуса возможность усовершенствоваться въ высшихъ отрасляхъ наукъ, имѣющихъ связь съ морскимъ дѣломъ. Такимъ образомъ явились офицерскіе классы при Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ и, безъ всякихъ важныхъ перемѣнъ въ ихъ организаціи, допуская только неизбѣжныя и необходимыя улучшенія въ подробностяхъ учебныхъ программъ, просуществовали 35 лѣтъ, въ видѣ учрежденія вполнѣ подчиненнаго Морскому корпусу, составлявшаго одну изъ его принадлежностей. Наступила эпоха преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній. Все вниманіе при этомъ по необходимости и вполнѣ естественно, было сосредоточено на приготовительныхъ училищахъ морскаго вѣдом-

ства, и хотя реформа коснулась и офицерскихъ классовъ, но только, такъ сказать, извнѣ. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы отчасти охарактеризовали сущность этой реформы, на сколько она относилась къ организаціи собственно учебной части. Не повторяя сказаннаго тамъ, отмѣтимъ однакоже здѣсь слѣдующія, существенно важныя и много говорящія черты реформы, пережитой офицерскими классами, черты,—намѣчающія будущность Морской академіи. Прежде всего названіе «офицерскій классъ» было уничтожено и замѣнено наименованіемъ: «академическій курсъ морскихъ наукъ» и затѣмъ доступъ въ академію былъ распространенъ на всѣхъ офицеровъ морскаго вѣдомства и притомъ изъятъ изъ исключительнаго вѣдѣнія Морскаго корпуса, или Морскаго училища. Поступленіе въ академію стало обусловливаться уже не окончаніемъ курса въ Морскомъ корпуса въ числѣ лучшихъ его воспитанниковъ и *не назначеніемъ* въ офицерскіе классы по выбору начальства Морскаго корпуса, а инициативою самого офицера, удовлетворительною сдачею имъ установленнаго экзамена и выполненіемъ нѣкоторыхъ другихъ, чисто служебныхъ требованій. Въ § 1 «Положенія объ академическомъ курсѣ», опредѣляющемъ цѣль этого учрежденія, говорится: «для высшаго образованія въ морскихъ наукахъ открывается академическій курсъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій: гидрографическаго, кораблестроительнаго и механическаго». Этимъ опредѣленіемъ академическому курсу указана вполнѣ самостоятельная цѣль и академія не связывается ни съ какимъ изъ существующихъ морскихъ училищъ, тогда какъ прежніе офицерскіе классы были учреждены именно «при Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ» и притомъ «для лучшихъ воспитанниковъ» этого корпуса. Задумавъ реформу офицерскаго класса, законодатель, очевидно, предусматривалъ, что съ принятіемъ за основу реформы принципа специализаціи наукъ въ академіи, соотвѣтственно специализаціи различныхъ корпусовъ морскихъ офицеровъ, было бы совершенно непослѣдовательно пріурочивать академію къ какому нибудь одному изъ этихъ корпусовъ исключительно, или даже преимущественнѣе, нежели

къ какому нибудь другому. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что академія, въ глазахъ законодателя, являлась учрежденіемъ, предназначеннымъ равно служить нуждамъ каждой изъ морскихъ спеціальностей, что она сдѣлалась какъ бы морскимъ университетомъ, обнимающимъ науку мореплаванія во всей ея совокупности и дающимъ у себя одинаково почетное мѣсто всякой отрасли знаній, существенно связанной съ морскимъ дѣломъ. Вотъ почему изъ устава совершенно исключены слова: «академія учреждается при *Морскомъ училищѣ*, или при *Техническомъ училищѣ морскаго вѣдомства*», и т. п., а говорится просто: «учреждается академическій курсъ для высшаго образованія въ морскихъ наукахъ». Что именно такова сущность взгляда законодателя на академію—это подтверждается еще и тѣмъ, что ни одному изъ корпусовъ морскаго вѣдомства не предоставлено по уставу никакихъ исключительныхъ преимуществъ, ни при поступленіи въ академію, ни по выходѣ изъ нея. Сущность правъ и обязанностей слушателей, по уставу, совершенно одинакова для всѣхъ; встрѣчаются только нѣкоторыя различія въ подробностяхъ, относящіяся къ внѣшнимъ формамъ; но эти неизбѣжныя различія обусловливаются единственно только родомъ службы и дѣятельности офицеровъ, кончившихъ курсъ въ академіи, и нисколько не нарушаютъ общей мысли, положенной въ основу академической организаціи. Примѣчаніе къ § 1-му того же «Положенія» еще болѣе подтверждаетъ высказанное. Въ немъ говорится, что «съ открытіемъ академическаго курса упраздняется *существующій нынѣ при Морскомъ корпусѣ офицерскій классъ*». Отсюда слѣдуетъ, что фактъ принадлежности офицерскаго класса Морскому корпусу не ускользнулъ отъ вниманія законодателя, не былъ забытъ имъ: на этотъ фактъ прямо и весьма категорически указывается, но, тѣмъ не менѣе, онъ не далъ повода къ намѣренію удержать прямымъ и положительнымъ предписаніемъ закона прежній порядокъ вещей—пріуроченіе академіи къ Морскому корпусу. Иначе это намѣреніе непремѣнно какъ нибудь высказалось бы въ самомъ текстѣ § 1: тамъ было бы, напримѣръ, сказано, что «академія учреждается *при Морскомъ корпусѣ взамѣнъ* офи-

церскихъ классовъ», или что нибудь въ этомъ родѣ. Но ничего подобнаго нѣтъ. Мало этого: и въ самомъ текстѣ приказа Управляющаго Морскимъ министерствомъ, приказа, объявляющаго по морскому вѣдомству объ открытіи академическаго курса, ни однимъ словомъ не упомянуто о принадлежности академіи Морскому корпусу или училищу. Самая перемѣна названія «офицерскій классъ» на «академическій курсъ» говоритъ очень много въ пользу той же мысли. Классы, классное обученіе и т. п. суть принадлежности училища; академія же вызываетъ мысль о высшемъ, самостоятельномъ учрежденіи. Пока высшее морское образованіе лежало на отвѣтственности Морскаго корпуса и составляло одинъ изъ предметовъ его завѣдыванія, до тѣхъ поръ было вполнѣ естественно и послѣдовательно употреблять названіе «офицерскіе классы» и разсматривать самые эти классы, какъ высшіе классы Морскаго корпуса, въ которые, по распоряженію корпуснаго начальства, а не по особо установленному экзамену, переводились изъ гардемаринскихъ классовъ, а не свободно поступали со всего флота, лучшіе воспитанники, а не всѣ желающіе воспользоваться высшимъ образованіемъ. Отмѣна прежняго названія, совпадающая съ открытіемъ доступа въ академію всѣмъ офицерамъ флота и корпусовъ морскаго вѣдомства и съ подраздѣленіемъ академіи на спеціальныя отдѣленія, отъ того именно и произошла, что взглядъ законодателя на учрежденіе отнынѣ предназначенное для всесторонняго высшаго морскаго образованія, измѣнился и сущность новаго воззрѣнія сдѣлалась уже не совмѣстною съ исключительною принадлежностью академіи Морскому корпусу. Можно безошибочно сказать, что эта перемѣна взгляда именно и выразилась перемѣною названія. Здѣсь замѣтятъ пожалуй, что по §§ 17, 18 и 20 Положенія объ академическомъ курсѣ, «аудиторіи его помѣщаются въ зданіи Морскаго корпуса, слушатели подчинены директору корпуса и тотъ же директоръ есть предсѣдатель учебнаго совѣта академіи и завѣдываетъ распорядительною частью» и что, слѣдовательно, дѣйствующее «Положеніе объ академіи» фактически пріурочиваетъ ее къ Морскому корпусу или учи-

лицу. Съ этимъ замѣчаніемъ, конечно, нельзя не согласиться, но мы думаемъ, что указанные сейчасъ пункты ни мало не разрушаютъ выясненную выше основную мысль законодателя и это сдѣлается совершенно яснымъ, если отдадимъ себѣ отчетъ въ вѣроятномъ происхожденіи упомянутыхъ сейчасъ постановленій. Преобразованіе офицерскихъ классовъ въ академическій курсъ происходило одновременно съ общимъ преобразованіемъ всѣхъ вообще морскихъ учебныхъ заведеній и такъ какъ это послѣднее требовало болѣе труда и времени и, сверхъ того, представлялось дѣломъ болѣе настоятельнымъ и сложнымъ, то реформа офицерскихъ классовъ не закончилась сразу. Она ограничилась только осуществленіемъ самыхъ общихъ, самыхъ настоятельныхъ и сдѣлавшихся слишкомъ очевидными требованій и условій высшаго морскаго образованія, каковы, спеціализація курсовъ и открытіе доступа къ академическому образованію офицерамъ всѣхъ корпусовъ морскаго вѣдомства. Подробности же будущей организаціи академіи не могли при такихъ обстоятельствахъ выясниться въ окончательной формѣ, тѣмъ болѣе, что для этого, можетъ быть, и не наступило еще тогда удобное время, такъ какъ высшее образованіе неизбѣжно слѣдуетъ за приготовительнымъ и до значительной степени обусловливается организаціею этого послѣдняго. Система же приготовительнаго морскаго образованія только что подверглась тогда кореннымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, всѣ послѣдствія которыхъ не могли быть заранѣе предсказаны съ точностью и увѣренностью. Для обнаруженія и выясненія ихъ необходимо было ждать указаній опыта. При такихъ условіяхъ было бы преждевременно и даже, можетъ быть, до нѣкоторой степени и неосторожно, дать уставу будущей академіи окончательную форму. Такимъ образомъ вполнѣ объясняется присутствіе въ § 1 мъ Положенія объ академическомъ курсѣ словъ: что академическій курсъ «открывается нынѣ *впредь до окончательнаго преобразованія* морскихъ учебныхъ заведеній», съ чѣмъ вполнѣ согласуется и приказъ Управляющаго Морскимъ министерствомъ, объявляющій, что академическій курсъ открывается *въ видѣ временной мѣры.* Итакъ «Положеніе объ акаде-

мическомъ курсѣ» нужно разсматривать какъ сводъ постановленій временныхъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ своихъ подлежащій, въ случаѣ надобности, пересмотру, измѣненію, дополненію и даже отмѣнѣ. Но очевидно, что каковы бы ни были эти измѣненія—они не могутъ относиться къ самымъ принципіальнымъ основамъ положенія объ академическомъ курсѣ, на которыхъ зиждется самое его существованіе. Такъ, сущность § 1, безъ сомнѣнія, останется безъ всякой перемѣны. Академія всегда будетъ существовать «для высшаго образованія въ морскихъ наукахъ». Замѣна этой цѣли какою нибудь иною, была бы равносильна уничтоженію академіи. Далѣе принципъ раздѣленія академіи на спеціальные отдѣлы составляетъ также одну изъ основъ академической организаціи, устраненіе которой было бы равносильно отрицанію очевидныхъ результатовъ всего многолѣтняго опыта, пережитаго офицерскими классами отрицаніемъ явно сознаваемой всѣми компетентными въ дѣлѣ людьми потребности въ спеціализаціи знаній, вытекающей изъ духа, направленія и всего практическаго и научнаго склада нашей эпохи, наконецъ отрицаніемъ же и полнымъ игнорированіемъ самаго даже факта совершившагося уже преобразованія офицерскаго класса въ академическій курсъ, факта, вполнѣ освященнаго сопряженнымъ съ нимъ законодательнымъ актомъ, утвержденнымъ Высочайшею волею. Подобнымъ же образомъ и на основаніи подобныхъ же соображеній не можетъ подлежать измѣненію по существу и принципъ свободнаго доступа въ академію офицеровъ всѣхъ спеціальныхъ корпусовъ морскаго вѣдомства. Вотъ тѣ коренныя основы, на которыхъ дѣйствительно зиждется вся организація академіи, изъ которыхъ должны вытекать всѣ дальнѣйшія подробности ея устройства, въ духѣ которыхъ долженъ быть созданъ ея окончательный уставъ. И вотъ почему, не боясь ошибиться, мы утверждаемъ, что § 17, 18 и 20 суть только временныя принадлежности устава академіи. Они явились подъ вліяніемъ хотя и вполнѣ естественныхъ, можетъ быть даже и неизбѣжныхъ по обстоятельствамъ времени причинъ, но вовсе не составляютъ существенной, принципіальной принадлежности устава академіи и въ настоящее время,

послѣ многолѣтняго опыта, представляются даже противорѣчіемъ основному духу и основной тенденціи академическаго устава, выражающейся въ сущности содержанія §§ 1, 2, 3 и 5. «Положенія объ академическомъ курсѣ». Временное пріуроченіе академическаго курса къ Морскому корпусу вполнѣ объясняется чрезвычайною естественностью этой мѣры при первоначальномъ учрежденіи академіи и соотвѣтствіемъ ея тогдашнимъ обстоятельствамъ. Дѣйствительно, академическій курсъ замѣнилъ офицерскіе классы, просуществовавшіе при Морскомъ корпусѣ 35 лѣтъ, директоры корпуса постоянно были вмѣстѣ съ тѣмъ и начальниками офицерскихъ классовъ; лица, завѣдывавшія разными отраслями управленія въ Морскомъ корпусѣ за этотъ долгій промежутокъ времени имѣли самое тѣсное общеніе и съ офицерскими классами, многіе преподаватели Морскаго корпуса въ то же время преподавали и въ офицерскихъ классахъ; офицерскіе классы имѣли въ Морскомъ корпусѣ постоянное помѣщеніе и пользовались отъ него же всѣми пособіями и т. п. Наконецъ нельзя упускать изъ вида, что лицо, стоявшее при открытіи академическаго курса въ главѣ Морскаго корпуса, принимало самое дѣятельное и непосредственное участіе въ преобразованіи морскихъ учебныхъ заведеній и ему же ввѣрена была и первенствующая роль въ дѣлѣ практическаго осуществленія реформы Морскаго корпуса. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, было вполнѣ естественно, благоразумно и осторожно поручить тому же лицу и завѣдываніе нарождающимся академическимъ курсомъ, который, по причинамъ выясненнымъ выше, не успѣлъ еще получить окончательную, вполнѣ зрѣлую и твердую организацію и потому, на нѣкоторое время, нуждался въ прикрѣпленіи къ той, такъ сказать, первородной почвѣ, на которой онъ выросъ. Но порядокъ вещей, имѣвшій смыслъ и значеніе при однихъ обстоятельствахъ, утрачиваетъ свою силу, когда обстоятельства измѣняются. Тоже должно относиться и къ академическому курсу. Пока общее преобразованіе морскихъ учебныхъ заведеній только что начиналось и всѣ практическія послѣдствія его еще не выяснились, пока самъ акаде-

мическій курсъ былъ явленіемъ новымъ, не достаточно испытаннымъ, было бы можетъ быть и неосторожно сразу и вполнѣ отрѣшать его отъ учрежденія, при которомъ онъ создался по естественному ходу вещей. Но какъ отдѣльный человѣкъ постоянно заключенный въ исключительно дѣтскую обстановку, лишенный самодѣятельности и уединенный отъ жизни, никогда не достигнетъ совершенной зрѣлости, такъ и всякое общественное учрежденіе останется въ состояніи младенчества, если будетъ обставлено условіями, стѣсняющими его самостоятельное нормальное развитіе, хотя бы эти условія и формы когда-то и соотвѣтствовали вполнѣ потребностямъ этого учрежденія. Итакъ существующій фактъ долговременной принадлежности Морской академіи Морскому училищу, самъ по себѣ, не составляетъ достаточно состоятельнаго аргумента въ пользу удержанія такого порядка навсегда. Изъ этого факта вовсе не слѣдуетъ, что Николаевской Морской академіи,—институту, преслѣдующему цѣли высшаго морскаго образованія, на вѣки суждено итти, такъ сказать, на буксирѣ у Морскаго корпуса, числиться и состоять при учебномъ заведеніи, преслѣдующемъ сравнительно низшія образовательныя цѣли. Такое явленіе было бы наконецъ вполнѣ несовмѣстно и съ послѣднимъ актомъ внѣшней исторіи Морской академіи — торжественнымъ признаніемъ въ день совершившагося на нашихъ глазахъ пятидесятилѣтняго ея юбилея принесенной ею пользы и ея заслугъ и Высочайше дарованнымъ ей тогда же наименованіемъ Николаевской. Это почетное наименованіе и Высочайшая грамота Николаевской Морской академіи въ день ея юбилея должны быть принимаемы за непоколебимые признаки наступившей уже зрѣлости Морской академіи и ея полной самостоятельности въ будущемъ.

Итакъ разсмотрѣніе главныхъ чертъ внѣшней исторіи Морской академіи обнаруживаетъ явную тенденцію этого учрежденія къ пріобрѣтенію полной самостоятельности и независимости отъ Морскаго корпуса.

Посмотримъ—какія указанія дастъ намъ въ томъ же отношеніи внутренняя исторія офицерскаго класса и академи-

ческаго курса. Мы лично еще очень живо помним прежній офицерскій класс. Этот прародитель нынѣшней Морской академіи в буквальном смыслѣ слова был одним из классов Морскаго кадетскаго корпуса и названіе тогда вполнѣ соотвѣтствовало обозначаемому им предмету. Кадеты прежняго Морскаго корпуса, постепенно переходя, по распоряженію учебнаго начальства, из класса в класс, добирались до гардемаринскаго курса, получали якоря на погоны и затѣм часть гардемарин таким же порядком, перемѣнив гардемаринскую куртку на мичманскій сюртук, переходила в офицерскіе классы. Тѣсная и преемственная связь офицерских классов с гардемаринскими и кадетскими как нельзя болѣе рельефно выражалась даже в самых мелких подробностях внѣшняго их быта: они даже и помѣщались в одном коридорѣ с кадетскими классами, занимая часть его, сосѣдственную с гардемаринскими (*), и офицеры имѣли совершенно одинаковое с кадетами ежедневное распредѣленіе классных занятій. И кадет, и гардемарин, и мичман офицерских классов равно обязаны были, по барабану, являться ежедневно к 8 часам утра в классы, просиживать в них одинаковое для всѣх урочное время и затѣм, по барабану же, приходить опять в классы к 3 часам пополудни для занятій со всѣми воспитанниками до 6 часов вечера. Так шли годы за годами и дни за днями. При этом никто, повидимому, долго не задавал себѣ вопроса: удобно ли подчинять взрослых офицеров, призванных к самостоятельным и добровольным занятіям высшими отраслями наук, тѣм же школьным порядкам, как дѣтей и юношей, живущих в стѣнах строго закрытаго военно-учебнаго заведенія, и согласно ли с правилами здраваго воспитанія соединять под один общій надзор и под одну мѣрку, в одном общем узком кор-

(*) Только в началѣ пятидесятых годов, в бытность, если не ошибаюсь, директором корпуса адмирала Глазенапа, офицерскіе классы были отдѣлены от прочих классов корпуса и получили самостоятельное распредѣленіе занятій.

ридорѣ и десятилѣтняго кадета, и шестнадцатилѣтняго гардемарина, и двадцатилѣтняго мичмана. Между тѣмъ, и тѣхъ, и другихъ, и третьихъ ежедневно можно было видѣть дружески прогуливающимися подъ руку въ такъ называвшемся «теченіи» класснаго корридора. Если не ошибаюсь, было время когда мичмана офицерскихъ классовъ даже и жили группами на особыхъ квартирахъ въ самомъ зданіи Морскаго корпуса и домашній ихъ бытъ подчиненъ былъ болѣе или менѣе бдительному надзору корпуснаго начальства. Мичмана офицерскихъ классовъ, находясь въ ближайшемъ завѣдываніи одного изъ корпусныхъ офицеровъ, по назначенію начальства, въ то же время вступали съ одной стороны въ близкія служебныя сношенія съ прочими начальствующими въ корпусѣ лицами, а съ другой—въ тѣсныя, прямыя и частыя столкновенія и съ самими воспитанниками. Такъ мичмана, по очереди, ежедневно назначались на дежурство въ корпусный лазаретъ и весьма часто прикомандировывались къ составу ротныхъ офицеровъ для занятія должности дежурнаго воспитателя. Случалось, что тѣ же мичмана, оставаясь въ офицерскихъ классахъ, преподавали какой нибудь предметъ и въ классахъ корпуса. Зимою, ежедневно съ 12 до 3 часовъ, для ознакомленія со строевою службою, мичмана, по очереди, назначались начальниками кадетскихъ карауловъ, выводимыхъ въ столовый залъ, и здѣсь, послѣ обѣда, подъ руководствомъ баталіоннаго командира, занимались вмѣстѣ съ кадетами практикою караульной службы. Вмѣстѣ съ кадетами же они участвовали въ парадахъ, разводахъ и смотрахъ, а лѣтомъ нѣкоторые изъ нихъ, не отправляясь на такъ называвшуюся большую эскадру, назначались на корпусные фрегаты, плававшіе въ Маркизовой Лужѣ. Такимъ образомъ въ эту еще весьма не отдаленную отъ насъ эпоху офицерскій классъ былъ самымъ тѣснымъ и интимнымъ образомъ слитъ съ Морскимъ Кадетскимъ корпусомъ. Питомцы его, послѣ трехлѣтняго воздѣйствія на нихъ описанной сейчасъ системы, весьма напоминающей систему пепиньерства нашихъ женскихъ институтовъ, производились по окончаніи курса въ лейтенанты и частью поступали на флотъ, гдѣ, въ

большинствѣ случаевъ, встрѣчали совершенно холодный, если не явно враждебный, пріемъ, а частью тотчасъ съ классной скамьи, не извѣдавъ ни жизни, ни дѣйствительной морской службы, прямо поступали въ составъ тѣснаго и замкнутаго круга корпусныхъ офицеровъ, на мѣста преподавателей и воспитателей. Наиболѣе вліятельная и интеллигентная часть учебнаго и воспитательнаго персонала Морскаго корпуса изъ году въ годъ формировалась изъ такихъ питомцевъ офицерскаго класса, традиціонно передававшихъ другъ другу разъ усвоенный ими духъ и направленіе въ ходѣ всего воспитанія и обученія. Этимъ, между прочимъ, объясняется прочность, устойчивость и чрезвычайная живучесть всѣхъ формъ воспитательной системы, усвоенной Морскимъ корпусомъ, —системы, долго и упорно не поддававшейся никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ и перемѣнамъ и дающей чувствовать себя даже до сихъ поръ. Эта рѣдкая въ общественныхъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ замкнутость, обособленность и неподвижность формъ воспитанія, составлявшая въ одно время и чрезвычайную силу и вмѣстѣ недостатокъ Морскаго корпуса, очень поддерживалась офицерскими классами, которые, состоя въ полнѣйшемъ распоряженіи корпуса и слившись, такъ сказать, съ нимъ, неизбѣжно отрѣшились отъ благотворнаго и обновляющаго вліянія на нихъ флота, жившаго своею собственною жизнью, и сдѣлавшись живымъ хранителемъ корпусныхъ традицій, превратились наконецъ какъ бы въ особую учительскую семинарію, приготовлявшую для Морскаго корпуса преподавателей и воспитателей. Не боясь преувеличенія, можно съ увѣренностью сказать, что подъ вліяніемъ установленной неотразимыми обстоятельствами тѣсной связи офицерскихъ классовъ съ Морскимъ корпусомъ, они совершенно уклонились отъ первоначальной своей задачи—быть органомъ высшаго морскаго образованія въ государствѣ, непрерывно и зорко слѣдить за развитіемъ теоріи и практики морскаго дѣла, служить нуждамъ и потребностямъ всего флота, а не одного только Морскаго корпуса, поддерживать съ флотомъ же непрерывную и живую связь, сдѣлавшись посредникомъ между наукою и практикою. Всѣ эти цѣли, важность кото-

рыхъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ сознавалась славнымъ адмираломъ Крузенштерномъ, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, борьба съ которыми въ большей части случаевъ превышаетъ силы отдѣльнаго лица, были, мало по малу, заслонены, а потомъ и окончательно поглощены одною—образованіемъ разсадника преподавателей и воспитателей для Морскаго корпуса. Да и могло ли быть иначе? Когда открывались офицерскіе классы въ видѣ придатка къ Морскому корпусу, вполнѣ подчиненнаго ему, прошло уже три четверти вѣка со времени учрежденія этого послѣдняго. Морской корпусъ, за этотъ долгій періодъ времени, успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстный прочный складъ, твердую организацію и вполнѣ самостоятельное значеніе. Офицерскіе же классы существовали при немъ такъ сказать между прочимъ, какъ одинъ изъ его аксесуаровъ; единичные слушатели офицерскихъ классовъ совершенно терялись въ общей, измѣряемой сотнями, массѣ воспитанниковъ Морскаго корпуса; достоинства и дѣятельность директоровъ и учебно-воспитательнаго персонала корпуса оцѣнивались не успѣхами офицерскихъ классовъ, какъ учрежденія второстепеннаго, а ходомъ воспитанія и обученія въ самомъ корпусѣ; наконецъ офицерскіе классы будучи совершенно отрѣшены отъ всякой связи и солидарности съ флотомъ не возбуждали къ себѣ въ большинствѣ морскаго сословія никакого сочувственнаго интереса. При такихъ условіяхъ офицерскіе классы неизбѣжно должны были сдѣлаться, такъ сказать, жертвою Морскаго корпуса и они и сдѣлались ею, превратившись въ его рукахъ въ орудіе для осуществленія не тѣхъ широкихъ и самостоятельныхъ задачъ, ради которыхъ они первоначально открывались, по мысли ихъ учредителя, а для преслѣдованія совершенно иныхъ, гораздо болѣе узкихъ и чисто служебныхъ цѣлей, возникавшихъ изъ педагогическихъ потребностей Морскаго корпуса. Всегда и вездѣ болѣе сильный непремѣнно поглотитъ слабаго, если они будутъ поставлены въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. И нужно сказать, что Морской корпусъ вполнѣ оправдалъ эту несомнѣнную житей-

скую аксіому. Все сказанное не есть выраженіе только нашего личнаго взгляда. Люди близко знакомые съ дѣломъ высказывали подобныя же мысли гораздо раньше насъ. Для подтвержденія этихъ словъ достаточно сослаться на лицо, близкое и глубокое знакомство котораго съ офицерскими классами стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія,—мы разумѣемъ покойнаго С. О. Бурачка (*).

И такъ сущность описаннаго сейчасъ перваго періода внутренней исторіи офицерскихъ классовъ можетъ быть охарактеризована какъ процессъ постепеннаго поглощенія офицерскаго класса Морскимъ корпусомъ и постепеннаго же ослабленія всякой живой связи этого учрежденія съ флотомъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить одного чрезвычайно важнаго результата, неизбѣжно вытекшаго изъ описаннаго сейчасъ процесса. Такъ какъ Морской корпусъ, преслѣдуя по отношенію къ офицерскимъ классамъ свою, такъ сказать эгоистическую и совершенно исключительную цѣль, не озаботился объ установленіи органической связи офицерскихъ классовъ съ флотомъ, наложилъ и на эти классы и на ихъ питомцевъ свою печать, искуственно задерживалъ ихъ такъ сказать въ состояніи дѣтства и отрѣшенности отъ практической сферы, то репутація офицерскаго класса въ средѣ собственно флотскихъ офицеровъ не поднималась, какъ бы слѣдовало того ожидать при нормальномъ ходѣ вещей, а, напротивъ, все болѣе и болѣе падала. Многіе склонны возлагать исключительно на морское сословіе отвѣтственность за такое неблагопріятное отношеніе его къ питомцамъ офицерскихъ классовъ. Но это было бы глубоко несправедливо. Дѣйствительно, морское дѣло, какъ и все живое, развивалось, совершенствовалось, усложнялось, уходило впередъ, программы же и внутренніе порядки офицерскихъ классовъ оставались безъ измѣненія. И это не могло быть иначе, потому что офицерскій классъ былъ связанъ съ низшимъ, относительно, учебнымъ заведеніемъ, а, по самой натурѣ вещей, чѣмъ ниже

(*) См. его рѣчь объ офицерскихъ классахъ, помѣщенную въ очеркѣ исторіи Морской академіи, напечатанномъ въ журналѣ «Яхта».

образовательная цѣль заведенія, тѣмъ меньшимъ и болѣе медленнымъ измѣненіямъ подлежатъ его программы, такъ какъ курсъ низшихъ и среднихъ училищъ обнимаетъ собою только вполнѣ установившіеся, прочные и окончательные результаты науки. Новѣйшія же, еще не окончательныя пріобрѣтенія науки и сопряженная съ ними научная критика, играющія видную роль въ дѣлѣ высшаго образованія и составляющія даже одну изъ характеристическихъ особенностей этого образованія, по необходимости, должны быть допускаемы въ курсъ низшихъ учебныхъ заведеній съ крайнею осмотрительностью и осторожностью. Это обстоятельство, составляющее, кстати сказать, одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ слiянія Морской академіи съ Морскимъ корпусомъ, или вообще какимъ бы то ни было инымъ низшимъ учебнымъ заведеніемъ, и было коренною причиною застоя офицерскихъ классовъ. Морской корпусъ перенесъ и на офицерскіе классы тотъ характеръ, который, по естественному ходу вещей, долженъ былъ бы принадлежать только ему одному, а не распространяться на учрежденіе, имѣвшее совсѣмъ другую цѣль и долженствовавшее пользоваться совсѣмъ иными средствами для достиженія этой цѣли. Но такое насиліе было неизбѣжно, потому что никто и ничто не можетъ до противоположности раздвоятъся въ своей дѣятельности. И такъ программы офицерскихъ классовъ, преслѣдуя свои исключительныя теоретико-педагогическія цѣли, оставались безъ измѣненія. Правда, питомцы офицерскаго класса приносили съ собою во флотъ довольно широкое теоретико-математическое образованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прочнѣе усвоивали себѣ особенное узко-кадетское воззрѣніе на жизнь и почти не имѣли никакихъ основательныхъ прикладныхъ знаній по своей спеціальности. Сверхъ того, будучи на цѣлыхъ три года отрѣшены отъ флота, они не пріобрѣтали никакого практическаго навыка въ морскомъ ремеслѣ, а между тѣмъ производились въ слѣдующій чинъ и становились на голову своимъ товарищамъ, успѣвшимъ уже до нѣкоторой степени запастись и опытностью, и знаніемъ требованій дѣйствительной морской службы, съ которыми,

конечно, трудно было ознакомиться, дежуря по корпусному лазарету, начальствуя кадетскими караулами и т. п. и вращаясь постоянно въ весьма исключительной сферѣ закрытаго учебнаго заведенія. Доказательствомъ полнѣйшей утраты офицерскими классами къ концу описаннаго періода всякаго самостоятельнаго значенія служитъ то, что тотчасъ послѣ отмѣны, начиная съ выпуска 1856 г., производства въ слѣдующій чинъ, офицерскіе классы стали быстро пустѣть, хотя, въ то же время, доступъ въ нихъ сталъ почти совершенно свободенъ для всѣхъ флотскихъ и штурманскихъ офицеровъ. Не требовали даже сдачи пріемнаго экзамена и подъ конецъ довольствовались однимъ простымъ заявленіемъ желанія поступить въ число слушателей. Дѣло дошло наконецъ, кажется, до того, что передъ закрытіемъ офицерскихъ классовъ въ нихъ оставался чуть ли не одинъ какой-то слушатель!—лучшее доказательство, что система, преслѣдовавшая только педагогическія цѣли, не отвѣчавшая истиннымъ потребностямъ флота и поддерживаемая, главнымъ образомъ, приманкою производства въ слѣдующій чинъ, оказалась совершенно несостоятельною тотчасъ, какъ эта приманка была уничтожена.

Итакъ, внутренняя исторія офицерскихъ классовъ, за весь 35-лѣтній періодъ ихъ существованія, показываетъ, что подчиненіе ихъ Морскому корпусу мало способствовало правильному и прогрессивному развитію во флотѣ высшаго научнаго образованія и не привело большинства морскаго сословія къ твердому убѣжденію въ необходимости такого образованія. Напротивъ, это подчиненіе отклонило офицерскіе классы отъ ихъ нормальнаго пути и постепенно превратило ихъ въ учрежденіе, удовлетворявшее не образовательнымъ нуждамъ непосредственно самаго флота, а служащее подспорьемъ для цѣлей собственно Морскаго корпуса. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи офицерскіе классы, безъ всякаго сомнѣнія, были очень полезны дѣлу воспитанія и обученія въ Морскомъ корпусѣ, а черезъ него, конечно, принесли значительную пользу и самому флоту. Но однимъ этимъ результатомъ, очевидно, нельзя было удовлетвориться, такъ какъ прямое назначеніе

офицерскаго класса было совершенно иное и гораздо болѣе широкое. Наступилъ второй періодъ—эпоха академическаго курса. Въ основу организаціи академическаго курса положены были: принципъ спеціализаціи занятій и принципъ свободнаго доступа къ высшему образованію всѣмъ офицерамъ флота и корпусовъ морскаго вѣдомства. Не смотря на то, что академическій курсъ, по уставу, не давалъ почти ни какихъ преимуществъ по службѣ, въ него сразу же поступило очень большое число слушателей (*). Этотъ фактъ допускаетъ только одно толкованіе: по нашему мнѣнію онъ доказываетъ вопервыхъ, что въ началѣ на академію возлагались большія надежды, а вовторыхъ, что въ средѣ молодыхъ флотскихъ офицеровъ несомнѣнно существовала и, конечно, до сихъ поръ существуетъ потребность въ высшемъ научномъ образованіи. Если же впослѣдствіи число слушателей стало уменьшаться, то это объясняется только тѣмъ, что академическій курсъ во многихъ отношеніяхъ не довелъ до конца начатаго имъ дѣла. Прежде всего оказалось, что съ превращеніемъ офицерскаго класса въ академическій курсъ отношеніе его къ флоту и отношеніе флота къ нему остались почти тѣ же, что были и прежде. Окончаніе курса въ академіи, не давая какъ прежде, чина, въ то же время ни мало не вліяло на служебную дѣятельность академиста. Какъ и прежде, выходя на флотъ онъ терялся въ общей массѣ остальныхъ офицеровъ и проходилъ службу совершенно такъ, какъ бы и не былъ въ академіи: въ большинствѣ случаевъ служба не давала ему никакой дѣятельности, гдѣ бы онъ могъ примѣнить пріобрѣтенныя имъ знанія и обнаружить свои способности. При такихъ условіяхъ становилось дѣйствительно все равно поступать или не поступать въ академію. Не поступать было даже выгоднѣе и удобнѣе, потому что такимъ образомъ избѣгалась трата, по меньшей мѣрѣ, двухъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ молодой офицеръ могъ расчитывать хорошо заре-

(*) Не помню точной цифры слушателей въ первомъ учебномъ году академическаго курса, но, какъ слушатель академіи, я твердо помню, что на общихъ лекціяхъ аудиторія всегда была полна и вмѣщала въ себѣ отъ 25 до 30 человѣкъ.

комендовать себя на дѣйствительной службѣ съ той или другой стороны, отправиться въ дальнее плаваніе, составить себѣ тѣ или другія служебныя связи и т. п. Словомъ, опытъ показалъ, что академія, какъ и офицерскій классъ, не оказываетъ никакого существеннаго вліянія на служебное положеніе офицера. Итакъ эта часть надеждъ, возлагавшихся молодымъ поколѣніемъ морскихъ офицеровъ на академію, не осуществилась. Обратимся къ другой сторонѣ дѣла и спросимъ себя: достаточно ли широко удовлетворяетъ академія потребностямъ высшаго научнаго образованія по различнымъ спеціальностямъ морскаго дѣла? Если да, то и этого одного было бы уже достаточно, чтобы академія, если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, постепенно стала пріобрѣтать прочное значеніе и авторитетъ въ глазахъ флота. Мы живемъ въ такой вѣкъ, когда наука, особенно въ примѣненіи къ практическимъ цѣлямъ жизни, является дѣйствительною и громадною силою. Вооруженные ею академисты могли бы и сами, безъ внѣшнихъ, искуственныхъ поощреній, завоевать себѣ почетное и вліятельное положеніе въ сферѣ практической дѣятельности. Но постоянная незначительность числа слушателей и даже постепенное уменьшеніе его изъ году въ годъ, опустѣніе нѣкоторыхъ отдѣленій академіи, дошедшее до того, что на кораблестроительномъ напримѣръ отдѣленіи не оставалось чуть ли даже и одного слушателя, мало говорятъ въ пользу предположенія, что академія вполнѣ удовлетворяетъ своему спеціальному назначенію. Какъ бы ни были эгоистичны и утилитарны стремленія нашего вѣка, было бы грубою ошибкою и крайнею несправедливостью обвинять поголовно все наше молодое поколѣніе въ совершенномъ отсутствіи любви къ знанію, въ пренебреженіи къ наукѣ, въ исключительномъ стремленіи только къ ближайшей и непосредственной матеріальной выгодѣ. Всегда и повсюду одною изъ самыхъ характеристическихъ чертъ молодости было и будетъ искреннее стремленіе къ образованію и живая воспріимчивость къ нему. Это стремленіе можетъ быть задержано, неправильно и неудачно направлено, даже подавлено на время, но никогда не можетъ быть уничтожено. Оно съ энергіею обнаружи-

вается всякій разъ, какъ находитъ для себя удовлетворительные образовательные органы. Это несомнѣнное свойство человѣческой природы, безъ допущенія котораго уничтожилась бы всякая возможность объясненія явленія прогресса человѣческихъ обществъ. Итакъ не въ испорченности молодаго поколѣнія и не въ корыстныхъ его стремленіяхъ нужно искать объясненія занимающаго насъ вопроса. Для отысканія причинъ, вызывающихъ существующее неудовлетворительное положеніе высшаго морскаго образованія, очевидно, слѣдуетъ обратиться къ самому органу этого образованія. Выше было уже упомянуто, что въ основу организаціи академическаго курса положены были принципы вполнѣ здравые и достаточно широкіе. Сверхъ того, законодатель, мудро предвидя сложность и трудность дѣла, а также и необходимость провѣрки первоначально установленныхъ подробностей его опытомъ, подчинилъ академическій курсъ не окончательному, твердому и незыблемому уставу, не подлежащему дальнѣйшимъ перемѣнамъ, а «*временному положенію*», очевидно, въ силу самой временности своей, дававшему академіи полную возможность развиваться въ будущемъ сообразно разъясняющимъ указаніямъ опыта и вновь возникающимъ и обнаруживающимся потребностямъ и запросамъ. Но, къ сожалѣнію, самой академіи вслѣдъ за ея открытіемъ своевременно не дана была фактическая и дѣйствительная самостоятельность, необходимая для свободнаго и правильнаго развитія указанныхъ сейчасъ началъ и въ этомъ-то именно обстоятельствѣ и заключается существенная, такъ сказать, недодѣланность реформы высшаго морскаго образованія. Одинаковыя причины приводятъ и къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Изъ обзора исторіи офицерскихъ классовъ мы видѣли, что принадлежность ихъ Морскому корпусу не привела къ достаточно удовлетворительному достиженію тѣхъ цѣлей, ради которыхъ возникли офицерскіе классы. Есть основаніе опасаться, что подобная же причина, т. е. принадлежность и академіи Морскому училищу, приведетъ и ее къ подобному же результату, видоизмѣненному только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ, въ зависимости

отъ особенныхъ, вновь созданныхъ временемъ и измѣнившихся обстоятельствами условій. Уже и теперь можно указать на нѣкоторые явные признаки несомнѣнно ненормальнаго состоянія академіи. Такъ изданное пятнадцать лѣтъ тому назадъ «временное положеніе» объ академическомъ курсѣ, допускавшее и даже вызывавшее самымъ смысломъ термина «временное» пересмотръ и измѣненіе въ зависимости отъ развитія дѣла, не претерпѣло однакоже никакихъ, сколько нибудь существенныхъ перемѣнъ. А пятнадцать лѣтъ очень большой промежутокъ времени! Онъ составляетъ чуть ли не добрую половину всего періода зрѣлости цѣлой жизни человѣческой. Неужели за все это время опытъ ничего не разъяснилъ и жизнь не подвинулась впередъ на столько, чтобы дать себя почувствовать хотя какою нибудь замѣтною перемѣною? Между тѣмъ изъ предшествующихъ главъ настоящей статьи видно, что въ Морской академіи вовсе нѣтъ цѣлаго факультета, военно морскаго, потребность въ которомъ давно уже живо сознается и ощущается очень многими, что существующее раздѣленіе академіи на отдѣленія явно не удовлетворительно, что принципъ спеціализаціи курсовъ не достаточно осуществленъ, что въ курсахъ академіи не достаетъ нѣкоторыхъ существенно важныхъ предметовъ и въ то же время другіе предметы поставлены не на своемъ мѣстѣ и гдѣ они есть оказываются излишними, что, наконецъ, и самое время, ассигнованное на прохожденіе курса, оказывается далеко не достаточнымъ, не дающимъ возможности сообщить курсамъ академіи необходимую полноту, глубину и основательность. Всѣ эти недостатки, безъ сомнѣнія, оказываютъ самое прямое и существенное вліяніе на неудовлетворительность всего дѣла. Масса ихъ именно потому и накопляется, что академія не живетъ собственною самостоятельною жизнью, не имѣетъ нормальнаго органа для достаточно энергическаго заявленія о своихъ нуждахъ и, подобно имуществу, покинутому хозяиномъ, оставаясь безъ исключительно на нее направленнаго ухода и своевременнаго ремонта, накопляетъ въ себѣ все больше и больше изъяновъ. Чтобы отдать себѣ подробный и точный отчетъ во всѣхъ причи-

нахъ, вызывающихъ такой порядокъ вещей, слѣдовало бы обратиться къ внутренней исторіи академическаго курса; но такъ какъ учрежденіе это всецѣло принадлежитъ еще настоящему времени, то не можетъ быть и рѣчи о подобномъ изслѣдованіи этого еще живущаго организма, находящагося еще въ состояніи развитія, а потому считаемъ совершенно не своевременнымъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ сторонъ быта Морской академіи въ нынѣшнемъ ея состояніи. Но, не ожидая результатовъ еще грядущаго историческаго опыта, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, снова подтвердитъ, хотя, можетъ быть, и въ нѣсколько иной формѣ, историческій урокъ, вполнѣ достаточно преподанный уже офицерскими классами, можно и отрѣшившись вполнѣ отъ исторической почвы, на основаніи однихъ только, такъ сказать, апріорическихъ и при томъ не многихъ, самыхъ простыхъ и вполнѣ очевидныхъ общихъ соображеній доказать, что Морская академія не можетъ и не должна оставаться долѣе придаткомъ къ Морскому училищу, а требуетъ для себя вполнѣ самостоятельной организаціи. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ соображеніямъ сдѣлаемъ одну необходимую оговорку по поводу всего изложеннаго въ настоящей главѣ. Спѣшимъ предупредить читателя, что было бы крайне неосновательно и вполнѣ несправедливо видѣть въ вышеизложенномъ взглядѣ, основанномъ единственно на объективномъ, на сколько это было въ нашихъ силахъ, разсмотрѣніи исторіи офицерскихъ классовъ, учрежденія перешедшаго уже въ область минувшихъ фактовъ, укоръ кому бы то ни было изъ достопочтенныхъ и заслужившихъ уваженіе и общую признательность дѣятелей Морскаго корпуса, Морскаго училища и Морской академіи. Во всемъ вышеизложенномъ мы имѣли въ виду изслѣдованіе нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, со стороны совокупности формальныхъ, служебныхъ и иныхъ общихъ условій ихъ быта, а не сужденіе о дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, такъ или иначе связанныхъ съ этими учрежденіями. Къ живымъ и уже сошедшимъ съ поприща дѣятелямъ, лично, мы не питаемъ никакого инаго чувства, кромѣ высокаго уваженія и вполнѣ искренней, глубочайшей

признательности какъ къ нашимъ бывшимъ наставникамъ, воспитателямъ, преподавателямъ и профессорамъ, которымъ, въ концѣ концовъ, мы вмѣстѣ съ сотнями другихъ питомцевъ Морскаго корпуса и Морской академіи, обязаны всею суммою нашего нравственнаго и умственнаго развитія. Чтобы устранить даже и малѣйшую тѣнь всякаго недоразумѣнія, сошлемся на всѣмъ извѣстную истину, что какое бы высокое положеніе ни занимало отдѣльное лицо, призванное къ той или другой общественной дѣятельности, какими бы широкими полномочіями оно ни обладало, оно можетъ проявлять свою дѣятельность только въ сферѣ условій и обстоятельствъ даннаго мѣста и времени. Условія же эти и обстоятельства, въ большей части случаевъ, если не всегда, складываются помимо воли отдѣльныхъ лицъ. Примѣняя эту соціальную аксіому къ занимающему насъ вопросу, спросимъ: можно ли, напримѣръ, винить директоровъ Морскаго корпуса за то, что этотъ корпусъ въ концѣ концовъ поглотилъ офицерскіе классы? Вѣдь офицерскіе классы существовали 35 лѣтъ! За это время въ Морскомъ корпусѣ смѣнилось шесть директоровъ. Было бы безумно и совершенно нелѣпо предполагать существованіе какого нибудь особаго, умышленнаго соглашенія между ними, касающагося того конечнаго результата, къ которому пришелъ офицерскій классъ; а между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что черезъ всю исторію офицерскихъ классовъ проходитъ явное стремленіе именно къ этому, а не къ иному какому либо конечному результату. Ясно, что это стремленіе опредѣлялось не единичною чьею либо волею, которая сама была увлечена общимъ потокомъ, а самою сущностью тѣхъ условій и обстоятельствъ, посреди которыхъ существовалъ офицерскій классъ, и что результатъ уже заранѣе заключался въ совокупности первоначальныхъ данныхъ, какъ это всегда и бываетъ со всякимъ явленіемъ въ природѣ, будетъ ли оно физическое, нравственное или общественное. Едвали настоитъ также надобность въ пространномъ оправданіи отрицательнаго по преимуществу характера высказаннаго выше взгляда на офицерскіе классы и академическій курсъ. Ни одно человѣческое предпріятіе

не изъято отъ недостатковъ. Свѣтлыя стороны офицерскихъ классовъ и академическаго курса, поддержавшихъ во флотѣ науку и знанiе и давшихъ отечеству нашихъ многихъ просвѣщенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, не нуждаются ни въ какихъ восхваленiяхъ съ чьей бы то ни было стороны. Хорошее и доброе не подлежитъ уничтоженiю и передѣлкамъ: оно останется жить, какъ жило и живетъ. Наша же задача, какъ мы ее поняли изъ просвѣщеннаго образа дѣйствiя Комитета Морскихъ учебныхъ заведенiй, именно и состояла въ посильномъ раскрытiи существующихъ недостатковъ, потому что безъ знанiя недуга невозможно изцѣленiе. Отсюда вполнѣ объясняется нашъ одностороннiй, отрицательный тонъ, за которымъ однакоже не скрывается никакого инаго побужденiя, кромѣ самаго горячаго и искренняго желанiя всевозможныхъ благъ учрежденiю, которому и мы лично обязаны своимъ образованiемъ. Переходимъ къ прерванному изложенiю.

Самостоятельность Морской академiи вызывается прежде всего существеннымъ различiемъ и даже нѣкоторою противоположностью цѣлей Морскаго училища и академiи, а также и совершеннымъ несходствомъ нормальныхъ средствъ, пригодныхъ для достиженiя этихъ цѣлей. Взаимныя отношенiя Морскаго училища и Морской академiи, какъ заведенiй приготовительнаго и высшаго, до нѣкоторой степени аналогичны съ отношенiями напримѣръ гимназiи къ университету, средняго учебнаго заведенiя къ высшему. Ни въ одной изъ существующихъ гдѣ либо учебныхъ системъ не встрѣчается факта подчиненiя высшаго учебнаго института низшему. Трудно даже и на минуту допустить мысль, что было бы въ какомъ бы то ни было отношенiи полезно отнять, напримѣръ, отъ университета самостоятельность и превратить его въ учрежденiе, подчиненное гимназiи, или гимназiю подчинить какой нибудь еще низшей элементарной школѣ. Такая неслыханная организацiя учебной системы представляла бы явное и очевидное извращенiе естественнаго порядка вещей, освященнаго вѣками и усвоеннаго всѣми образованными народами. Переходя отъ этого общаго соображенiя къ

занимающему насъ частному случаю, не можемъ не обратить вниманія на существенное различіе отношеній флота съ его спеціальными профессіями съ одной стороны къ Морскому училищу, а съ другой къ Морской академіи. Прежде всего Морское училище есть спеціальное приготовительное учебное заведеніе, предназначенное для удовлетворенія потребностей только одной изъ флотскихъ спеціальностей, собственно военно-морской; но кромѣ флотскихъ офицеровъ въ морскомъ вѣдомствѣ существуютъ еще штурмана, кораблестроители, механики и артиллеристы. Для подготовленія къ этимъ спеціальностямъ Морское училище прямо не предназначается: для нихъ существуетъ другое училище—Морское Техническое. Академія же, по самой основной своей идеѣ, есть учрежденіе для окончательнаго, высшаго образованія по *всѣмъ* спеціальнымъ отраслямъ морскаго дѣла. Такимъ образомъ Морское училище и Морская академія различаются между собою, не только по своимъ образовательнымъ задачамъ, а слѣдовательно, и по характеру и формѣ образовательной дѣятельности, ибо классное училищное обученіе есть нѣчто радикально отличающееся отъ академическаго преподаванія, но и по объему этой дѣятельности. Морское училище относится къ академіи какъ часть къ цѣлому. Въ виду одного уже этого обстоятельства—какимъ образомъ, на перекоръ естественному порядку вещей, можно допускать поглощеніе цѣлаго частью? Наконецъ, еслибы даже такое противуестественное начало и было допущено, то на какомъ основаніи академія должна быть присоединена именно къ Морскому училищу? Почему не присоединить ее къ Морскому Техническому училищу, отношеніе котораго къ флоту вполнѣ аналогично съ отношеніемъ къ этому послѣднему и Морскаго училища? Техническое училище имѣетъ даже на своей сторонѣ явное преимущество передъ Морскимъ: оно приготовляетъ къ четыремъ спеціальностямъ—гидрографической, кораблестроительной, механической и артиллерійской,— а Морское училище только къ одной—военно-морской и слѣдовательно и по объему своей образовательной дѣятельности, и по своимъ образовательнымъ задачамъ, первое несрав-

ненно многостороннѣе второго и въ этомъ отношенія гораздо болѣе приближается къ Морской академіи. При такихъ условіяхъ, очевидно, невозможно найти никакого логически удовлетворительнаго основанія для оправданія предпочтенія, отдаваемаго Морскому училищу. Далѣе, по сущности своего назначенія, Морское училище есть учрежденіе вполнѣ и самымъ тѣснымъ образомъ подчиненное текущимъ нуждамъ и требованіямъ флота; задача училища несомнѣнно состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы довести своихъ питомцевъ до того уровня образованія, который соотвѣтствуетъ установившимся уже для даннаго времени практическимъ нормамъ военно-морской службы. Оно вообще не можетъ задаваться никакими болѣе широкими цѣлями, потому что достиженіе и одной указанной сейчасъ цѣли составляетъ уже очень трудную и сложную практическую задачу, въ виду той значительной массы воспитанниковъ, которая ежегодно должна быть выпускаема изъ училища для пополненія рядовъ флота. Задача же Морской академіи совершенно иная. Академію никакъ нельзя разсматривать какъ учрежденіе, подчиненное флоту въ томъ же смыслѣ, въ какомъ, какъ это сейчасъ объяснено, подчинено ему Морское училище. Назначеніе Морской академіи состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ науки вліять на усовершенствованіе и повышеніе установившихся въ данное время нормъ служебной практики и съ этой точки зрѣнія академія есть учрежденіе, такъ сказать, руководящее, тогда какъ Морское училище—руководимое. Морское училище подводитъ къ этимъ нормамъ, а Морская академія должна стремиться къ наибольшему возвышенію надъ ними своихъ питомцевъ. Тамъ гдѣ задача училища уже оканчивается, задача академіи только еще начинается. Морское училище предназначено сохранять и выработывать въ сословіи морскихъ офицеровъ нѣкоторую опредѣленную сумму знаній, обнимающихъ собою совокупность всѣхъ установившихся уже результатовъ, къ которымъ пришла теорія и практика въ данную эпоху. Морская же академія предназначена главнымъ образомъ къ

тому, чтобы, при помощи высшаго научнаго образованія, развивать эти результаты далѣе и далѣе. Роль Морскаго училища по преимуществу консервативная, роль же Морской академіи по преимуществу прогрессивная. Между Морскою академіею и Морскимъ училищемъ стоитъ флотъ съ его текущими требованіями и будущими надеждами. Отсюда ясна противоположность отношеній Морскаго училища и Морской академіи къ флоту. Поэтому-то академія и не можетъ подняться до высоты своего дѣйствительнаго назначенія до тѣхъ поръ, пока она будетъ неразрывно связана съ Морскимъ училищемъ и тѣмъ лишена возможности стать въ правильныя, самостоятельныя и естественныя отношенія къ флоту, соотвѣтственно своему высокому призванію. Двѣ, до противоположности различныя, цѣли не могутъ быть преслѣдуемы однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ. Говоримъ однимъ и тѣмъ же, потому что нельзя же признавать самостоятельнымъ учрежденіе, фактически подчиненное другому, хотя бы оно и носило не одинаковое съ нимъ названіе. Наконецъ возможно ли даже ожидать, чтобы такое многосложное и трудное дѣло, каково воспитаніе и обученіе въ Морскомъ училищѣ, могло быть соединено съ неменѣе труднымъ и сложнымъ дѣломъ высшаго академическаго образованія безъ всякаго ущерба тому или другому порознь, или обоимъ имъ вмѣстѣ. Это опасеніе въ особенности примѣнимо къ настоящему Морскому училищу, такъ какъ послѣ учрежденія при немъ приготовительныхъ классовъ, образовательная и вообще педагогическая дѣятельность училища очень усложнилась. Морское училище и безъ академіи есть уже заведеніе преслѣдующее двойственную цѣль: съ одной стороны оно есть спеціальное военно-учебное заведеніе, приготовляющее своихъ питомцевъ къ военно-морской службѣ, а съ другой стороны оно, въ то же время, есть и заведеніе общеобразовательное, задающееся сверхъ того еще цѣлями чисто-воспитательными въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ какъ два приготовительные и одинъ общій классы его необходимо должны преслѣдовать, по преимуществу, общеобразовательныя цѣли и, какъ интер-

наты, они требуютъ усиленной чисто воспитательной дѣятельности. Присвоеніе такому и безъ того уже очень сложному учебно-воспитательному организму еще одной и притомъ весьма не легкой образовательной функціи, какова задача высшаго политехническаго образованія, едвали можетъ быть допущено безъ явнаго ущерба для дѣла. Если существующій порядокъ останется въ своей силѣ, то Морское училище будетъ представлять единственный въ своемъ родѣ примѣръ сосредоточенія въ одномъ и томъ же учебномъ институтѣ трехъ существенно различныхъ между собою образовательныхъ учрежденій—общеобразовательнаго интерната, приготовительнаго спеціальнаго военно-учебнаго заведенія и политехническаго института, имѣющаго цѣлью высшее окончательное образованіе по нѣкоторой группѣ родственныхъ между собою спеціальностей. Можно безошибочно сказать, что такая обширная, трудная и сложная задача едвали будетъ подъ силу кому бы то ни было.

Чтобы не упустить ничего существеннаго при обсужденіи занимающаго насъ важнаго вопроса, остается еще сравнить положеніе Морской академіи съ положеніемъ другихъ спеціальныхъ военныхъ академій. Могутъ сказать, что Михайловская артиллерійская и Николаевская инженерная академіи, подобно Морской, связаны съ соотвѣтствующими училищами и что, слѣдовательно, такой порядокъ вещей возможенъ. Мы и не оспариваемъ его возможности, но говоримъ только о его неудобствахъ въ примѣненіи собственно къ Морской академіи при нынѣшнемъ состояніи ея и Морскаго училища. Не будучи близко знакомы съ артиллерійскою и инженерною академіями, мы не беремъ на себя смѣлости произносить какое бы то ни было рѣшительное сужденіе на ихъ счетъ. Но не можемъ не обратить вниманія на нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и весьма существенныя для дѣла различія отношеній названныхъ сейчасъ академій къ соотвѣтсвующимъ училищамъ и отношенія Морской академіи къ Морскому училищу. Артиллерійская и Инженерная академіи, не взирая на связь ихъ съ соотвѣтствующими

училищами, въ дѣйствительности несомнѣнно пользуются гораздо большею самостоятельностью, нежели академія Морская. Эта независимость ихъ отъ училищъ прочно установилась не только въ силу долговременнаго обычая и практики, но и выражается явнымъ образомъ, напримѣръ, въ томъ фактѣ, что обѣ академіи имѣютъ совершенно самостоятельный институтъ профессоровъ-спеціалистовъ по нѣкоторымъ изъ своихъ главныхъ предметовъ, каковы: артиллерія, фортификація и т. п. Такого института въ Морской академіи нѣтъ. Всѣ лица, преподающія въ ней, служатъ по обязательству, по временно дѣйствующему и болѣе или менѣе случайному личному соглашенію. Для каждаго изъ нынѣшнихъ профессоровъ Морской академіи она есть, такъ сказать, постороннее вѣдомство. Ученый персоналъ ея состоитъ изъ академиковъ, профессоровъ университета и высшихъ спеціальныхъ институтовъ и т. п. Преподаватели же предметовъ спеціальныхъ даже и не имѣютъ офиціально признаннаго за ними права носить званіе профессоровъ: они—или преподаватели Морскаго училища и слѣдовательно вполнѣ подчинены этому послѣднему, или состоятъ на службѣ внѣ училища и академіи и слѣдовательно связь ихъ съ нею есть чисто случайная и временная. Такимъ образомъ каждый изъ профессоровъ и преподавателей академіи, чувствуя себя связаннымъ съ нею только временнымъ и болѣе, или менѣе случайнымъ обязательствомъ преподавать тотъ или другой отдѣльный предметъ, по установленной программѣ, не имѣетъ никакого основанія и даже повода признавать себя вполнѣ солидарнымъ съ академіею и, въ силу такой солидарности принимать полное и безраздѣльное участіе въ общемъ ходѣ дѣла. къ которому, при всей доброжелательности, добросовѣстности и учености своей, онъ, по самому положенію своему, не можетъ относиться какъ къ дѣлу, лично его касающемуся, общій успѣхъ котораго лежитъ на его нравственной отвѣтственности и связанъ съ его репутаціею, какъ самостоятельнаго и дѣятельнаго члена нѣкоторой организованной ученой корпораціи. Повторяемъ еще разъ: такой правильно

организованной ученой корпораціи, при Морской академіи какъ таковой, не существуетъ. При академіяхъ же артиллерійской и инженерной она есть и одно это обстоятельство дѣлаетъ уже рѣзкую разницу между этими академіями и Морскою и устраняетъ всякую возможность распространенія на послѣднюю мѣръ удобопримѣнимыхъ въ отношеніи къ первымъ.

Есть еще цѣлый рядъ не менѣе существенныхъ обстоятельствъ, не допускающихъ указаннаго сейчасъ распространенія на Морскую академію мѣръ, удобопримѣнимыхъ къ академіямъ артиллерійской и инженерной. Вопервыхъ Николаевское инженерное и Михайловское артиллерійское училища суть совершенно спеціальныя и при томъ единственныя во всей Россіи учебныя заведенія для образованія военныхъ инженеровъ и артиллеристовъ (*). Вовторыхъ, ни то ни другое училище не задается никакими посторонними цѣлями, лежащими внѣ ихъ спеціальности. Въ третьихъ, въ то и другое заведеніе можно поступить не иначе, какъ по окончаніи полнаго общеобразовательнаго, классическаго, или реальнаго курса. Наконецъ, въ четвертыхъ, Михайловская артиллерійская и Николаевская инженерная академіи преслѣдуютъ каждая одну только свою исключительную спеціальность, вполнѣ однородную съ спеціальностью соотвѣтствующихъ имъ училищъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о Морскомъ училищѣ и Морской академіи, напротивъ, по отношенію къ нимъ мы замѣчаемъ условія прямо обратныя сейчасъ исчисленнымъ. Вопервыхъ Морское училище не единственное въ Россіи военно-морское учебное заведеніе. Въ Николаевѣ существуетъ совершенно однородное съ нимъ по окончательной цѣли и въ то же время менѣе сложное по своему устройству Черноморское юнкерское училище. Сверхъ

(*) Хотя въ артиллерію поступаютъ воспитанники и другихъ военныхъ училищъ, кромѣ артиллерійскаго, но, тѣмъ не менѣе, собственно артиллерійскихъ училищъ въ Россіи существуетъ только одно, и именно это то обстоятельство и важно для насъ въ данную минуту. Въ военные же инженеры даже нельзя и попасть помимо инженерной академіи.

того, издавна существуетъ Морское Техническое училище. Вовторыхъ Морское училище, кромѣ своей спеціальной цѣли, преслѣдуетъ еще цѣль общеобразовательную и воспитательную и потому представляется, въ сравненіи съ инженернымъ и артиллерійскимъ училищами, учебнымъ заведеніемъ, несравненно болѣе сложнымъ и разнороднымъ, и по своей организаціи, и по своей учебной дѣятельности, и по своимъ образовательнымъ задачамъ. Въ третьихъ, въ Морское училище можно поступать не только для завершенія извѣстнаго спеціальнаго образованія, но и для пріобрѣтенія общаго образованія. Наконецъ въ четвертыхъ, Морская академія, въ противоположность академіямъ инженерной и артиллерійской, имѣетъ въ виду не одну какую нибудь исключительную спеціальность, а нѣсколько: въ нее поступаютъ и флотскіе офицеры, и штурмана, и кораблестроители и механики, и каждый изъ этихъ спеціалистовъ долженъ найти въ ней удовлетвореніе своимъ образовательнымъ запросамъ. Такимъ образомъ цѣли Морской академіи, опять-таки въ противоположность съ академіями инженерною и артиллерійскою, не однородны съ окончательною цѣлью соотвѣтствующаго ей училища, а несравненно многостороннѣе и шире ея. Всѣ эти обстоятельства установляютъ еще разъ рѣзкую разницу въ отношеніяхъ съ одной стороны Морской академіи къ соотвѣтствующему училищу, а съ другой, Инженерной и Артиллерійской академій къ соотвѣтствующимъ училищамъ, а потому и не допускаютъ распространенія на Морскую академію мѣръ, принятыхъ для академій инженерной и артиллерійской. Если уже при обсужденіи организаціи Морской академіи нужно искать опоры въ существующихъ аналогичныхъ съ нею учрежденіяхъ военно-сухопутнаго вѣдомства, то гораздо правильнѣе будетъ остановиться для этой цѣли на Николаевской академіи генеральнаго штаба. Мы видимъ, что она совершенно отдѣлена отъ соотвѣтствующихъ ей военныхъ училищъ и пользуется полною самостоятельностью и независимостью отъ нихъ. Таково же, какъ намъ кажется на основаніи всего вышеизложеннаго, должно быть и положеніе Николаевской Морской академіи. Безъ сомнѣнія, тру-

дно даже представить себѣ, чтобы Николаевская академія генеральнаго штаба въ какомъ бы то ни было отношеніи выиграла отъ прикомандированія ея къ одному изъ соотвѣтствующихъ ей военныхъ училищъ, напримѣръ, къ Николаевскому кавалерійскому училищу. Какъ бы экстраординарна ни показалась такая мѣра, она въ сущности вполнѣ аналогична съ прикомандированіемъ Морской академіи къ Морскому училищу.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующему окончательному выводу: *чтобы поставить Николаевскую Морскую академію въ правильныя отношенія къ флоту съ одной стороны и къ приготовительнымъ морскимъ учебнымъ заведеніямъ съ другой, и дать ей возможность органически, правильно и широко развиваться въ будущемъ, соотвѣтственно ходу развитія морскаго дѣла, необходимо предоставить академіи полную административную и учебную самостоятельность и независимость отъ какихъ бы то ни было изъ существующихъ училищъ Морскаго вѣдомства.*

Въ высказанномъ сейчасъ положеніи само собою подразумѣвается, что должны быть приняты мѣры къ образованію при Морской академіи особаго института профессоровъ-спеціалистовъ. Безъ такого института Морская академія никогда не пріобрѣтетъ надлежащей самостоятельности и прочности, а образовательное вліяніе ея какъ спеціально Морской академіи навсегда останется незначительнымъ. Это очевидно уже по одному тому, что ученое учрежденіе, живущее не собственными интеллектуальными силами, а исключительно, такъ сказать, на чужой счетъ, не можетъ расчитывать на признаніе за нимъ, какъ за особымъ собирательнымъ учено-образовательнымъ лицомъ, какого бы то ни было самостоятельнаго авторитета. Несомнѣнно, что настоящій ученый персоналъ Морской академіи заключаетъ въ своемъ составѣ лицъ, справедливо пріобрѣвшихъ уваженіе и извѣстность въ ученомъ мірѣ, пользующихся лично вполнѣ заслуженнымъ высокимъ авторитетомъ, но, какъ было недавно указано выше, эти лица не принадлежатъ исключительно Морской академіи и, по своему офиціальному положенію, даже вполнѣ чужды ей.

Они—или академики, или профессора университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Поэтому участіе ихъ въ Морской академіи не можетъ быть принимаемо за существенный признакъ зрѣлости и самостоятельности самой Морской академіи, какъ особаго высшаго спеціально-образовательнаго института. Участіе этихъ лицъ въ образовательной дѣятельности академіи свидѣтельствуетъ только съ одной стороны о просвѣщенномъ вниманіи и сочувствіи ихъ къ распространенію высшаго образованія вообще, а съ другой стороны обнаруживаетъ не менѣе просвѣщенную же и дѣятельную заботливость начальника Морской академіи о замѣщеніи ея каѳедръ лицами, заслужившими почетную ученую и профессорскую репутацію. Но очевидно, что оба эти обстоятельства, при всей утѣшительности и важности ихъ, не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ о самостоятельности собственно Морской академіи и представляются въ этомъ отношеніи скорѣе признаками отрицательными. Академія обнаружитъ свою собственную внутреннюю силу и пріобрѣтетъ надлежащій ученый авторитетъ только тогда, когда въ *ея собственной средѣ* сформируется офиціально признаваемый и правильно организованный институтъ профессоровъ-спеціалистовъ по предметамъ, составляющимъ спеціальность академіи, какъ учрежденія, имѣющаго цѣлью высшее морское образованіе. При учрежденіи института профессоровъ Морской академіи, достаточно ограничиться только чисто спеціальными предметами, каковы: теорія корабля, корабельная архитектура, морская тактика, военно-морская исторія, военно-морская статистика и администрація, гидрографія и т. п. Нѣкоторые изъ спеціальныхъ предметовъ, каковы напр. теорія корабля и исторія кораблестроенія, или всеобщая и русская военно-морская исторія и т. п. могутъ быть даже слиты въ одну группу и поручены одному профессору. Для предметовъ же общихъ или, хотя бы и спеціальныхъ, но такихъ, которые разработываются въ другихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, кромѣ Морской академіи, можно попрежнему, приглашать постороннихъ профессоровъ, какъ

это практикуется и теперь не только Морскою академіею, но и другими высшими учебными заведеніями.

По поводу учрежденія при Морской академіи института профессоровъ-спеціалистовъ необходимо указать еще на одно весьма существенное обстоятельство, связанное съ этимъ вопросомъ. Всѣ признаютъ трудность пріисканія для академіи профессоровъ по спеціальнымъ предметамъ. Это обстоятельство, какъ мы видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ, составляетъ даже одинъ изъ аргументовъ противъ открытія при академіи военно-морскаго отдѣла. Затрудненіе это, независимо отъ условія найти лицъ вполнѣ компетентныхъ въ дѣлѣ, весьма усложняется тѣмъ, что, при всемъ желаніи отдаться вполнѣ ученой разработкѣ какого нибудь изъ спеціально-морскихъ предметовъ, многіе не могутъ на это рѣшиться, такъ какъ дѣло это оказывается самымъ тѣснымъ образомъ связаннымъ съ такимъ существеннымъ для каждаго смертнаго вопросомъ, какъ добываніе средствъ къ жизни. Представимъ себѣ положеніе, напримѣръ, хотя бы преподавателя военно-морской исторіи или исторіи русскаго военнаго флота. Допустимъ, что онъ имѣетъ четыре годовыхъ лекціи. Положимъ, что годовая лекція оплачивается въ академіи 200 р., слѣдовательно преподаватель получитъ всего 800 р. Присоединимъ къ этой цифрѣ содержаніе по чину около 1000 р. въ предположеніи, что преподаватель состоитъ на службѣ въ морскомъ вѣдомствѣ и не достигъ старшихъ чиновъ. Все его содержаніе достигнетъ цифры 1800 р., которую для круглаго счета положимъ въ 2000 р. На эти средства въ Петербургѣ, особенно при семьѣ, человѣкъ даже съ самыми скромными потребностями просуществовать не можетъ. Слѣдовательно, придется или искать постороннихъ заработковъ, что пойдетъ прямо въ ущербъ академической дѣятельности преподавателя, такъ какъ спеціально морскіе предметы до сихъ поръ мало разработаны и не приведены въ готовыя системы, а потому требуютъ исключительнаго, тщательнаго и усиленнаго кабинетнаго труда, или же вовсе отказаться отъ академической карьеры. Послѣднее конечно гораздо добросовѣстнѣе, по отношенію къ академіи, и спо-

койнѣе для отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ избавляетъ ихъ отъ грустной и достойной сожалѣнія роли быть орудіемъ профанаціи серіознаго дѣла. Сверхъ того, оно и удобнѣе, потому что даетъ возможность обратиться къ труду, менѣе тягостному и болѣе вознаграждаемому. Въ подобныя же условія поставлены будутъ и всѣ другіе преподаватели спеціально морскихъ предметовъ и вотъ одна изъ коренныхъ причинъ такъ называемаго недостатка въ людяхъ. Здѣсь проявляется не недостатокъ въ людяхъ, а просто недостатокъ въ правильной организаціи цѣлаго учрежденія съ экономической стороны. Чтобы часовая лекція по каждому изъ спеціально-морскихъ предметовъ вполнѣ отвѣчала высокому назначенію академіи, профессоръ долженъ собрать и привести въ стройный научно-систематическій порядокъ массу сыраго, необработаннаго матеріала и, сверхъ того, независимо отъ разработки частностей, долженъ еще предварительно охватить весь предметъ въ его цѣломъ, для чего потребуется близкое знакомство съ чрезвычайно обширною и крайне разбросанною литературою. Будетъ ли же въ самомъ дѣлѣ сколько нибудь справедливо и даже просто гуманно, оплачивать такой трудъ на основаніи того же мѣрила, какъ и трудъ преподавателя, хотя бы напримѣръ и высшей математики или инаго вполнѣ уже установившагося предмета, при изложеніи котораго преподаватель или профессоръ имѣютъ возможность пользоваться многими образцовыми по системѣ изложенія трудами, дидактическія достоинства которыхъ всѣми признаны, вполнѣ испытаны и провѣрены. Въ настоящее время, во многихъ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частной практикѣ, опытный и знающій свое дѣло преподаватель съ хорошею репутаціею, за вполнѣ обыденную педагогическую дѣятельность получаетъ 100, 150 и даже 200 руб. за годовой часъ. Возможно ли же при такихъ сложившихся уже экономическихъ условіяхъ, вошедшихъ въ ежедневную норму, расчитывать на привлеченіе въ академію спеціалистовъ по предметамъ, требующимъ обширныхъ предварительныхъ знаній и самаго непрерывнаго и усиленнаго кабинетнаго труда, оплачивая и этотъ трудъ и лекціи тѣми же

200 рубл.! Основанный на такихъ началахъ порядокъ вещей, очевидно, можетъ расчитывать на поддержку только со стороны или людей вполнѣ обезпеченныхъ, рентьеровъ, или со стороны такихъ исключительныхъ, аскетически преданныхъ своей спеціальности личностей, которые къ сожалѣнію встрѣчаются до крайности рѣдко. Ясно, что дѣло, поставленное въ зависимость отъ такихъ исключительныхъ случайностей, навсегда останется крайне шаткимъ и далеко не будетъ окупать даже и тѣхъ сравнительно незначительныхъ затратъ, которыя идутъ на него въ настоящее время. Мы совершенно серіозно думаемъ, что при такихъ условіяхъ лучше вовсе закрыть академію, чтобы никто не былъ вводимъ въ заблужденіе относительно прочности дѣла высшаго морскаго образованія и, чувствуя надобность въ тѣхъ или другихъ спеціальныхъ знаніяхъ, связанныхъ съ морскимъ дѣломъ, заранѣе освоивался бы съ мыслью, что для пріобрѣтенія искомыхъ знаній каждый долженъ расчитывать исключительно на собственныя свои силы. Итакъ, для приданія Морской академіи надлежащей прочности и солидности въ будущемъ, безусловно необходимъ институтъ профессоровъ-спеціалистовъ, обставленныхъ, напримѣръ, такъ, какъ ординарные профессора нашихъ университетовъ. Не забудемъ, наконецъ, что Морская академія есть единственное во всей Россіи высшее учебное заведеніе для приготовленія научнообразованныхъ спеціалистовъ, въ которыхъ нуждается не только нашъ военный флотъ, но и все русское общество. Неужели кораблестроеніе, напримѣръ, составляющее могущественное средство для развитія народнаго богатства и источникъ силы цѣлыхъ отдѣльныхъ странъ, есть дѣло столь для насъ неважное и ничтожное, что наука, къ нему относящаяся, не заслуживаетъ хотя бы нѣкоторой поддержки со стороны государства, и неужели эта, отвѣчающая существеннымъ потребностямъ культурной жизни и общеполезная отрасль человѣческихъ знаній не достойна самаго серіознаго вниманія съ нашей стороны?

XV.

О правахъ и преимуществахъ офицеровъ, кончившихъ курсъ въ Морской академіи.

До настоящаго времени вопросъ о правахъ и преимуществахъ, сопряженныхъ съ пріобрѣтеніемъ высшаго морскаго образованія, рѣшался, если не ошибаюсь, совершенно превратнымъ образомъ. Офицеры всѣхъ корпусовъ морскаго вѣдомства проходили службу вполнѣ одинаково, такъ сказать, по линіи, независимо отъ пріобрѣтеннаго ими образованія. Существовавшее нѣкогда производство въ слѣдующій чинъ, по окончаніи курса въ офицерскомъ классѣ, вовсе не отвѣчало своей цѣли, такъ какъ оно только перемѣщало офицера на нѣсколько десятковъ мѣстъ во флотскомъ спискѣ и затѣмъ дальнѣйшее прохожденіе службы совершалось обычнымъ, линейнымъ же порядкомъ. Если высшее образованіе признается существенно важнымъ и полезнымъ для службы,— а иначе нельзя и смотрѣть на дѣло, ибо, въ противномъ случаѣ, стало бы совершенно непонятнымъ—зачѣмъ государство несетъ значительные расходы на поддержаніе высшаго спеціальнаго образованія, зачѣмъ существуетъ Морская академія, — то нужно же какъ нибудь выразить, что наука, въ самомъ дѣлѣ, цѣнится, а не разсматривается какъ ненужная роскошь, безъ которой весьма легко обойтись. Между тѣмъ до настоящаго времени служебная практика постоянно доказывала противное. Флотскій офицеръ, окончившій курсъ высшаго образованія, достигалъ должности старшаго офицера и командира совершенно также, какъ и всякій другой, не получившій высшаго образованія. Можно безошибочно сказать, что пребываніе въ офицерскихъ классахъ и въ академіи даже задерживало служебное повышеніе офицера, отвлекая его на нѣкоторое время отъ дѣйствительной службы. То же самое вполнѣ относится и къ нашимъ

инженерамъ какъ кораблестроителямъ, такъ и механикамъ. И здѣсь служебное повышеніе и служебная дѣятельность ни малѣйшимъ образомъ не обусловливались качествомъ пріобрѣтеннаго офицеромъ образованія. При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ существовать никакого практическаго интереса поступать въ Морскую академію и затрачивать два, три года жизни на упорный и не легкій умственный трудъ. Съ другой стороны служебное равенство всѣхъ офицеровъ, независимо отъ свойствъ пріобрѣтеннаго ими образованія, дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ установленіе какихъ бы то ни было раціональныхъ мѣръ для поощренія высшаго образованія. Изданныя недавно новыя правила, по нашему мнѣнію, далеко не рѣшаютъ вопроса удовлетворительнымъ образомъ, являются несправедливостью по отношенію собственно флотскихъ офицеровъ и ставятъ ихъ даже въ неловкое положеніе, вознаграждая за пріобрѣтенное ими на счетъ государства высшее научное образованіе деньгами. Если наука дѣйствительно нужна для флота и уважается, то пусть это и выразится прямымъ и естественнымъ образомъ, напримѣръ въ томъ, что съ расширеніемъ образованія лица, будетъ расширяться и сфера его служебной дѣятельности, и наоборотъ. Принятіе же искуственныхъ поощрительныхъ мѣръ, выходящихъ за обычныя нормы служебныхъ правъ и преимуществъ, едвали будетъ полезно для дѣла высшаго образованія. Я хочу этимъ сказать, что вопросъ о поощреніи высшаго образованія до тѣхъ поръ не получитъ правильнаго рѣшенія, пока вниманіе будетъ устремлено только на академистовъ, на изобрѣтеніе собственно для нихъ особыхъ привиллегій и отличій. Не въ этомъ вовсе дѣло. Гораздо полезнѣе не положительныя, а отрицательныя средства. Необходимо перенести вниманіе на остальной персоналъ флота и озаботиться не повышеніемъ правъ офицеровъ, получившихъ высшее образованіе, потому что повышать эти права и нéчего, такъ какъ уже и теперь, по закону, каждому изъ академистовъ открыта служебная дорога, а ограни-

ченіемъ служебныхъ правъ лицъ, не получившихъ высшаго спеціальнаго образованія. Съ принятіемъ такой мѣры вопросъ получитъ сразу полное, совершенно естественное, правильное и вполнѣ справедливое рѣшеніе. Если напримѣръ будетъ постановлено, что старшимъ офицеромъ и, тѣмъ болѣе, командиромъ, можетъ быть только офицеръ, получившій высшее образованіе, то этимъ чрезвычайно поднимется во флотѣ значеніе академіи и тогда вовсе не нужно будетъ заботиться о созданіи разныхъ искуственныхъ средствъ для привлеченія молодыхъ людей къ высшему образованію. Можно быть увѣреннымъ, что тогда всякій способный офицеръ непремѣнно пойдетъ въ академію, и наука пріобрѣтетъ во флотѣ огромное значеніе и силу. Подобная мѣра не заключала бы въ себѣ ни малѣйшей несправедливости, такъ какъ вездѣ и повсюду сфера дѣятельности человѣка вполнѣ естественно расширяется пропорціонально количеству и качеству его образованія и пріобрѣтенной научной подготовки. По закону и обычаю, практикуемымъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, нельзя сдѣлаться ни врачемъ, ни судьею, ни адвокатомъ, ни инженеромъ и т. д. безъ пріобрѣтенія высшаго образованія по каждой изъ этихъ спеціальностей. То же самое должно быть распространено на всѣ роды дѣятельности, гдѣ требуется извѣстная спеціальная подготовка. Для подкрѣпленія высказанной мысли легко найти весьма подходящіе примѣры и въ сферахъ дѣятельности, аналогичныхъ съ военно-морскою службою. Въ нашемъ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ уже довольно давно практикуется обычай поручать командованіе полками и предоставлять занятіе высшихъ должностей вообще офицерамъ генеральнаго штаба, или окончившимъ курсъ въ военныхъ академіяхъ. Можно сказать, что служебное повышеніе нашихъ военно-сухопутныхъ офицеровъ въ мирное время исключительно опредѣляется качествомъ пріобрѣтеннаго ими образованія. И это совершенно справедливо, потому что въ самомъ дѣлѣ нельзя найти никакого другого, столь же правильнаго критеріума для оцѣнки относительнаго достоинства офицеровъ, если во

всѣхъ прочихъ отношеніяхъ они оказываются одинаковыми, т. е., если они одинаково ревностно и успѣшно исполняютъ всѣ требованія службы и обнаруживаютъ одинаковое же практическое знакомство съ нею. Само собою разумѣется, что сказанное не относится къ военному времени, когда выдающіяся личныя военныя достоинства офицера: храбрость, распорядительность, находчивость и проч. могутъ и непремѣнно должны выдвигать его впередъ, независимо отъ того— получилъ ли онъ высшее теоретическое образованіе, или нѣтъ. Тотъ же самый порядокъ непремѣнно долженъ быть принятъ и во флотѣ и только этимъ можно поднять у насъ значеніе науки и образованія. Иначе всѣ заботы о высшемъ морскомъ образованіи пропадутъ даромъ, будутъ вполнѣ безплодны. Флотъ нужно разсматривать какъ вполнѣ спеціальный родъ оружія. Наше военное вѣдомство, придавая, какъ сейчасъ сказано, весьма важное значеніе высшему военному образованію въ арміи, обращаетъ на этотъ предметъ еще большее вниманіе именно въ спеціальныхъ войскахъ. Такъ въ артиллерію выпускаются лучшіе изъ воспитанниковъ военныхъ училищъ и даже окончаніе курса въ инженерномъ училищѣ не даетъ еще права сдѣлаться военнымъ инженеромъ, а только саперомъ. Чтобы стать инженеромъ нужно кончить полный трехлѣтній курсъ Николаевской инженерный академіи, т. е. получить высшее теоретико-научное образованіе по инженерной части. Если сравнить это отношеніе военнаго вѣдомства къ наукѣ и образованію, съ тѣмъ, что принято у насъ во флотѣ, то усмотримъ громадную разницу и притомъ далеко не въ пользу флота. Обратимся напримѣръ къ инженерамъ, такъ какъ объ нихъ именно зашла теперь рѣчь. Военный корабль есть зданіе несравненно болѣе сложное, нежели всякая сухопутная крѣпость. Для сооруженія его потребно никакъ не менѣе знаній и искуства, нежели для возведенія сухопутныхъ укрѣпленій. Между тѣмъ какая громадная разница въ существующихъ требованіяхъ отъ нашихъ военныхъ инженеровъ и отъ такъ называемыхъ корабельныхъ инженеровъ! Въ самомъ дѣлѣ, чтобы поступить въ инженерное училище нужно кончить *полный* курсъ воен-

ной гимназіи, или реальнаго училища, и притомъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, такъ какъ условія поступленія въ инженерное училище очень строги. Далѣе, нужно пробыть въ самомъ училищѣ три года, а затѣмъ еще три года въ Николаевской инженерной академіи и только по окончаніи высшаго курса молодой человѣкъ становится военнымъ инженеромъ, если хорошо выдержитъ извѣстное испытаніе, въ противномъ случаѣ онъ выходитъ въ саперы. У насъ же во флотѣ, для пріобрѣтенія званія корабельнаго инженера достаточно *не кончивъ* даже вполнѣ гимназическій курсъ, поступить въ Техническое училище морскаго вѣдомства и пробыть въ немъ только четыре года! Это совершенно не нормально. Вѣдь званіе инженера есть ученая степень! Ею нельзя же облекать человѣка, недоучившагося даже въ среднемъ учебномъ заведеніи, преждевременно прервавшаго свое общее образованіе для спѣшнаго и поверхностнаго пріобрѣтенія лишь элементарныхъ началъ извѣстной спеціальности! Такого человѣка можно пожалуй разсматривать какъ лицо достаточно подготовленное для пріобрѣтенія впослѣдствіи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики, званія мастера или машиниста, но уже никакъ не ученаго инженера. А между тѣмъ нашъ корпусъ корабельныхъ инженеровъ и инженеръ-механиковъ сплошь формируется именно такимъ образомъ. Не въ этомъ ли и кроется главная причина нашей отсталости и несостоятельности въ теоріи и практикѣ кораблестроительнаго и корабельно-механическаго дѣла и не этимъ ли объясняется наша наклонность поручать серіозныя кораблестроительныя работы иностраннымъ заводамъ и иностраннымъ мастерамъ? Наконецъ не отъ этого ли зависитъ совершенное почти отсутствіе у насъ самостоятельной ученой литературы по части кораблестроенія? Куда бы мы не обратились, нигдѣ не найдемъ такого легкаго и поверхностнаго отношенія къ вопросу о высшемъ спеціальномъ образованіи. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы нашъ Технологическій институтъ. Тамъ, чтобы получить званіе инженеръ-технолога—нужно прежде всего окончить полный курсъ средняго учебнаго заведенія, гимназіи или реальнаго училища, и затѣмъ, про-

бывъ пять лѣтъ въ Технологическомъ институтѣ, выдержать особый экзаменъ сперва на званіе технолога перваго разряда и уже потомъ, пробывъ опредѣленный срокъ при практическихъ занятіяхъ, представить и защитить особую диссертацію на степень инженеръ-технолога. Не распространяясь болѣе на эту тему, позволю себѣ прямо предложить на обсужденіе слѣдующій рядъ мѣръ, поводы къ которымъ слишкомъ очевидны, для того, чтобы пускаться въ подробное ихъ объясненіе:

1) Во флотѣ должно быть учреждено особое званіе корабельнаго инженера или морскаго инженера, пріобрѣтаемое не иначе, какъ посредствомъ удовлетворительнаго окончанія полнаго курса на проектированномъ выше инженерномъ отдѣленіи Николаевской морской академіи.

2) Строителями кораблей, начальниками верфей, адмиралтействъ и заводовъ, главными механиками, старшими механиками на судахъ перваго ранга и т. п. могутъ быть только офицеры имѣющіе званіе корабельнаго инженера.

3) Всѣ прочіе офицеры, кончившіе курсъ въ Морскомъ техническомъ училищѣ, считаются состоящими по корпусу корабельныхъ инженеровъ, или причисленными къ нему.

4) Офицеры, состоящіе по корпусу корабельныхъ инженеровъ, занимаютъ только второстепенныя служебныя должности, т. е. могутъ быть помощниками инженеровъ при кораблестроительныхъ и механическихъ работахъ, въ адмиралтействахъ и на заводахъ, управлять готовыми судовыми машинами на второстепенныхъ судахъ флота и т. д.

Подобный же порядокъ долженъ быть принятъ и во флотѣ. Въ мирное время назначеніе въ должность старшихъ офицеровъ и въ особенности командировъ судовъ высшихъ ранговъ должно обусловливаться окончаніемъ курса въ Николаевской Морской академіи по военно-морскому отдѣлу. Офицеры же не окончившіе академическаго курса могутъ занимать должности вахтенныхъ начальниковъ, а старшими офицерами и командирами могутъ быть только на второстепенныхъ судахъ флота, за исключеніемъ случаевъ особаго военнаго отличія, или особой же, изъ ряду выходящей, отличной служебной

дѣятельности, признанной какимъ либо компетентнымъ собраніемъ, напримѣръ собраніемъ флагмановъ и капитановъ.

Въ такомъ же духѣ долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о корпусѣ флотскихъ штурмановъ, т. е. во флотѣ должно быть учреждено званіе инженеръ-гидрографа, пріобрѣтаемое успѣшнымъ окончаніемъ курса по гидрографическому отдѣленію Николаевской Морской академіи. Всѣ высшія должности, какъ во время плаванія такъ и на берегу, по гидрографической части, должны быть предоставляемы такимъ инженеръ-гидрографамъ. Прочіе же офицеры корпуса флотскихъ штурмановъ, или, собственно такъ называемые, штурмана, предназначаются исключительно для судовой службы или въ помощники инженеръ-гидрографовъ при производствѣ гидрографическихъ работъ.

Съ принятіемъ подобныхъ мѣръ не будетъ никакой надобности въ особыхъ средствахъ для привлеченія офицеровъ морскаго вѣдомства къ высшему образованію. Повторяемъ еще разъ, что тогда Морская академія непремѣнно будетъ всегда полна и представится возможность постепенно повышать требованія какъ пріемнаго, такъ и выпускнаго экзамена и дѣлать самый строгій выборъ слушателей, а это дастъ возможность постепенно же и непрерывно сообщать курсамъ Морской академіи все большую и большую полноту глубину и серіозность. При такихъ условіяхъ производство офицеровъ, кончившихъ академическій курсъ, въ слѣдующій чинъ и въ особенности награжденіе ихъ деньгами въ придачу къ пріобрѣтаемымъ неоцѣнимымъ выгодамъ и преимуществамъ высшаго образованія, сдѣлались бы мѣрами совершенно излишними. Заканчиваемъ эту главу слѣдующими прекрасными и глубоко справедливыми мыслями италіянскаго моряка Дегли Уберти (*): «для успѣшнаго командованія военнымъ кораблемъ, какъ и прежде, требуется громадное искуство, но въ основаніи этого искуства теперь должны лежать *наука* и *отважность*. Способнѣйшимъ капитаномъ можетъ сдѣлаться только человѣкъ, изощрившій умъ въ наукахъ, соприкосновен-

(*) «Морской Сборн.» 1875 г. № 7; морская хрон. стр. 12.

ныхъ съ военно-морскимъ дѣломъ, съ практикою котораго онъ ознакомился вначалѣ. На эту практику въ настоящее время слѣдуетъ смотрѣть только какъ на отходный пунктъ образованія военнаго моряка, а не какъ на средство, доставляющее возможность сдѣлаться достойнымъ командованія военнымъ судномъ».

XVI.

Общее заключеніе.

Все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ окончательнымъ положеніямъ относительно будущаго устройства Николаевской Морской академіи, которыя мы и изложимъ послѣдовательно одно за другимъ, сопровождая ихъ, въ случаѣ надобности, объясненіями и замѣчаніями, упущенными въ предыдущихъ главахъ:

1. Николаевская Морская академія существуетъ для высшаго спеціальнаго образованія въ морскихъ наукахъ. Въ ней сосредоточивается высшее научное образованіе по всѣмъ отраслямъ военно-морскаго дѣла.

(Указаніе, что въ Морской академіи сосредоточивается высшее научное образованіе по всѣмъ отраслямъ военно-морскаго дѣла, необходимо для того, чтобы предупредить на будущее время всякое дробленіе силъ, направленныхъ къ распространенію высшаго образованія на флотѣ. О вредѣ такого дробленія силъ мы подробно говорили, когда рѣчь шла объ отношеніяхъ Морской академіи къ минному офицерскому классу. Весьма вѣроятно, что, при дальнѣйшемъ развитіи военно-морскаго дѣла, возникнетъ въ будущемъ еще какая нибудь совершенно новая и важная, но непредвидимая теперь отрасль военно-морскаго дѣла. Научное изученіе ея, по нашему мнѣнію, должно быть отнесено къ задачамъ Морской же академіи и съ этою цѣлью и дана § 1-му предлагаемая редакція).

2. Для достиженія этой цѣли Николаевская Морская академія составляется изъ трехъ факультетовъ: военно-морскаго, гидрографическаго и факультета морскихъ инженеровъ.

(Существующій до сихъ поръ терминъ *«отдѣленіе»* умышленно замѣненъ названіемъ: *«факультетъ»*, такъ какъ это послѣднее гораздо полнѣе выражаетъ сущность и свойства обозначаемаго имъ предмета).

3. Полный курсъ наукъ въ Николаевской Морской академіи на всѣхъ трехъ факультетахъ продолжается три года.

4. Предметы изучаемые въ академіи раздѣляются на *общіе* и *спеціальные.*

5. Общіе предметы обязательны для всѣхъ слушателей академіи и читаются имъ всѣмъ одновременно. Съ этихъ предметовъ начинается академическій курсъ, такъ что первый учебный годъ посвящается исключительно общимъ предметамъ, которые суть слѣдующіе:

1. Аналитическая геометрія.
2. Алгебраическій анализъ.
3. Дифференціальное и интегральное исчисленія.
4. Аналитическая механика.
5. Основанія математической теоріи вѣроятностей.
6. Физика.
7. Статистика.
8. Иностранные языки.

Примѣчаніе 1. Если курсъ общихъ предметовъ не будетъ закончeнъ къ концу перваго академическаго года, то онъ переносится къ началу втораго учебнаго года.

Примѣчаніе 2. Программа общеобязательныхъ отдѣловъ физики опредѣляется особымъ постановленіемъ конференціи Николаевской Морской академіи, остальные отдѣлы физики переносятся въ курсы факультетскіе, по особому же распредѣленію, утверждаемому конференціею.

Примѣчаніе 3. Иностранные языки преподаются въ академіи въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ. Для каждаго слушателя непремѣнно обязателенъ одинъ изъ нихъ.

6. Спеціальные предметы обязательны только для слушателей соотвѣтствующихъ факультетовъ.

a) На военно-морскомъ факультетѣ читаются слѣдующіе предметы:

1. Прикладная механика.
2. Теорія корабля.
3. Исторія кораблестроенія.
4. Морская артиллерія.
5. Морская тактика.
6. Атака и оборона береговъ и морское минное искуство.
7. Военно-морская администрація и военно-морское хозяйство.
8. Всеобщая военно-морская исторія.
9. Исторія русскаго флота.
10. Международное право.

b) На факультетѣ морскихъ-инженеровъ читаются слѣдующіе предметы:

1. Высшая геометрія.
2. Начертательная геометрія.
3. Прикладная механика.
4. Курсъ построенія деталей машинъ.
5. Теорія корабля.
6. Исторія кораблестроенія.
7. Основаніе морской тактики и морской артиллеріи.
8. Общія основанія строительнаго искуства и корабельная архитектура.
9. Военно-морская администрація и портовое хозяйство.
10. Химія.
11. Технологія.

c) На гидрографическомъ факультетѣ излагаются:

1. Ученіе о магнетизмѣ и математическая теорія девіаціи компасовъ.
2. Ученіе о свѣтѣ съ его практическими приложеніями и въ особенности къ системамъ маячнаго освѣщенія.
3. Теоретическая и физическая астрономія.
4. Практическая астрономія.
5. Геодезія.

6. Физическая географія.
7. Землевѣдѣніе.
8. Исторія гидрографіи.
9. Этнографія.

Примѣчаніе. Курсы прикладной механики, теоріи корабля, исторіи кораблестроенія и военно-морской администраціи и хозяйства, суть общіе для слушателей военно-морскаго и инженернаго факультетовъ; но отъ конференціи академіи будетъ зависѣть опредѣленіе всѣхъ подробностей, относительно обязательности или необязательности разныхъ отдѣловъ программъ этихъ предметовъ для слушателей того или другаго факультета.

7. Кромѣ теоретическаго курса, слушатели академіи имѣютъ практическія занятія, подробности которыхъ опредѣляются конференціею академіи особо для каждаго факультета, съ соблюденіемъ, однакоже, слѣдующихъ непремѣнныхъ правилъ: слушатели военно-морскаго факультета посылаются въ плаваніе на судахъ флота, слушатели инженернаго факультета назначаются въ плаваніе на суда флота и къ кораблестроительнымъ или заводскимъ работамъ и притомъ одно плаваніе для этихъ слушателей безусловно обязательно; слушатели гидрографическаго факультета посылаются или въ плаваніе, или къ гидрографическимъ занятіямъ, или командируются на физическія и астрономическія обсерваторіи. Сверхъ обычныхъ практическихъ занятій слушатели всѣхъ факультетовъ обязаны по окончаніи курса въ академіи представить въ факультетъ самостоятельное сочиненіе на тему, избранную самимъ слушателемъ и одобренную факультетомъ или назначенную этимъ послѣднимъ.

8. Практическія работы составляютъ безусловно необходимую принадлежность академическихъ занятій слушателей. Безъ удовлетворительнаго выполненія ихъ ни одинъ слушатель не можетъ быть переводимъ изъ курса въ курсъ и выпущенъ изъ академіи съ дипломомъ. Отступленіе отъ этого правила допускается только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ и притомъ не иначе, какъ по особому постановленію конференціи, утвержденному высшимъ морскимъ начальствомъ

(Утвержденіе высшаго морскаго начальства требуется именно для того, чтобы какъ можно болѣе гарантировать строгое и неукоснительное выполненіе этого важнаго постановленія).

9. Къ слушанію лекцій въ Николаевской Морской академіи допускаются гардемарины, кондукторы и офицеры флота и всѣхъ корпусовъ морскаго вѣдомства, независимо отъ какихъ бы то ни было сроковъ службы и иныхъ ограниченій, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ § 19.

10. Желающіе слушать курсъ наукъ въ Николаевской Морской академіи обязаны просить о разрѣшеніи по командѣ. Прошенія объ этомъ должны быть подаваемы заблаговременно къ извѣстному сроку и, по разсмотрѣніи ихъ подлежащимъ начальствомъ, кандидаты вызываются начальствомъ академіи къ вступительному экзамену. Въ случаѣ надобности, на проѣздъ въ С.-Петербургъ выдаются офицерамъ прогонныя деньги, по положенію отъ казны. Но если офицеръ не выдержитъ пріемнаго экзамена, то возвращается въ свою команду на собственный счетъ и ко вторичному пріемному экзамену допускается уже безъ всякаго пособія со стороны казны для переѣзда къ мѣсту экзамена.

11. Объемъ и содержаніе экзаменныхъ требованій одинаковы для всѣхъ экзаменующихся въ академіи. Эти требованія опредѣляются особыми программами, заблаговременно установляемыми и объявляемыми конференціею академіи.

Предметы пріемнаго экзамена суть:

1. Геометрія.
2. Алгебра.
3. Тригонометрія.
4. Аналитическая геометрія.
5. Начертательная геометрія.
6. Механика.
7. Физика.
8. Русскій языкъ.
9. Одинъ изъ иностранныхъ языковъ: французскій, англійскій или нѣмецкій.

12. Всѣ офицеры, удовлетворительно выдержавшіе пріемный экзаменъ, принимаются въ академію. Нѣкоторое опредѣленное число выдержавшихъ пріемный экзаменъ офицеровъ, по старшинству экзаменнаго списка, принимаются въ число такъ называемыхъ *«штатныхъ слушателей»* академіи, пользующихся отъ казны, въ добавокъ къ получаемому ими по чину содержанію, особымъ денежнымъ пособіемъ. Остальные слушатели академіи пользуются только присвоеннымъ имъ по службѣ содержаніемъ, но сохраняютъ всѣ прочія права штатныхъ слушателей.

13. Число штатныхъ слушателей Николаевской Морской академіи измѣняется сообразно потребностямъ службы. Оно устанавливается высшимъ морскимъ начальствомъ на извѣстный срокъ впередъ и сообщается академіи для свѣдѣнія и объявленія во всеобщую извѣстность при вызовѣ офицеровъ, желающихъ поступить въ академію.

14. Кромѣ пріемнаго и выпускнаго испытаній слушатели академіи обязаны держать ежегодно переходный экзаменъ изъ курса въ курсъ. Слушатели, не удовлетворившіе требованіямъ переходнаго экзамена, возвращаются въ свои команды на собственный счетъ.

Примѣчаніе. Исключенія изъ этого постановленія допускаются только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напр. по серіозной и продолжительной болѣзни слушателя, по засвидѣтельствованной начальствомъ невозможности, зависящей отъ особыхъ обстоятельствъ службы, явиться въ срокъ къ слушанію лекцій и т. п. Притомъ всѣ подобныя исключенія должны быть освящены особымъ постановленіемъ конференціи.

15. Передъ началомъ каждаго новаго учебнаго года конференція академіи пересматриваетъ списокъ штатныхъ слушателей и, оставляя въ немъ только тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ извѣстный минимумъ балловъ, замѣщаетъ лицъ, неудовлетворившихъ этому требованію, другими слушателями изъ числа не штатныхъ. Минимумъ балловъ и другія условія поступленія въ число штатныхъ слушателей и выбытія

изъ этого числа, для офицеровъ, состоящихъ на факультетахъ, ежегодно установляются конференціею академіи.

16. Всѣ экзамены въ академіи, какъ вступительные, такъ и переходные и выпускные, производятся особыми коммисіями по назначенію конференціи, состоящими изъ профессоровъ и преподавателей академіи, а также и изъ другихъ членовъ конференціи. Экзаменъ происходитъ при открытыхъ дверяхъ. Условія, опредѣляющія подробности экзаменныхъ требованій, выполненіе которыхъ признается необходимымъ для удовлетворительности испытанія, установляются конференціей академіи и тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ вступительному экзамену, объявляются для всеобщаго свѣдѣнія при вызовѣ слушателей въ академію.

17. Желающіе могутъ поступать прямо на одинъ изъ трехъ факультетовъ академіи, но съ условіемъ удовлетворительной сдачи какъ вступительнаго экзамена, такъ и экзамена изъ полнаго перваго общаго курса академіи. Эти экзамены сдаются не иначе, какъ одновременно съ экзаменами для прочихъ слушателей академіи. Лица поступившія прямо на спеціальные курсы пользуются одинаковыми правами со всѣми слушателями академіи.

18. По окончаніи перваго, общаго курса академіи, каждый слушатель избираетъ себѣ, какъ спеціальность, одинъ изъ трехъ факультетовъ академіи и только по этому факультету выпускной экзаменъ будетъ обязателенъ для слушателя. Впрочемъ желающимъ не возбраняется слушать курсы и постороннихъ факультетовъ, равно какъ и держать по нимъ окончательный экзаменъ.

19. Лица, кончившія курсъ въ Техническомъ училищѣ морскаго вѣдомства по отдѣленіямъ кораблестроительному, механическому или артиллерійскому, допускаются на военно-морской и гидрографическій факультеты академіи не иначе, какъ по сдачѣ особаго экзамена изъ курса Морскаго училища и по совершеніи ими не менѣе трехъ трехмѣсячныхъ плаваній съ исполненіемъ обязанности флотскаго или штурманскаго офицера, смотря по тому, на какой изъ двухъ факультетовъ желаютъ поступить. Офицеры, кончившіе курсъ

въ Техническомъ училищѣ по штурманскому отдѣленію, допускаются на военно-морской факультетъ академіи по сдачѣ особаго экзамена изъ курса Морскаго училища и по совершеніи не менѣе двухъ трехмѣсячныхъ плаваній съ исполненіемъ обязанности флотскаго офицера; на инженерный факультетъ они могутъ быть допущены только по сдачѣ особаго же экзамена изъ курса Техническаго училища по отдѣленію кораблестроительному и пробывъ при кораблестроительныхъ или иныхъ однородныхъ практическихъ занятіяхъ не менѣе 12-ти мѣсяцевъ. Офицеры флота допускаются на инженерный факультетъ академіи не иначе, какъ по сдачѣ особаго экзамена изъ курса Техническаго училища морскаго вѣдомства по отдѣленію кораблестроительному. Внѣ исчисленныхъ сейчасъ исключеній, слушатели избираютъ факультеты совершенно свободно. Экзамены, о которыхъ упоминается въ настоящемъ пунктѣ, производятся въ соотвѣтствующихъ училищахъ морскаго вѣдомства, которыя и снабжаютъ экзаменовавшихся особыми свидѣтельствами о выдержанномъ испытаніи. Программы этихъ испытаній установляются конференціею по особому соглашенію съ учебнымъ начальствомъ морскихъ учебныхъ заведеній.

(Ограниченія, изложенныя въ этомъ постановленіи, необходимы для обезпеченія академическихъ факультетовъ отъ поступленія такихъ слушателей, предварительное теоретическое и практическое образованіе которыхъ не соотвѣтствуетъ спеціальности факультета. Внѣ же указанныхъ здѣсь исключеній можно не требовать особой предварительной практической подготовки слушателей только потому, что пріобрѣтеніе ея въ достаточной мѣрѣ предполагается за офицерами, кончившими тотъ или другой спеціальный курсъ въ одномъ изъ училищъ Морскаго вѣдомства, какъ это было подробно объяснено въ главѣ объ условіяхъ пріема слушателей въ академію).

20. Кромѣ указанныхъ выше слушателей, въ Николаевскую Морскую академію допускаются вольнослушатели какъ изъ военно-служащихъ, такъ и изъ частныхъ лицъ. Послѣдніе

допускаются, впрочемъ, только на лекціи инженернаго и гидрографическаго факультетовъ. Разрѣшеніе на постоянное посѣщеніе лекцій въ академіи въ качествѣ вольнослушателя дается конференціею академіи, временное же посѣщеніе отдѣльныхъ лекцій разрѣшается, съ согласія профессора, начальникомъ академіи. Вольнослушатели не обязаны держать никакихъ экзаменовъ. Но если кто либо изъ вольнослушателей пожелаетъ держать экзаменъ изъ полнаго курса наукъ по одному изъ двухъ, указанныхъ въ этомъ пунктѣ, факультетовъ и представитъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнныя доказательства достаточности практической своей опытности по избранной специальности, то конференціи академіи предоставляется допустить такое лицо къ экзамену и, при удовлетворительности его, выдать экзаменовавшемуся соотвѣтствующій ученый дипломъ.

21. Слушателямъ, успѣшно окончившимъ полный курсъ наукъ по одному изъ факультетовъ Николаевской Морской академіи, выдается отъ конференціи ея особый дипломъ и присвоивается академическій знакъ, согласно общему положенію о военныхъ академіяхъ.

22. Сверхъ того, успѣшное окончаніе курса въ Николаевской Морской академіи влечетъ за собою слѣдующія, особо для каждаго изъ трехъ факультетовъ, права и преимущества.

а) для факультета военно-морскаго:

1. Пріобрѣтеніе званія офицера морскаго генеральнаго штаба.

2. Назначеніе въ заграничное плаваніе въ должности соотвѣтствующей чину, при первомъ представляющемся случаѣ, преимущественно передъ всѣми другими офицерами, не кончившими курса въ академіи. Порядокъ замѣщенія вакансій на судахъ, отправляющихся въ заграничное плаваніе, офицерами, кончившими курсъ въ академіи, опредѣляется ихъ старшинствомъ по выпускному экзамену.

3. Офицеры морскаго генеральнаго штаба, преимущественно передъ всѣми прочими, назначаются въ должности старшихъ офицеровъ, командировъ судовъ первыхъ ранговъ, флагъ-капитановъ, начальниковъ морскихъ штабовъ и т. п.

в) для факультета инженернаго:

1. Пріобрѣтеніе званіе корабельнаго инженера.

2. Немедленное, вслѣдъ за окончаніемъ курса въ академіи, назначеніе въ заграничное плаваніе, съ соблюденіемъ условій указанныхъ въ пунктѣ а) 2), или назначеніе къ работамъ при постройкѣ судовъ или на заводахъ.

3. Строителями судовъ, начальниками верфей, адмиралтействъ и заводовъ, главными механиками, старшими механиками на судахъ перваго ранга, техническими агентами морскаго вѣдомства въ Россіи и заграницею и т. п. могутъ быть исключительно только офицеры, имѣющіе званіе корабельнаго инженера.

с) для факультета гидрографическаго:

1. Пріобрѣтеніе званія инженеръ-гидрографа.

2. Немедленное по окончаніи курса въ академіи назначеніе, при первомъ представляющемся случаѣ, въ дальнее плаваніе на должность соотвѣтствующую служебному старшинству и пріобрѣтенной служебной опытности, или назначеніе къ гидрографическимъ работамъ, или инымъ занятіямъ, соотвѣтствующимъ спеціальности, преимущественно передъ всѣми прочими офицерами корпуса флотскихъ штурмановъ, не кончившихъ курса въ академіи.

3. Всѣ высшія должности, какъ во время плаванія, такъ и на берегу, по гидрографической части, предоставляются исключительно инженеръ-гидрографамъ.

(Можетъ быть выбранное здѣсь званіе *«офицеръ морскаго генеральнаго штаба»* придумано неудачно и было бы лучше замѣнить его другимъ. Но какая нибудь мѣра въ этомъ родѣ кажется намъ крайне полезною и необходимою для соблюденія надлежащаго соотвѣтствія между правами слушателей на другихъ академическихъ факультетахъ и факультетѣ военно-морскомъ. Термины же *«корабельный инженеръ»* и *«инженеръ-гидрографъ»* представляются намъ вполнѣ удачными).

23. Лучшій изъ окончившихъ курсъ въ Николаевской Морской академіи по каждому изъ трехъ ея факультетовъ, полу-

чаетъ право на командировку за границу съ техническою или иною ученою цѣлью, не менѣе, какъ на одинъ годъ. Соискательство на это право предоставляется конкурентамъ на основаніи особыхъ правилъ, составляемыхъ конференціею академіи.

(Эта мѣра существуетъ до настоящаго времени. Ее полезно удержать и въ будущемъ не только для поощренія академистовъ, но и ради интересовъ самаго флота, такъ какъ непрерывное поддержаніе близкаго, непосредственнаго знакомства молодыхъ хорошо образованныхъ офицеровъ съ состояніемъ морскаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ окажетъ существенное вліяніе на успѣхи нашего собственнаго флота).

24. Послѣ выпуска изъ академіи всѣмъ офицерамъ, успѣшно окончившимъ курсъ, предоставляется право воспользоваться въ теченіе года четырехмѣсячнымъ отпускомъ съ производствомъ жалованья.

25. Вызовъ слушателей въ академію производится ежегодно, а потому и выпускъ изъ академіи бываетъ ежегодно же.

(На первое время въ видѣ переходной мѣры, впредь до разъясненія вопроса опытомъ, вызовъ слушателей можно дѣлать въ два года одинъ разъ, какъ это дѣлается и теперь).

26. Ежегодное начало занятій въ академіи бываетъ 1-го сентября, а окончаніе около 1-го мая, при чемъ конференція озабочивается распредѣлить занятія такъ, чтобы слушатели въ концѣ учебнаго года имѣли хотя нѣкоторое свободное время въ видѣ каникулъ. Лѣтній промежутокъ между курсами предназначается на самостоятельныя практическія упражненія слушателей по избраннымъ ими спеціальностямъ. Выборъ практическихъ упражненій и составленіе для этой цѣли инструкцій и наставленій возлагается на академическіе факультеты, постановленія которыхъ по этому предмету разсматриваются и утверждаются конференціею.

27. Особаго артиллерійскаго факультета при Николаевской Морской академіи не учреждается, на томъ основаніи,

что научная часть артиллеріи преподается въ обширномъ размѣрѣ въ Михайловской артиллерійской академіи. Офицеры корпуса морской артиллеріи, или офицеры флота, желающіе посвятить себя изученію артиллеріи, поступаютъ, при содѣйствіи морскаго вѣдомства, въ Михайловскую артиллерійскую академію и, по успѣшномъ окончаніи въ ней курса, удостовѣренномъ начальствомъ помянутой академіи и по выполненіи требованія, указаннаго въ § 28, пользуются въ сферѣ своей спеціальности правами и преимуществами, подобными исчисленнымъ въ §§ 12, 21, 22 и 24.

28. Офицеры морскаго вѣдомства окончившіе курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи, для пріобрѣтенія въ морскомъ вѣдомствѣ служебныхъ преимуществъ, указанныхъ въ § 27, обязаны сдать въ Николаевской Морской академіи экзаменъ изъ курсовъ морской артиллеріи, морской тактики и атаки и обороны береговъ со включеніемъ миннаго искуства, читаемыхъ на военно-морскомъ факультетѣ. Конференція Николаевской Морской академіи, при распредѣленіи лекцій въ академіи, имѣетъ въ виду указанное въ этомъ пунктѣ требованіе, для того, чтобы доставить офицерамъ, занимающимся въ артиллерійской академіи, возможность безпрепятственно посѣщать лекціи упомянутыхъ сейчасъ предметовъ.

29. Николаевская Морская академія есть самостоятельное высшее морское учебное заведеніе, состоящее подъ управленіемъ особаго начальника, должность котораго не совмѣстна въ начальствованіемъ надъ однимъ изъ училищъ морскаго вѣдомства. Начальникъ Николаевской Морской академіи назначается Высочайшимъ приказомъ.

30. Слушатели академіи непосредственно подчинены начальнику ея и обязаны соблюдать всѣ его инструкціи и приказанія.

31. Все относящееся къ благоустройству Николаевской Морской академіи и благоуспѣшности ея образовательной дѣятельности, какъ-то: утвержденіе программъ, порядокъ, содержаніе и характеръ экзаменовъ, пріемъ слушателей въ академію и переводъ ихъ изъ курса въ курсъ, цѣлесообразное распредѣленіе лекцій и занятій, установленіе практиче-

скихъ упражненій слушателей, выдача дипломовъ, выборъ профессоровъ и преподавателей и т. д. возлагается на попеченіе конференціи Николаевской Морской академіи.

32. Начальникъ Николаевской Морской академіи есть предсѣдатель конференціи. Онъ завѣдуетъ всею распорядительною частью и въ особенности заботится о точномъ и неуклонномъ выполненіи всѣхъ постановленій конференціи.

33. Вопросы, обсуждаемые конференціею, рѣшаются большинствомъ присутствующихъ членовъ, за исключеніемъ случаевъ, особо оговоренныхъ въ § 34. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Если начальникъ академіи будетъ несогласенъ съ большинствомъ членовъ конференціи, то обстоятельство это, вмѣстѣ съ особымъ мнѣніемъ начальника и поименнымъ перечисленіемъ голосовъ всѣхъ членовъ, заносится въ протоколъ конференціи, который представляется на благоразсмотрѣніе высшаго морскаго начальства для окончательнаго рѣшенія вопроса.

(Начальнику академіи необходимо предоставить право указанное въ этомъ пунктѣ, потому что будучи представителемъ интересовъ государственной службы, онъ обязанъ заботиться о соблюденіи ихъ. Морская академія есть учрежденіе, существующее, между прочимъ, для достиженія нѣкоторыхъ спеціальныхъ государственныхъ цѣлей; въ составѣ же академической конференціи будетъ значительное число лицъ, постороннихъ морскому вѣдомству и слѣдовательно не близко знакомыхъ со всѣми подробностями и требованіями военно-морской службы. Въ виду этихъ-то обстоятельствъ и необходимо, если не ошибаюсь, принятіе предлагаемаго здѣсь постановленія).

34. Переводъ слушателей академіи изъ курса въ курсъ и вопросъ объ удостоеніи ихъ, по окончаніи курса, академическими дипломами предварительно обсуждаются на частныхъ факультетскихъ собраніяхъ и состоявшееся мнѣніе факультета окончательно разсматривается и утверждается конференціею. Если конференція не согласится съ факультетскимъ рѣшеніемъ, а факультетъ останется при своемъ мнѣ-

ніи, то спорный вопросъ окончательно рѣшается въ конференціи тою стороною, на которой будетъ большинство голосовъ профессоровъ-спеціалистовъ. Если же голоса этихъ послѣднихъ раздѣлятся поровну, то голосъ начальника академіи даетъ перевѣсъ. Для дѣйствительности факультетскихъ рѣшеній, о которыхъ сейчасъ сказано, требуется участіе всѣхъ членовъ факультета, которыми считаются всѣ лица преподающія на факультетѣ. Факультетскія рѣшенія по вопросамъ, указаннымъ въ этомъ параграфѣ, составляются большинствомъ двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ факультета.

(Такъ какъ съ окончаніемъ курса въ академіи сопряжены весьма значительныя и важныя по послѣдствіямъ права, то вопросъ объ удостоеніи офицеровъ академическими дипломами пріобрѣтаетъ очень большое значеніе. Для обезпеченія за рѣшеніемъ этого вопроса наибольшей правильности и предложены упомянутыя въ § 34 постановленія).

35. На обязанности частныхъ же факультетскихъ собраній лежитъ разработка подробностей программъ курсовъ, читаемыхъ на факультетѣ, инструкцій и наставленій для практическихъ занятій слушателей, подробное разсмотрѣніе и оцѣнка представляемыхъ слушателями работъ и сочиненій, забота о выборѣ учебныхъ пособій и книгъ для академической библіотеки и т. п. Постановленія факультетовъ окончательно разсматриваются и утверждаются конференціею.

36. Факультеты сами избираютъ изъ своей среды предсѣдателя своихъ собраній, который и докладываетъ обо всѣхъ дѣлахъ факультета конференціи. На обязанности же предсѣдателя факультетскаго собранія лежитъ и своевременный, по мѣрѣ надобности, созывъ собранія.

37. Всякое лицо, преподающее въ Николаевской Морской Академіи есть непремѣнный членъ ея конференціи.

38. Лица преподающія въ Николаевской Морской академіи спеціальные предметы а именно: теорію корабля и исторію кораблестроенія, морскую тактику, атаку и оборону береговъ и морское минное искуство, военно-морскую администрацію и хозяйство, военно-морскую статистику, всеоб-

щую и русскую военно-морскую исторію, корабельную архитектуру и гидрографію съ ея исторіею, носятъ званіе профессоровъ Николаевской Морской академіи и получаютъ по этому званію особое содержаніе.

39. Профессорами Николаевской Морской академіи могутъ быть только офицеры флота или одного изъ его корпусовъ, за исключеніемъ профессора гидрографіи, которымъ можетъ быть всякое лицо, компетентность котораго будетъ признана конференціею Морской академіи.

(Допущенное здѣсь исключеніе вполнѣ объясняется тѣмъ, что гидрографія есть одна изъ частныхъ отраслей физической географіи, изученіе которой не составляетъ исключительной спеціальности моряка. И въ академіяхъ и въ университетахъ всѣхъ образованныхъ странъ есть каѳедры физической географіи).

40. Десятилѣтняя служба въ должности профессора Николаевской Морской акадміи даетъ ему право на полученіе пожизненной пенсіи, которая остается за нимъ и на службѣ.

(Сущность постановленія, заключающагося въ этомъ параграфѣ, не можетъ вызвать возраженія, такъ какъ выслуга пенсіи есть общепризнаваемое послѣдствіе всякой государственной службы. Что касается десятилѣтняго срока, то онъ предлагается не столько въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ (хотя и это обстоятельство крайне важно для успѣха академіи), сколько въ интересахъ дѣла, которое, очевидно, должно стоять въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ. Если назначить обычный 25 лѣтній и тому подобный продолжительный срокъ (который, замѣтимъ здѣсь кстати, расчитанъ на несуществующихъ уже въ современныхъ поколѣніяхъ преподавателей и профессоровъ особыхъ физическихъ и нравственныхъ атлетовъ), то конференція академіи будетъ очень стѣснена въ замѣнѣ выслужившаго срокъ профессора новымъ лицомъ болѣе достойнымъ и полезнымъ для дѣла. Она, по весьма естественному въ людяхъ чувству, препятствующему ставить ближняго своего въ затруднительное положеніе, будетъ тер-

нѣть профессора, который съ большею пользою могъ бы быть замѣненъ другимъ лицомъ, до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно и рѣшится на удаленіе его развѣ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Да наконецъ и возбужденіе вопроса объ удаленіи профессора есть дѣло въ высшей степени деликатное и щекотливое, на которое трудно рѣшиться безъ самихъ крайнихъ причинъ. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ и предлагается разсматриваемая мѣра, которая доставитъ конференціи академіи значительную свободу дѣйствій на пользу высшаго морскаго образованія въ государствѣ. Мы убѣждены, что безъ принятія подобной мѣры, существенные интересы флота, его постоянное пребываніе на высотѣ современныхъ требованій въ настоящемъ и его прогрессивное развитіе въ будущемъ, будутъ весьма прискорбнымъ образомъ нарушены и поколеблены).

41. По истеченіи десятилѣтія со дня занятія профессоромъ Николаевской Морской академіи каѳедры, она формально признается вакантною и конференція обязана приступить къ выбору новаго профессора на эту каѳедру. Конференціи предоставляется однако избрать на вакантную каѳедру прежняго же профессора на слѣдующее пятилѣтіе по истеченіи котораго происходятъ новые выборы и т. д. Профессора Николаевской Морской академіи, прослужившіе въ этой должности болѣе десяти лѣтъ, получаютъ званіе заслуженныхъ профессоровъ, которымъ пользуются и по оставленіи ими каѳедры и навсегда дѣлаются членами конференціи академіи, но, ни выслуженная ими пенсія, ни содержаніе, сопряженное съ званіемъ профессора, не увеличиваются.

(Это постановленіе содержитъ въ себѣ только дальнѣйшее необходимое и естественное развитіе начала, положеннаго въ основу предыдущаго правила. Содержаніе и пенсія заслуженнаго профессора, вопреки принятому во многихъ случаяхъ порядку, отнюдь не увеличиваются для того, чтобы конференція была вполнѣ свободна въ своихъ рѣшеніяхъ и обусловливала ихъ единственно только интересами дѣла, а не лицъ. Если не принять этого правила, то неизбѣжно

возникнетъ сильный матеріальный интересъ для продолженія профессорской службы, а этого-то и нужно какъ можно болѣе избѣгать. Предлагаемая мѣра, будучи сама по себѣ вполнѣ справедливою и цѣлесообразною въ то же время вполнѣ соотвѣтствуетъ и интересамъ казны, сглаживая до нѣкоторой степени расходы, сопряженные съ кратковременностью срока выслуги пенсіи).

42. Конференція Николаевской Морской академіи составляется изъ преподающихъ въ академіи и иныхъ лицъ, особо назначаемыхъ въ составъ ея членовъ высшимъ морскимъ начальствомъ, а также и избираемыхъ самою конференціею изъ лицъ, которыя, по своимъ знаніямъ и опытности, могутъ быть полезны при занятіяхъ конференціи.

43. Конференція избираетъ изъ числа профессоровъ Николаевской Морской академіи одного въ должность помощника начальника академіи, который, по утвержденіи его въ этой должности высшимъ морскимъ начальствомъ, исполняетъ всѣ обязанности начальника академіи въ случаѣ его отсутствія и въ то же время завѣдуетъ производствомъ дѣлъ конференціи. Помощникъ начальника Николаевской Морской академіи получаетъ по этой должности особое содержаніе и смѣняется черезъ каждое пятилѣтіе, но можетъ быть выбираемъ конференціею и подрядъ на два и болѣе срока.

44. Главнѣйшая обязанность конференціи Николаевской Морской академіи состоитъ въ томъ, чтобы внимательно слѣдя за всѣми усовершенствованіями различныхъ отраслей морскаго дѣла, вводить, по мѣрѣ надобности, всѣ необходимыя улучшенія и дополненія въ программы академическихъ курсовъ, всегда поддерживая эти курсы на высотѣ современнаго состоянія науки и практики. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли конференціи предоставляется право и вмѣняется въ обязанность своевременно входить черезъ своего предсѣдателя съ представленіями къ высшему морскому начальству о разрѣшеніи всякаго рода мѣръ, могущихъ быть полезными для дѣла морскаго образованія въ государствѣ.

45. Конференція сама вырабатываетъ и окончательно опре-

дѣляетъ всѣ правила, относящіяся къ подробностямъ внутренней дѣятельности академіи и ея факультетовъ.

46. Конференціи Николаевской Морской академіи предоставляется право, независимо отъ нормальныхъ, обычныхъ курсовъ, открывать въ помѣщеніи академіи, а также и въ другихъ мѣстахъ, особыя какъ частныя, такъ и общедоступныя лекціи и научныя бесѣды по различнымъ вопросамъ, относящимся до морскаго дѣла, или находящимся въ связи съ нимъ.

47. Ежегодно послѣ выпуска изъ академіи происходитъ публичный торжественный актъ, на которомъ прочитывается краткій отчетъ о всѣхъ существенныхъ сторонахъ дѣятельности академіи за истекшій годъ и произносятся профессорами академіи или членами ея конференціи соотвѣтствующія случаю рѣчи. Болѣе подробный отчетъ о дѣятельности академіи періодически представляется на благоусмотрѣніе высшаго морскаго начальства.

48. Конференція Николаевской Морской академіи въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, а также и по выпискѣ для академіи иностранныхъ сочиненій и по печатанію и изданію въ свѣтъ своихъ трудовъ или трудовъ своихъ членовъ, одобренныхъ конференціею, пользуется всѣми правами, присвоенными существующимъ въ Россіи и признаннымъ правительствомъ ученымъ обществамъ и другимъ ученымъ учрежденіямъ.

Въ изложенныхъ 48 пунктахъ резюмируются всѣ существенныя предложенія, относящіяся къ устройству Николаевской Морской академіи, вытекающія изъ всей совокупности предпринятаго нами труда. Если къ предложеніямъ этимъ присоединить еще вопервыхъ желаніе, чтобы для сформированія корпораціи профессоровъ Николаевской Морской академіи былъ назначенъ вполнѣ правильный конкурсъ и во вторыхъ, чтобы совершена была реформа въ организаціи корпусовъ корабельныхъ - инженеровъ и инженеръ - механиковъ въ смыслѣ сліянія обѣихъ спеціальностей и установленія во флотѣ особаго званія *корабельнаго или морскаго инженера*,

съ послѣдствіями, о которыхъ подробно говорилось въ главѣ XV, то этимъ исчерпывается пока все существенное, чего, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ желать для постановки дѣла высшаго морскаго образованія на вполнѣ твердую и хорошую почву и для сообщенія ему задатковъ къ широкому и плодотворному развитію въ будущемъ. Конечно, многое можно было бы еще сказать и по поводу приготовительнаго морскаго и морскаго техническаго образованія, отъ которыхъ неизбѣжно зависитъ успѣхъ образованія высшаго, но этотъ вопросъ, при всей его важности, выходитъ уже за предѣлы нашей программы, а потому мы и заканчиваемъ настоящій нашъ трудъ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
12	2 сн.	самостоятельность	состоятельность
36	7 св.	курсѣ	курсъ
37	8 сн.	изученіе	то изученіе
48	7 сн.	равнообразные	разнообразные
49	4 св.	упущеніи	опущеніи
57	16 сн.	вѣроятности	вѣроятныя
62	8 св.	острого	строгаго
63	8 св.	оно	онъ
65	2 сн.	упущеніе	опущеніе
65	14 сн.	упущеніе	опущеніе
68	16 сн.	академіи	академій
69	12 св.	долженъ бы	долженъ
70	18 сн.	круса	круга
76	3 сн.	и изученіе	а изученіе
76	15 св.	только имъ	только посредствомъ ея одной
77	6 св.	потребностей	подробностей
83	17 св.	единственно на-правляющій	единственно вѣрный путь, направляющій
101	7 св.	этото	этого
102	18 св.	программѣ	программы
104	10 сн.	при образованіи	при преобразованіи
107	15 св.	академіи	академію
109	1 св.	!	?
119	11 сн.	ачала иприкладной	начала прикладной
188	9 сн.	учено	учебно
204	14 сн.	въ академіи	въ академію
214	4 сн.	въ замѣнѣ выслужившаго срокъ профессора	въ замѣнѣ профессора
216	14 св.	изъ числа профессоровъ	изъ членовъ конференціи

